

ПОСЁЛОК ФОРНОСОВО

Люди
и судьбы

*Книга издана в честь 65-летия посёлка Форносово
и 70-летия победы в Великой Отечественной
войне 1941-1945г.г.*

В книге использованы фотографии из семейных архивов
и краеведческого фонда Форносовской поселковой библиотеки.

Автор - составитель: Ермоленко Т.С.
Ответственный за выпуск: Зиновьева Г.И.

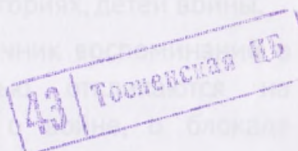
Муниципальное казённое учреждение культуры
«Тосненская межпоселенческая централизованная библиотечная система»

Форносовская поселковая библиотека

Из истории Тосненского района

Поселок Форносово Люди и судьбы

Тосно, 2014 год

Былое

Так что же такое былое?
Былое — не склеп и не храм,
Былое — строенье жилое,
Где место найдётся и нам.

Былое — дворец, возведённый
Над бездной скорбей и утрат;
В дворце том людей миллионы
У солнечных окон стоят.

Там наши друзья фронтовые,
Которых убила война;
Там всем, кого помнят живые,
Надолго жилплощадь дана.

И мы туда тоже прибудем.
Родной не покинув земли,
Поскольку не боги, а люди
Строение то возвели.

Никто не останется в нетях
И не растворится в былом,
Пока средь живущих на свете
Хоть кто-нибудь помнит о нём.

Вадим Шефнер

Как родилась эта книга

В нашем посёлке Форносово, образовавшемся в 1949 году, 65 лет назад, проживают не только люди, родившиеся в его окрестностях; большая его часть состоит из приехавших из разных уголков России, для которых он стал судьбой. Форносовская библиотека не однажды писала о тех, кто оставил след в истории нашего посёлка, начинала собирать наиболее интересные воспоминания.

Новый импульс этой деятельности придало участие в проектах Тосненской районной библиотеки по работе с пожилыми людьми. В 2012-2013 годах наша библиотека приняла участие в проекте «Мы не хотим, чтоб это повторилось...» в рамках международной Программы «Место встречи: диалог». Результатом стала публикация в книге «Войной украденное детство...», выпущенной Тосненской центральной районной библиотекой, воспоминаний пятерых форносовских женщин, в детские годы познавших тяжесть принудительного труда на чужбине.

С 2013 года Форносовская библиотека принимает участие в новом совместном проекте для пожилых людей «Война. Победа. Память» в рамках той же международной программы.

Он задуман, как место общения людей, родившихся до 9 мая 1945 года — блокадников, бывших несовершеннолетних узников фашистских лагерей, семей репрессированных, проживавших на оккупированных территориях, детей войны.

Пожилые люди — это живой источник воспоминаний о пережитом. Они всегда с радостью откликаются на приглашение рассказать школьникам о войне, о блокаде Ленинграда, об истории здешних мест. Эти живые, неповторимые рассказы и были толчком к идее оставить их на память. Тем более, большинство этих людей уже в очень

преклонном возрасте, и не хотелось упускать возможность запечатлеть их судьбы, ведь история любого, даже казалось бы маленького человека — это дополнительный штрих к многокрасочному полотну истории нашей страны.

Так и началась наша совместная работа над воспоминаниями. С кем-то приходилось встречаться в домашней обстановке и записывать истории их жизни. Некоторые приходили в библиотеку и здесь делились своими мыслями. А несколько воспоминаний написаны от первого лица и наполнены индивидуальностью. Дополнительным вдохновением стала идея издать книгу к памятной дате нашего посёлка, его шестидесятипятилетию.

Кроме воспоминаний в неё вошли и материалы, давно собираемые библиотекой: о Почётных гражданах посёлка, о лётчике М.Ф.Шаронове, совершившем подвиг в этих местах, и другие.

Хочется выразить огромную благодарность за финансовую поддержку в издании книги депутатам Законодательного Собрания Ленинградской области Ивану Филипповичу Хабарову и Алексею Брониславовичу Белоусу.

Большую профессиональную поддержку мне оказывала рабочая группа проекта «Война.Победа.Память.» в лице сотрудников Тосненской центральной районной библиотеки: директора МКУК «Тосненская МЦБС» Зиновьевой Галины Ивановны, главного библиотекаря сектора краеведения Тихомировой Раисы Васильевны, заведующей методико-библиографическим отделом Ковалевской Натальи Петровны и методиста Спроге Нелли Николаевны.

И отдельное сердечное спасибо всем авторам этой книги, приоткрывшим дверцу в мир своей души.

Почетные граждане поселка Форносово

Ольга Константиновна Алексеева (1897-1970-е годы)

*Ольга Константиновна
Алексеева*

Родилась в 1897 году. В интеллигентной семье. Образование получила до революции.

Учительскую деятельность начала в Гдовском уезде. Вступила в члены ВКП (б). Приехала в освобожденный от немцев район на станцию Новолисино в конце декабря 1945 года вместе с мужем из Свердловска, где учительствовала 11 лет. На ее долю выпала большая организаторская работа по открытию школы. Приходилось обходить близлежащие деревни, агитируя учеников. Ольга Константиновна умела убеждать людей, была замечательным организатором.

Она стала первой заведующей Новолисинской школы. Поселок Форносово только начинал строиться. Ольга Константиновна кроме уроков в школе, помогала в строительстве посёлка. В бытовом отношении было трудно, неустроенно, но это не пугало закалённую в жизненных испытаниях коммунистку. Она была требовательным, принципиальным педагогом. Помогая молодым коллегам, не терпела безответственности.

О.К.Алексеева стала организатором первой после войны пионерской дружины в Новолисинской школе. Это был праздничный день для ребят, надевших красные галстуки и гордо шагающих по улице вместе со своей учительницей.

Вместе с первыми школьниками Ольга Константиновна принимала участие в закладке фундамента новой школы. Первого сентября 1948 года О.К.Алексеева торжественно передала ключи от здания новой семилетней школы вновь назначенному директору В.С.Фролову, сама же продолжила преподавать в начальных классах.

28 февраля 1949 года Ольга Константиновна была награждена орденом Трудового Красного Знамени за 40-летнюю педагогическую деятельность.

Находясь на пенсии, активно участвовала в общественной жизни поселка, участвовала в художественной самодеятельности, без неё не обходилось ни одно мероприятие, ни один концерт.

Много сил и времени она отдавала борьбе против загрязнения воздуха асфальтно-бетонным заводом, находящимся в центре посёлка, выступала на собраниях, неоднократно писала заметки в газету «Ленинское знамя»

В 1967 году решением исполкома Форносовского поселкового совета депутатов трудящихся 11 созыва Ольге Константиновне Алексеевой присвоено звание **«Почетный гражданин поселка Форносово».**

Умерла О. К. Алексеева в начале 70-х годов 20 века.

Евдокия Прокофьевна Гуляева (1917-1989)

Евдокия Прокофьевна
Гуляева

Родилась 14 августа 1917 года в деревне Носково Борисово-Суцкого района Ленинградской области (ныне Вологодская область). Закончив 10 классов, была направлена в партийную школу города Ленинграда. По окончании работала парработником ДК, Вышла замуж. Василий Михайлович работал директором школы, а затем продолжил учиться в пединституте имени Герцена. Супруги имели в Ленинграде комнату, родилась дочь Нина.

Когда началась война, муж добровольцем ушел на фронт и погиб в первые дни. Ленинград бомбили. Однажды бомба попала в их дом. Дуся с дочерью остались безо всего, только успели выйти в бомбоубежище. Жили в общежитии института.

Пережив всю блокаду — холод и голод, была вывезена на станцию Бабаево. За ней приехал брат. Евдокия лежала на носилках — живой скелет, а на груди ее была трехлетняя дочь. Обе не в состоянии были подняться и двигаться. Родные выходили, отпоили молоком. Дочь увезла свекровь, но спасти Ниночку не удалось. Встав на ноги, Евдокия Прокофьевна работала директором местного ДК. В начальной школе учительствовал Александр Иванович Ласков. Они поженились. В 1946 году вернулись в Ленинград. Жилье было занято. В горкоме партии ей предложили поехать работать на строительство торфопредприятия близ Павловска, на станции Новолисино. Это было начало строительства торфобрикетного

завода. Одновременно закладывали фундамент завода и поселка.

Жили в деревне Новолисино. Евдокия Прокофьевна работала парторгом. Ездил в другие области агитировать рабочих на торфоразработки. Строился завод, строились бараки, первые деревянные дома.

Евдокия Прокофьевна и Александр Иванович получили во 2-м доме (сейчас это №25 по Павловскому шоссе) однокомнатную квартиру. В 1947 году приехали в Форносово мама с племянницей Раей. В 1949 году населенный пункт Форносово объявляется рабочим поселком, создается первый поселковый Совет депутатов трудящихся, председателем которого была избрана парторг завода Евдокия Прокофьевна Гуляева.

Много сил и душевного тепла отдала эта женщина людям. Большая ответственность лежала на плечах хрупкой, симпатичной женщины, в 24 года ставшей вдовой, в 27 лет потерявшей дочь, познавшей войну и голод. 10 лет она была бессменным председателем поселкового Совета. Построили в Форносово свой дом на Павловском шоссе, двери которого всегда были открыты для всех, кто нуждался в приюте.

Евдокия Прокофьевна перешла работать в школу лаборантом, оставаясь добрым помощником и советчиком для форносовцев.

В 1987 году решением исполкома Форносовского поселкового Совета народных депутатов и Совета ветеранов войны и труда **Евдокии Прокофьевне Гуляевой** присвоено звание **«Почетный гражданин поселка Форносово»**.

Гедеон Алексеевич Дзичканец (1889-1974)

Гедеон Алексеевич Дзичканец

Родился 3 июня 1889 года в г. Риге Лифляндской губернии. Латыш, русский подданный. Окончил Кадетский корпус и военное училище — Николаевское кавалерийское в 1914 году. После училища выпущен в чине хорунжего. Участник 1-й мировой войны. За отличие в боях в 1916 году был произведен в поручики с переводом в Драгунский Полк.

В 1917 году за отличие произведен в чин ротмистра.

Последовательно служил в Драгунском Приморском полку, в Гусарском Нежинском, 4-м конном Пограничном Заамурского полка, занимал должности младшего офицера и командира эскадрона. Сведения из послужного списка:

С 1918 по 1920 год состоял в РКП(Российской Коммунистической Партии).

Во время октябрьского переворота был на фронте. Женат на Ольге Игнатьевне Дзичканец.

В январе 1918 года добровольно вступил в Красную Армию, и был назначен начальником пулеметных команд в городе Рыбинске.

Воевал сначала на внутреннем фронте по подавлению эсеров-чехословацкого восстания. После разгрома и подавления был направлен на восточный фронт под Самару.

Около речки Самары был тяжело ранен, эвакуирован в Москву, в госпиталь. После излечения был направлен в распоряжение штаба южного фронта, где участвовал в наступлении на харьковском направлении через Донбасс-Горловку-Юзовку. Потом срочно был вызван с фронта для формирования Первой Конной армии Буденного, в которой и воевал против белополяков. После заключения мира с поляками, в своей бригаде воевал против банды петлюровцев и Махно.

В августе 1918-го переведен в город Казань и назначен начштабом 3-ей бригады и врио комбрига той же бригады. В январе 1918 года переведен в Курск и назначен начальником формирования команд особого назначения при Временном Рабоче-Крестьянском правительстве Украины.

В мае 1919 года переведен в Штаб 13-й Армии и назначен командиром Отдельного Кавалерийского Дивизиона. В ноябре 1919 года переведен в Новозыбков и назначен начштаба 3-й кавалерийской бригады. В декабре 1919 года переведен в г. Симбирск и назначен командиром Комендантской сотни 1-й Дикой Дивизии товарища Гая. Назначен помощником начштаба по опероду 2-й бригады Дикой Дивизии.

В апреле 1920 года назначен начальником Мобилизационного Отдела Славянского УВК.

В августе 1920 года уволился со службы по болезни.

В феврале 1924 года прибыл в Теркавполк, как поступивший добровольно и назначен на должность командира взвода 2-го эскадрона.

24 мая 1924 года уволен в бессрочный отпуск в порядке приказа РВС за №506.

12 июля 1928 года прибыл в штаб 5-й Ставропольской Кавдивизии на военную переподготовку (справка: приказ дивизии №90).

В августе 1928 года прошел переподготовку и убыл к месту своего жительства (справка: приказ дивизии №198). Призыву на переподготовку в следующем 1929 году не подлежал.

В 1918 году воевал на Восточном фронте.

С 1919 по 1920 год на южном фронте в партизанах.

С 1919 по 1922 год на южном фронте в регулярной армии в должности от командира Отряда дивизиона до командира бригады. На южном фронте был награжден именными часами и грамотой.

Один раз ранен в грудь налетом при отбитии эшелона с продовольствием на участке Ржев-Пороховые.

В годы войны трудился в тылу, 7 мая 1946 года награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945г.г.»

Получил Свидетельство института усовершенствования и подготовки инженерно-технических работников — членов ВНИТО пищевой промышленности СССР в том, что в 1947-1948 годах окончил заочные курсы по консервному отделению института.

В 1951 году был награжден почетной грамотой Министерства угольной промышленности СССР, в 1953 году почетной грамотой от Абагурской Рембазы Кузнецкого угольного бассейна.

В посёлок Форносово переехал уже будучи пенсионером. Сразу включился в общественную жизнь посёлка.

5 ноября 1963 года пенсионеру Дзичканцу Гедону Алексеевичу была вручена почетная грамота за активное участие в общественной работе поселка Форносово.

До 1965 года Гедон Алексеевич являлся внештатным

сотрудником милиции.

В связи с 50-летием Октября награжден Орденом Красного Знамени, об этом писали газеты: «Ленинское знамя» от 15.11.1967 и «Ленинградская правда» от 14.11.1967 года.

Гедеон Алексеевич Дзичканец

К 50-летию Великой Октябрьской социалистической революции исполком Форносовского поселкового Совета депутатов трудящихся принял решение присвоить звание **«Почетный гражданин поселка Форносово»** пенсионеру **Дзичканцу Гедеону Алексеевичу** — первому командиру ДНД поселка на

протяжении 5 лет, первому председателю общества «Знание» в течении 5 лет, заместителю председателя товарищеского суда поселка с 1963 года за большую общественную работу по охране общественного порядка и культурно-просветительскую работу среди населения.

Дочь Гедеона Алексеевича и Ольги Игнатьевны — Валерия Гедеоновна Кузминская работала в Новолисинской (Форносовской) школе учителем географии, хорошо рисовала.

Г.А.Дзичканец умер в 1974 году.

Андрей Афанасьевич Кияница (1922-2002)

Кияница Андрей Афанасьевич

Родился 26 октября 1922 года в крестьянской семье на Украине. В 1930-37 годах учился в семилетней школе с. Янивка, затем закончил в 1940 году Черкасский сельскохозяйственный техникум по специальности механик с/х машин и был направлен механиком в Богуславскую МТС Киевской области. В декабре 1940 года добровольно поступил учиться в Луганское авиационнотехническое училище. В связи с Великой Отечественной войной из училища был выпущен досрочно и в декабре 1941 года направлен в резервный полк, который находился на Дальнем Востоке. В 1942-1944 годах служил авиационным механиком 906 авиаполка, в 1944-1947 техником звена 906 авиаполка. В феврале 1945 года вступил в ряды КПСС.

Был в Северной Корее в качестве воина освободителя. В сентябре 1945 года награжден медалью «За боевые заслуги», в октябре «За победу над Японией».

После демобилизации из рядов Советской Армии в марте 1947 года приехал в Ленинградскую область во Всеволожский район на торфопредприятие Янино. Там жила его жена у своих родителей. В Янино сначала работал бригадиром транспортной бригады, проявив себя способным руководителем, под его руководством работа тракторов обеспечила выполнение плана добычи фрезерного торфа в сезоне 1947 года.

С 15 сентября 1947 года выдвинут на должность

начальника торфобрикетного завода, затем в 1949 году стал директором торфопредприятия Янино.

Кияница Андрей Афанасьевич

В августе 1952 года приехал на Форносовский торфобрикетный завод в Тосненский район. Чтобы лучше ознакомиться с существующим положением дел несколько месяцев проработал начальником сырьевой базы, а затем вступил в должность директора торфобрикетного завода, в последствии торфопредприя Форносово. Тогда уже было ясно, что многое нужно менять, и первое, с чего начал молодой директор (а ему тогда было всего 30 лет) — стал подбирать единомышленников, свою команду. От природы дано ему было чутьё на людей.

Он сделал ставку на молодёжь и никогда об этом не пожалел, доверив им начальственные должности. Люди полностью выкладывались на работе, добросовестные и ответственные, они проработали вместе с ним много лет.

Торфодобыча-работа сезонная, но благодаря дальновидности Андрея Афанасьевича был предусмотрен ряд мер, обеспечивающих занятость рабочих. Были созданы литейный цех, цех шлифовки стекла, цех пошива.

Возглавлял предприятие 36 лет, до выхода на пенсию. Предприятие под умелым руководством Андрея Афанасьевича модернизировалось в соответствии с требованиями времени и превратилось в одно из ведущих в своей отрасли.

В 1985 году предприятие было награждено переходящим Красным знаменем Совета Министров РСФСР и ВЦСПС. К боевым наградам прибавились трудовые-орден «Знак Почета» и орден Октябрьской революции. Андрей Афанасьевич стремился создать лучшие условия для рабочих, в поселке строилось жилье, а также объекты инфраструктуры- амбулатория, дом культуры, детский комбинат.

Кияница Андрей Афанасьевич

Отличительной чертой Андрея Афанасьевича являлась доброта, стремление помочь людям. Он любил людей, интересовался их жизнью, проблемами, и они в ответ делились с ним своими бедами и радостями, шли в директорский кабинет за помощью и советом и всегда находили понимание и реальную поддержку.

А.А. Кияница пользовался огромным уважением в поселке и в районе. Он был бессменным депутатом Форносовского поселкового и Тосненского городского Советов.

И, находясь на пенсии, Андрей Афанасьевич старался активно участвовать в общественной жизни поселка, до последних дней возглавлял садовое товарищество «Родничок».

В 1987 году по ходатайству поселковой ветеранской

организации решением Форносовского Совета народных депутатов **Андрею Афанасьевичу Киянице** было присвоено звание **«Почетный гражданин поселка Форносово»**.

Вдвоём с женой Еленой Ивановной они воспитали двоих сыновей- Владимира и Виктора, растили внуков.

Он немного не дожил до своего восьмидесятилетия. На гражданской панихиде 10 января 2002 года, собравшей огромное количество форносовцев, прозвучало стихотворение написанное М.Н.Поповой, где были полные светлой скорби слова:

Вы были другом и отцом
Всем нам, живущим рядом с Вами,
Для внуков наших – мудрецом,
Примером словом и делами.

Ваш светлый образ пронесём
В сердцах и памяти надолго,
И не забудем мы о нём -
Почётном жителе посёлка.

Евдокия Ивановна Кузьменко
(8.02.1923-15.04.2012)

*Евдокия Ивановна
Кузьменко*

Родилась в Оренбургской области, жила в Ташкенте, где окончила медицинский техникум, работала в Фергане, в воинских частях и в госпитале, а в 1944 году была призвана на воинскую службу и направлена на 1-й Прибалтийский фронт в отдельную часть танковой эвакороты. Несмотря на молодость (а шел ей тогда 21-й год), работала начальником санитарной службы. Одна из боевых наград Евдокии Ивановны — медаль «За взятие

Кенигсберга», под которым шли тяжелые бои. Здесь же застало её известие о победе, но для неё война на этом не закончилась. Их часть погрузили в эшелон и привезли в Манчжурию, в Корею.

Война с японцами была не менее ожесточенная, много было жертв. В Пхеньяне было много лазутчиков из американской зоны оккупации Кореи. Они буквально охотились за каждым русским. В то же время само население города относилось к русским очень хорошо, жили дружно. Только в 1946 году Евдокия Ивановна демобилизовалась.

В 1948 году вместе с мужем приехала в Форносово. Штат амбулатории состоял из трех человек: врач, фельдшер и дезинфектор. Вставали в 5 утра и, поскольку в поселке было много случаев дизентерии, прежде, чем идти на работу, ходили по баракам и каждому давали бактериофаг — лекарство от дизентерии. Дезинфектор в бане прожаривала одежду

рабочих, так как было много случаев педикулёза.

Медики вели приём и утром и вечером, ходили на вызовы, и ночью могли вызвать к больному, так что у Евдокии Ивановны был такой же фронт, только трудовой. Благодаря военному опыту, она умела хорошо зашивать раны и научила этому искусству коллег. А еще у нее был дар определять правильный диагноз больному, это очень важно для назначения лечения.

Евдокия Ивановна всегда пользовалась уважением у жителей поселка — вежливая, внимательная, знающая и бесконечно добрая женщина, никто не слышал от неё грубого, резкого слова. Её авторитет был высок. Много лет она была депутатом поселкового Совета, награждалась за работу почетными грамотами. В январе 1972 года была занесена в «Книгу Почета» поселка Форносово за активную общественную деятельность.

К боевым наградам : «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией», «За победу над Японией» прибавилась мирная- медаль «Ветеран труда», а в 1987 году по ходатайству Совета ветеранов войны и труда решением Форносовского поселкового Совета народных депутатов ей было присвоено звание **«Почетный гражданин поселка Форносово»**.

Антонина Федоровна Сивова

Родилась 23 февраля 1936 года в Ярославской области в многодетной семье. Родители Федор Иванович и Татьяна Ефимовна воспитали 6 детей. Три их сына были участниками Великой Отечественной Войны. В 1945 году Татьяна Ефимовна была награждена медалью «Слава материнства» 1-й степени.

Антонина Федоровна
Сивова

После окончания Первомайской средней школы закончила в 1956 году Даниловское педагогическое училище и одновременно прошла курс обучения методики преподавания немецкого языка в школе. С 1956 по 1961 год работала учителем немецкого языка в дер. Дор Первомайского района Ярославской области, где сразу же включилась в работу колхозной комсомольской организации. Была агитатором в деревне за 5 км от места работы, каждую неделю проводила политинформацию для колхозников о

событиях колхоза, района, области, страны (тогда еще не было телевизоров и радио было не у всех). Активно участвовала в проводимых субботниках по электрификации (рыли ямы для столбов). Работали при керосиновых лампах. Молодая учительница вместе с другими комсомольцами колхоза дежурила на скотной ферме во время отела коров, когда болели доярки. Была редактором колхозной комсомольской газеты. Вела драм.кружок при сельском клубе.

В 1961 году приехала в поселок Форносово Тосненского района, до 1967 года преподавала немецкий язык в Новолисинской 8-летней школе. В 1964 году закончила

Ленинградский педагогический институт им. Герцена, факультет иностранных языков. Все годы занималась и занимается патриотическим воспитанием молодежи. Клуб интернациональной дружбы — КИД, созданный Антониной Федоровной, был одним из лучших в Ленинградской области, дважды являясь лауреатом международных премий из ГДР и один раз из Чехославакии. 213 школьников были членами этого клуба. В комнате клуба имелись подшивки газет «Нойес Дойчланд», «Юнге Вельт» и «Троммель», которыми интересовались не только члены клуба, но и все учащиеся. Была организована встреча с делегатом шестой Пражской конференции Онуфриевым. Дети вели переписку с ровесниками из ГДР, Польши, Чехословакии, Венгрии, Болгарии. Имя Эрнста Буша было присвоено КИДу с личного согласия немецкого певца-антифашиста. Он прислал в школу письмо, книгу и фото с автографами. Антонина Федоровна принимала большое участие в деятельности Ленинградского отделения общества Советско-Германской дружбы, трижды была в ГДР, в 1973 году на всемирном фестивале молодежи в Берлине.

В июле 1967 года на отлично закончила курсы при Ленинградском областном институте усовершенствования учителей и с 1967 по 1971 год работала лаборантом кафедры немецкого языка пединститута им. Герцена, продолжая вести занятия в вечерней школе, в которой занимались рабочие торфопредприятия и молодежь пос. Форносово. Имея большой опыт педагогической работы в школе А.Ф.Сивова консультировала студентов по методике преподавания немецкого языка, организовывала выставки методической литературы, помогала в выпуске студенческих стенгазет и альбомов, оформлении кабинета немецкого языка. Проводила занятия по немецкому языку со студентами исторического и спортивного факультетов вечернего отделения. Ежегодно

работала в приемной комиссии факультета.

С 1971 по 1981 год Сивова А.Ф. работала учителем немецкого языка в Первомайской средней школе села Кукобой Ярославской области. (Переезд был по семейным обстоятельствам). Любое дело выполняла с чувством ответственности: в местном занималась учебным сектором, была председателем первичной организации общества «Знание». Ее класс был правофланговым отрядом дружины школы, инициатором всех интересных дел в школе. Много сил и энергии отдавала внеклассной работе. Комсомольский задор Сивовой А.Ф. присутствовал во всей ее работе с молодежью, в походах по родному краю (Ярославской и Ленинградской области), в лагерях труда и отдыха. Под ее руководством школьная группа собрала ценный материал о героях-земляках, были найдены места захоронения безвестно пропавших героев войны. Несколько лет избиралась депутатом сельского совета. С 22 марта 1974 года являлась внештатным сотрудником милиции по линии ИДН (инспекция детского надзора), с 1976 по 1977 год возглавляла детскую комнату милиции на общественных началах при Кукобойском сельском Совете, оказывая необходимую помощь в профилактической работе с трудными подростками. Постоянно повышала профессиональную классификацию. Сделала три выпуска в родной школе, имеет диплом «Почетный выпускник Первомайской средней школы».

С 1981 по 1986 год работала в учреждении УС-20/8, исполняла обязанности инспектора спецчасти и методиста политчасти, начальником домоуправления. Являясь членом воспитательного Совета отряда №1, постоянно читала лекции для осужденных.

В 1985 году за долголетний добросовестный труд награждена медалью «Ветеран труда».

С 1987 по 1991 год, до ухода на пенсию, работала в

Форносовской средней школе учителем немецкого языка. Выйдя на пенсию, с 1991 по 1994 год обучала детей на дому.

С 1994 по 1996 год вновь преподавала в школе немецкий язык в старших классах. Антонину Федоровну всегда отличал нестандартный подход к учебной и воспитательной работе. Ученикам с ней всегда интересно. Она не разделяет детей на «хороших» и «плохих», помогая учителям находить контакт с «трудными».

С 1998 по 2007 год А.Ф.Сивова вела в Форносовской школе кружок мягкой игрушки – это хобби ее жизни. Она сама мастерски их умеет делать и учит этому искусству ребят. Антонина Федоровна творческая личность, преданная детям и любимой работе. Ее трудовой стаж 51 год (из них 42 педагогический).

С 1987 года в течение 25 лет Сивова А.Ф. активно участвовала в ветеранском движении поселка Форносово. Шесть лет возглавляла Форносовскую организацию. В годы ее председательства ветеранская организация занимала первое место в районе и третье в Ленинградской области. Много сил и энергии отдает Антонина Федоровна общественной работе, любое дело выполняет с чувством ответственности, пользуется большим уважением и доверием ветеранов, подростков и руководителей поселка, района. Ее ценят за чуткость и отзывчивость, за тактичность и принципиальность, за умение решать проблемы.

В 2006 году решением Совета депутатов Форносовского городского поселения присвоено **Сивовой Антонине Федоровне звание «Почетный гражданин поселка».**

За поддержку жертв нацизма и сохранение памяти о погибших в войне 1941-1945 годов награждена медалью «Непокоренные» (Москва, 11.04.2008года).

В 2010-2012г была помощником депутата ЗАКС
Ленинградской области на общественных началах.

В 2013 году награждена медалью современной
гуманитарной академии «Передовой учитель средней школы»
(Москва)

Нина Ивановна Сырникова
(25.01.1924-23.06.1989)

Сырникова (Иванова) Нина Ивановна родилась 25 января 1924 года в деревне Большой Каменник Боровичского района Ленинградской области (до 1947 года, а затем Новгородской) в крестьянской семье.

В семье было четверо детей: старший брат Александр (погиб в Великую Отечественную войну), сёстры Нина и Катя и младший брат Николай. Начальная школа находилась в деревне, а с 5-го класса приходилось ходить в школу за 6 км, в любую погоду.

В свободное время дети помогали родителям, работая в колхозе.

Нина Ивановна Сырникова

По окончании 7-го класса Нина Ивановна поступила в Боровичское педагогическое училище, которое находилось за 30 км от дома, и каждый выходной пешком ходила домой, чтобы принести что-либо из продуктов на неделю. Жила сначала у хозяйки, где ещё две студентки снимали угол, а затем поселилась в общежитии.

В 1941 году Нина Ивановна окончила училище и была распределена на работу в посёлок Хвойная Ленинградской (Новгородской) области, где её и застаёт война.

Хвойнинский район считался партизанским краем, он не был оккупирован немецкими войсками, также как и Боровичский район. Поблизости от школы находился военный

аэродром и когда немецким самолётам удавалось прорваться и сбросить на него бомбы, то горело всё в округе, и жители прятались в подвалах домов; но и это не спасало.

Проработав 2 года в Хвойнинской школе, Нина Ивановна была направлена заведующей начальной школой в деревню Погорелка Хвойнинского района, где она работала до окончания войны. Жила Нина Ивановна при школе, поэтому и дети, и взрослые в любое время приходили за советом и помощью, и всегда находили понимание и поддержку.

В любую свободную минуту она помогала в колхозе, где каждая пара рук была на счету, ведь в Ленинград собирали обозы с продовольствием, чтобы помочь городу.

В 1945 году Нину Ивановну наградили медалью «За оборону Ленинграда».

Работая учителем в деревне Погорелка, она познакомилась со своим будущим мужем Сырниковым Сергеем Александровичем, который с первого дня войны работал по водоснабжению поездов на участке железной дороги Хвойная-Ленинград. В 1944 году его направляют на восстановление водоснабжения железной дороги на станцию Новалисино, которая была освобождена от немецких войск. Станция была разрушена, и необходимо было восстановить заправку паровозов водой, ведь война продолжалась. В 1945 году он женится на Нине Ивановне и привозит на новое место жительства.

Так начинается трудовой путь Нины Ивановны в Новалисинской школе. С тех пор вся ее жизнь была неразрывно связана с поселком и школой, в которой она проработала 44 года.

Вместе с заведующей, Ольгой Константиновной Алексеевой, они собирали детей, которым война помешала учиться. Классы были разновозрастные: в 1-ом классе могли

учиться и 7-ми, и 11-12 летние. Посёлка Форносово ещё не было, под жильё приспособляли железнодорожные казармы, там же было выделено помещение под школу. Сама Нина Ивановна вместе с семьёй жила в бывшем немецком блиндаже на территории водокачки.

Шли послевоенные восстановительные работы на железной дороге, приезжали новые рабочие. За железной дорогой находился лагерь военнопленных, которые строили торфоперерабатывающий завод и жильё для рабочих. Рабочих вербовали в центральных областях, Псковской и Новгородской. Строились бараки, а вдоль шоссе выросли 2-этажные дома. Пока строилась школа, занятия проходили в бараке, который находился недалеко от переезда, за 2-этажными домами. Там было 2 классных помещения и учились в 3 смены. Когда открыли новую школу, в старой ещё оставалась начальная школа, которую перевели во вновь построенные деревянные помещения только в середине 50-х годов.

*Учитель начальных классов
Нина Ивановна Сырникова*

Так как школа работала в напряжённом режиме, заниматься с детьми дополнительно было негде, и Нина Ивановна приводила детей домой, тогда уже был построен новый дом.

Она всегда стремилась, чтобы все дети поняли и усвоили школьный материал. Нина Ивановна Сырникова проработала в школе 44 года.

У неё учились поколения нескольких семей.

Так семья Маркисовых: сначала училась Маркисова Валентина, а затем и её дети- Галина, Елена и Ольга.

В 1967 году на Ленинградском телевидении состоялась программа «От всей души». В студию на Каменном острове были приглашены трое учителей Ленинградской области, в том числе и Нина Ивановна. Были приглашены семьи, в которых несколько поколений у неё учились. Много тёплых слов было сказано в её адрес. Нина Ивановна всегда с теплотой вспоминала своих учеников и радовалась их достижениям. Но особенно дороги были первые послевоенные выпуски, стремление детей к учёбе, несмотря на то, что не было тетрадей и писали между строк на старых газетах, учебник был один на несколько учеников.

Нина Ивановна была человеком яркого педагогического таланта, исключительной памяти, в своей работе достигла необычайного профессионализма.

Педагогический талант Нины Ивановны был у всех на виду. Когда в 1966/67 учебном году учителям Тосненского района было доверено опробовать новую систему начального образования — переход на трехлетний курс обучения и на новое содержание, Нина Ивановна была среди тех, кто начинал эксперимент. В Форносовской (тогда еще Новолисинской) школе она первая начала работу по новой программе. Ее опыт перенимали коллеги по школе, по району, он стал достоянием Центральных педагогических чтений. В течение трех лет уроки Нины Ивановны посещали учителя школ Российской Федерации, изучали ее методы. В 1970 году на Всесоюзном съезде учителей Нина Ивановна выступала с докладом об эксперименте. Ее заслуги были высоко оценены: первая премия Академии педагогических наук СССР, Почетная грамота и ценный подарок Минпроса, звания «Отличник народного образования», «Старший учитель». Нина Ивановна была патриотом своей школы, отдала педагогической работе всю жизнь, школа стала ее судьбой.

Ее уважали и любили ученики, коллеги, жители поселка,

и она, в свою очередь знала всех — и малых и больших, не сторонилась проблем фornosовцев. Неоднократно она избиралась депутатом поселкового Совета. В 1987 году по решению Фornosовского Совета народных депутатов и Совета ветеранов войны и труда **Нине Ивановне Сырниковой** присвоено звание **«Почетный гражданин поселка Фornosово»**.

(В статье использованы воспоминания Труфановой Галины Сергеевны, дочери Н.И.Сырниковой)

Воспоминания жителей поселка Форносово, родившихся до 9 мая 1945 года

*В воспоминаньях мы тужить не будем.
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди -
И для людей...*

Георгий Суворов

**Адамяк Зинаида Петровна: «До настоящего времени меня
преследует страх войны...»**

Я родилась в большой семье. Отец, Петр Иванович Фролов, работал в Сестрорецке на оружейном заводе мастером. Мама, Евдокия Александровна, воспитывала пятерых детей.

*Зина, Иван и Маруся
Фроловы, 1952 год.*

У меня было два брата — Николай и Иван и две сестры — Мария и Евгения.

Когда началась финская война, нашу семью эвакуировали из Сестрорецка сначала в Ленинград, а потом в Псковскую область, в деревню Пожеревицы Дедовичского района, так как там был дом отца и бабушки по матери.

При эвакуации началась бомбежка и меня мама потеряла по дороге, так как я была маленькая, всего четыре года и не могла долго идти, а мама

несла на руках мою младшую сестренку. Нашли меня только через трое суток. Было холодно, моросил дождь. Мама вспоминала, что я сидела на улице у какой-то станции, укутанная платком, который, пожалев меня, повязала какая-то незнакомая женщина.

Я была сильно напугана бомбежкой и переохлаждена. На почве этих переживаний я перестала говорить и ходить. Только в течении года я снова научилась ходить и говорить слогами, потом все прошло.

На Псковщину быстро пришли немцы и всю войну мы были в оккупации. Отец с братом Василием ушли в партизаны. Немцы отбирали у людей все: от кур и коров до одежды и обуви, даже самовары. Поэтому мы очень голодали, ели траву, отруби, гнилую картошку.

Собирали на полях оставшиеся колоски ржи. От голода умерла сестренка Евгений. Потом мы все заболели свинным тифом, от него умерла бабушка Прасковья.

Вокруг постоянно шли бои, горели дома. Немцы вели жестокую борьбу с партизанами. Когда те выходили из леса в разведку или за хлебом, их брали в плен. На шею вешали табличку «ПАРТИЗАН» и отправляли на виселицу, и так человек иногда висел сутками, так как не разрешали снимать. А мы, дети, бегали и играли рядом в свои игры, не понимая трагизма всей ситуации.

В нашей деревне Пожеревицы была немецкая комендатура. Немцы сделали лагерь для пленных. Однажды забрали мою мать и начали допрашивать, где скрываются партизаны в лесу, хотели ее застрелить, она упала в обморок прямо при нас, детях. При виде этого, немцы сжалились и оставили ее в живых. В лагерь попал мой отец и его старший брат Василий, который был уже немолодой. После допроса немцы их очень сильно избили и выбросили в канаву. Дядя

вскоре умер от кровотечения. Отец ночью приполз домой, так как идти не мог, лежал полуживой и очень долго кашлял кровью. Он очень просил всегда есть, но у нас не было даже хлеба. Я помню, что от голода у меня были очень отекавшие ноги. Мы с братом ходили побирушками, просили у кого можно хлеба, но нам никто не давал, так как везде был голод. Мама пошла работать на стройку, носила в тяжелых ведрах цемент. Однажды на заработанные деньги она купила две булочки и попросила, чтобы я отнесла их папе, он еще был жив. Я так хотела попробовать булочку, но утерпела, принесла домой. Когда я пришла, у дома стоял мой старший брат Коля и плакал, Я поняла: что-то случилось с папой. И действительно, войдя в дом я увидела, что папа уже мертвый. Пришла мама, разделила эти булочки нам, детям. Я так была рада этому кусочку! Съела и пошла играть на улицу, вот такая детская наивность и вот что делал с нами голод!

Мы, четверо детей, остались с мамой, голодные, одеть и обуть нам было нечего, постоянно мерзли и болели. Затем кончилась война, пришла наша армия, помню на военных шапки с красными звездочками. Была холодная весна, всюду лужи, шел мокрый снег.

Солдаты в серых шинелях, в валенках без калош и я очень переживала, что у них мокрые ноги. Сама не знаю, почему я помню это до сих пор.

Отступая, немцы сожгли деревню, в которой мы жили, сгорел и бабушкин большой дом. После войны мы вернулись в Ленинградскую область. Папины братья погибли, остался только один брат-Александр, у него не было ноги. Погибли и братья у мамы. Мы жили в деревне Рамболово, работали в совхозе, в подсобном хозяйстве.

После войны была карточная система. Продуктов не хватало. Мы, дети, собирали гильзы от снарядов, сдавали их и покупали хлеб. Некоторые дети подрывались на минах и

оставались инвалидами. Мы со старшим братом Колей тоже были ранены, но все обошлось благополучно.

До настоящего времени меня преследует страх войны, взрывов, бомбежек, голода и холода. У нас, детей войны, не было детства, так как кругом разруха, голод, холод и сиротство. Это страшно.

После войны дети пошли в школу. Я помню у меня нечего было одеть и обуть. У туфелек отваливались подметки, и мама на туфли натянула калоши, чтобы можно было ходить не босиком. Я и мой брат Иван заболели, нас отправили в Сестрорецк, в туберкулезный санаторий на четыре месяца. Там нас хоть хорошо кормили, мы были очень рады.

Я не устаю благодарить Бога, что мои дети и внуки выросли в мирное время.

Баранова Ираида Ивановна: «О послевоенном детстве и любимой профессии»

Баранова Ираида Ивановна
— отличник народного
образования.

Я родилась 10 июля 1940 года в деревне Ивановское Мало-Вишерского района Новгородской области. Начальную школу закончила в Ивановском, а потом с 5 по 7 классы училась в Озерёнской школе, которая находилась за 7 километров.

Жить после войны было трудно, по словам взрослых, но нам, ребятишкам, интересно.

Поскольку еды дома не хватало, весной и летом переходили на «подножный» корм: ели щавель («кислицу»), шишки хвоща, зелёный лук, кору молодых

сосенок, внутренний сладкий слой, лепёшки из сгнившей в земле картошки, а летом ягоды голубики, её на задворках за деревней было очень много.

Сколько себя помню, каждое лето работала наравне с родителями на покосе. Наша с бабушкой работа состояла из следующего: разбить прокосы травы на просушку граблями, ворошить сено, чтобы быстрее сохло, а затем сгребать в копны, пока отчим и мать косят новый участок. Но сколько радости и удовольствия доставляло мне метание стогов! Отчим поднимал меня на стог, где я с граблями ходила вокруг шеста и поправляла сено, чтоб стог получался ровным со всех сторон. Закончив работу, лихо съезжала по гладкому шесту на землю, сознавая, что и я участвую в такой важной работе, как заготовка кормов для животных. А заготовить нужно было не

менее тридцати трёх стогов: 30-для колхозной фермы, 3-для своей коровы.

В школу, в 5-7 классы, я ежедневно ходила за 7 километров пешком, в деревню Озёрня. Нас, ребятшек из окрестных деревень, набиралось человек тридцать. Когда речка Озерёнка покрывалась крепким льдом, мы, пройдя четыре километра лесом, дальше три бежали в школу по льду, одновременно катаясь и наблюдая рыб подо льдом. Бывало, опаздывали на первый урок, за что нас сильно ругали, приходилось стоять в коридоре до конца урока.

Но особенно запомнилось из детства, как ловила рыбу на перемёты весной. Этим занимались все деревенские мальчишки и девчонки. Весной Озерёнка сильно разливалась, и по ней сплавляли лес из леспромхоза. Когда вода спадала, мы накапывали в песке вьюнов, пока они слепые, насаждали их на крючки в перемётах и забрасывали в реку, воткнув ручку-палочку в берег. Река была поделена детьми: каждый знал, где ему можно ставить перемёты.

Ставили их на ночь. Утром, часов в шесть, надо было встать и проверить перемёты, снять с крючков рыбу, а затем идти в школу. Сколько радости было испытано, когда попадался богатый улов!

Кроме рыбы, мы, дети, ловили в речке раков. Это надо было делать после захода солнца. Ловили раков сачками, привязанными к палке. Приманкой для раков служили лягушки. Раков набиралось в сачок много, зато складывать их в ведро было небезопасно: уцепится клешнёй за палец-кричишь, как ошпаренный. А махнёшь рукой над водой- вмиг отцепится.

В дождливую погоду любила читать книги. К этому меня приучила мама. Работая счетоводом, она каждый месяц ездила с отчётом в город Малая Вишера и всегда привозила мне

детские книжки.

Учиться я любила, хотела получить среднее образование, поэтому с 8 по 10 класс училась в Малой Вишере, жила в общежитии. После школы закончила Боровичское педагогическое училище и в 1959 году была направлена на работу в Чудовский район Новгородской области, в посёлок Торфяное. Работала в начальной школе 2 года.

Семья — муж Алексей Романович и дочь Света, 1976 — 77 год.

В 1960 году, в Торфяном, вышла замуж за Алексея Романовича Баранова. Он работал механиком на торфопредприятии. Родилась дочь Люда. Торфопредприятие разваливалось, ребёнка в садик было не устроить. Дядя жил в Любани, работал в милиции, он подсказал обратиться в Тосненское горно. Там предложили работу в Новолисинской школе в молодом, растущем посёлке Форносово. Школа тогда была восьмилетняя. Я согласилась, и в 1961 году мы приехали в Форносово.

Форносово, ставшее судьбой

Я стала работать в начальной школе. С теплотой вспоминаю своих первых учеников: Наташу Смирнову, Галю Лебедеву, Славу Хабарова, Наташу Ежову, Валю Иванову...

Мне сразу достался 4-й класс.

Первые месяцы мы жили в частном доме на станции Новолисино, а потом в щитовом домике на четыре семьи.

Алексей работал трактористом и машинистом окорачивающих машин на болоте.

Начальная школа находилась в двух деревянных домах коттеджного типа; той что располагалась напротив дома Кияницы, уже не существует. Мне пришлось быть первым воспитателем группы продлённого дня. Работали в первую и вторую смену, по 2,5 часа.

Так я проработала два года. Потом мне предложили работать по совместительству в «большой» школе учителем русского языка и литературы. В 1968 году я поступила в педагогический институт имени Герцена на факультет русского языка и литературы, с благословения тогдашней завуча Фаины Максимовны Хлямовой. Выучилась «на колёсах», много читать приходилось в поездах и электричках. Училась без отрыва от производства, работать приходилось много, замещала коллегу, Нину Степановну Ковалевскую. Ещё приходилось замещать библиотекаря поселковой библиотеки, до открытия стационарной библиотеки, там работали учителя.

В 1973 году закончила вуз, стала работать с полной нагрузкой. При директоре школы Григории Васильевиче Гаранькине, с 1974 года работала 12 лет завучем, в старой школе, где находится нынешняя администрация и в новой, построенной в 1978 году.

Восьмидесятые и девяностые годы двадцатого века были временем большой внеклассной работы по русскому языку и литературе в нашей школе. Учителями-словесниками: мной, Тамарой Егоровной Зайцевой, Светланой Евгеньевной Смирновой, Верой Эйновной Лисициной готовились и проводились литературные вечера к юбилейным датам поэтов и писателей и дням Красного календаря, читательские конференции, коллективный просмотр старшекласниками художественных фильмов в местном ДК с последующим обсуждением их в классах и написанием сочинений на

патриотическую тему.

Особенно полюбили школьникам «Недели русского языка и литературы», которые ежегодно проводились в конце января, после зимних каникул. Начиналась «Неделя» общешкольной линейкой, на которой капитанам классов

Ираида Ивановна среди учеников Форносовской школы.

команд (с 4-го по 8-й, позднее с 5-го по 9-й классов) выдавались путёвки с расписанием работы на всю неделю, в них в конце рабочего дня жюри выставяло оценку. В понедельник проходила олимпиада по русскому языку, во вторник — олимпиада по литературе, в среду — сочинение, в четверг -конкурс чтецов, в пятницу — конкурс рисунков к художественным произведениям и литературных газет, в субботу — театрализованный праздник-конкурс «Живые страницы», где каждый класс инсценировал какой-либо отрывок из художественного произведения. В классах к нему готовились «артисты», учили роли, шили костюмы, продумывались декорации. Лучших в каждом классе награждали грамотами и призами. На школьников «Недели русского языка и литературы» производили неизгладимое

впечатление.

Здесь, в Форносово, у нас родилась вторая дочь Светлана. Она пошла по моим стопам, закончила педагогическое училище и работает учителем начальных классов в Форносовской школе.

50 лет своей жизни отдала я школе, имею много наград и поощрений, звания «Учитель-методист», «Отличник народного образования». По достижении пенсионного возраста, ещё долго не расставалась с любимой работой, до 2009 года. За все эти годы выучила более сотни учеников, которыми могу гордиться, такими, как Лена Никитина, Наташа Симонова, Володя Смирнов, Рома Романенков, Коля Панасюк, Таня Митенкова ... Их класс был очень большой, 33 человека, пришлось даже ставить дополнительные парты. И по составу ребята были сильные, многие закончили вузы, нашли своё место в жизни.

Сейчас я четырежды бабушка и дважды прабабушка. Вся моя жизнь, связана с Форносово, я люблю этот посёлок, ставший моей судьбой.

Бобкова Нина Алексеевна : «Мне жить помогают песни»

Бобкова Нина Алексеевна,
г. Ленинград, в день
семнадцатилетия.

Я родилась в городе Ленинграде 29 апреля 1939 года в рабочей семье. Отец мой, Алексей Рошин, работал электриком на фабрике «Рабочий», мама, Наталья Евдокимовна Рошина, работала на этой же фабрике на станках, гребенщицей. До войны мы жили на улице Ольгинской, дом был деревянный, в нем еще жили бабушка Анастасия (мама отца) со своими дочерьми. Их было трое и у всех были семьи. У меня была сестра Валентина, старше на три года. В детский сад мы не ходили, с нами нянчилась бабушка.

Когда началась война, мне было 2 года, а сестре 5 лет. Отец ушел на фронт, мама работала в три смены, еще участвовала в ППО (противо-пожарной обороне). Их команда дежурила во время налетов на крыше фабрики, спасая ее от фугасов, от пожаров. На крыше стояли ящики с песком, бочки с водой. Когда фугаски попадали на крышу, девушки из команды ППО брали их щипцами и совали в песок или в воду, так они дежурили, когда были налеты и немец бомбил город. В Ленинграде начался голод, холод. Хлеб выдавали по карточкам, у мамы было две детских карточки и одна взрослая; на бабушку карточку не дали, потому что она не работала до войны. Мы часто спрашивали маму, «дал ли дяденька нам сегодня хлеба?» Мы жили небогато: лишних денег в запасе у нас не было, ювелирных изделий мама тоже не имела, она выбирала что-нибудь получше из одежды и

ездила на Сенной рынок. Иногда ей удавалось обменять вещи на хлеб. В год я начала ходить, но потом заболела и перестала, а когда снова пошла, то плохо держалась на ногах, как только попадался маленький камушек или бугорок, то я падала. Все же самую суровую и голодную зиму 1941/42 года мы пережили. В 1942 году немного прибавили хлеба на карточки, но умерла бабушка и мама отдала нас в детский сад.

Нина в эвакуации в Казахстане с сестрой Валей, 1943 год.

В конце 1942 года был дан указ «всех детей вывезти из Ленинграда по Дороге жизни».

Маму с фабрики не отпускали, но она, зная, что я плохо держусь на ногах, все же взяла расчет и догнала наш детский сад на берегу Ладожского озера. Народу было много, транспорта вывозить людей не хватало, немцы обстреливали переправу, очень много машин с детьми, покидающими город, ушли под лед. Это я знаю со слов мамы. И еще то, что мы с эвакуированными людьми

уехали в товарных вагонах в северный Казахстан. Мы вышли из вагонов на конечной станции, там местные жители подходили и разбирали приехавших беженцев по своим домам на поселение. Нас долго никто не брал, никому не хотелось приглашать к себе женщину с двумя маленькими детьми. Наконец, одна женщина сказала:

— А, матка, пойдем ко мне, где пятеро, там и семеро проживут!

До сих пор я вспоминаю эту женщину, дай ей Бог здоровья и всего хорошего за ее добрую душу. Так мы поселились в одной комнате все. С этого времени я уже помню события сама.

Дом, где мы жили, состоял из одной большой комнаты с большой печью с двумя лежанками. По стенкам стояли две кровати и длинные лавки, а посередине большой дощатый стол. У нее было пятеро детей разного возраста, дошкольники. Нам она отдала одну кровать, мы вдвоем спали на ней. Печь топили камышом. Мама устроилась на работу посудомойкой в военную столовую. Там стояли летные части. Приезжали обучаться на летчиков и через несколько месяцев уезжали на фронт. Через какое-то время, мама стала работать поваром и сумела найти маленькую отдельную комнату в другом доме. Нас она устроила в детсад. Что особенно запомнилось из той жизни: комнатка была очень маленькая, хозяева жили отдельно, мы почти не встречались с ними. Хата была побеленная, вокруг дома завалинка и небольшой сад с палисадником. По вечерам собирались девушки и пели песни, из которых любимой была «На позиции девушка провожала бойца». В нашей комнате был глиняный пол, небольшая печка с лежанкой, одноместная кровать, небольшой стол и лавка. Нам казалось, что лучшего нам ничего и не надо. В этот период мы с сестрой начали болеть. Заболевала она, а я от нее заражалась. Переболела корью, свинкой, оспой, ветрянкой. Хотя была маленькой, но как сейчас помню природу той сторонки. Я никак не могла понять, почему так все происходило, поняла когда стала старше, да и мама кое-что мне разъяснила. То буйно все росло, зеленело, цвело. Было небольшое озеро с красивой голубой водой, потом вдруг природа резко менялась: все засыхало, земля растрескивалась, озеро высыхало, а по полю катались шарики перекасти-поле. А потом засыпал все снег, столько снега, что иногда по утрам

приходилось двери откапывать, помогая друг другу выйти из домов. Такие были морозы, что мама не раз оттирала обмороженные щеки, когда приходила за нами в детсад. Печи топили кизяком и камышом.

Что такое кизяк? Его готовят так: мелко режут солому, от животных берут навоз, все это кладут на ровную площадку, окантовывая досками. Потом дети и взрослые босыми ногами месят до более-менее однородной массы, дальше делают решетку и заполняют отверстия этой массой. Оставляют сушиться на солнце. Получаются своеобразные кирпичи. Их складывают под навесы, укрывают от дождя и снега.

Мы прожили там до 1945 года. Окончилась война. Отец пришел с фронта, снова устроился работать на фабрику «Рабочий» электриком. Прислал семье вызов, и мы вернулись в Ленинград. Ехали мы в телятниках (вагоны, в которых перевозят животных). На одной из остановок мама вышла с ведром, чтобы набрать горячей воды и не успела вернуться в свой вагон. Мы с сестренкой проплакали весь перегон и сколько радости было, когда мама пришла, да еще принесла горячую воду.

Вот мы и опять в Ленинграде!

Как встретил он нас? Жить практически было негде. Наш дом во время войны разобрали на дрова- зима была холодная, а живым надо было чем-то обогреться.

Ни дома, ни вещей, ни денег, а жить надо. И встал вопрос: что делать и как жить? И опять пошла борьба за выживание. Мир не без добрых людей. Тетя моего отца, жившая в коммунальной квартире в 14-ти метровой комнате, потеснилась и дала нам кров. И жили мы там семь человек — их трое и нас четверо. Это было тяжело, но уже не так страшно. Лишь бы не было войны!

Мама снова пошла работать на фабрику, вскоре им с

отцом дали 15-ти метровую комнату в фабричном общежитии. Это был двухэтажный деревянный дом из 38 комнат, общий коридор, общая кухня, две большие деревянные плиты, два больших стола, четыре умывальника с холодной водой, по обе стороны коридора два туалета. В комнате деревянная печка. Но мы были так рады! Одна стенка комнаты была оклеена обоями, другая побеленная. Мама откуда-то со свалки привезла полуторную железную кровать с торчащими пружинами, дощатый стол. Одну табуретку пришлось сразу разрубить на дрова, чтобы нагреть комнату и вскипятить чайник. Эта картина никогда не исчезнет из моей памяти. Мы сидим и чаевничаем: я на чемодане, сестра - на чемодане, мама на табурете. Я пила чай из блюдца, сестра из поварешки с отломанной ручкой, а мама из жестяной кружки.

Почему я ничего не говорю об отце? Его с нами не было. Он нашел себе другую женщину и ушел к ней. Мне было очень обидно. До войны я его не помнила. А обидно, что у многих не было отцов потому, что они погибли на фронте и они могут своими отцами гордиться, а у меня живой и бросил нас в самое тяжелое время. Ну да бог с ним. Я так никого за всю свою жизнь отцом и не называла. Мама гордая была, его не простила и замуж больше ни за кого не пошла, всю жизнь растила меня одна. Одно было больно, что нас с сестрой разделили. Ее отец взял к себе, а я осталась с мамой.

Так мы начали жить в разрушенном Ленинграде. В 1946 году я пошла в школу, в 1-й класс. Жили мы в Невском районе, на проспекте Села Смоленского. Она теперь называется улицей Ткачей. Наш деревянный дом недавно снесли и на его месте построили пятиэтажный, со всеми удобствами в квартирах. Школа №335 до сих пор работает. Учились тогда врозь девочки и мальчики и только когда я была уже в 7-м классе, нас соединили с 334 школой, раньше там учились одни мальчики. Трудно было привыкать учиться

вместе. На уроках мы стеснялись отвечать, да сидеть за партой с мальчиком не хотели. Жили мы с мамой очень экономно. Нужно было и за комнату заплатить, и одежду приобрести, и для меня и для мамы, и книги купить, и тетради. Все покупалось на вырост. Мама свои платья перешивала, как умела, на меня с запасом на вырост, так что ни о какой моде не могло быть и речи, ведь жили на одну мамину зарплату. За 8-й класс пришлось 200 рублей заплатить.

Исполнилось мне 16 лет и я решила пойти на работу, но продолжала учиться в школе рабочей молодежи. Устроилась в Госбанк Невского района секретарем делопроизводителя с окладом 360 рублей. Работала по 8 часов, а вечерами ходила в школу. Жить стало полегче и только тогда сумели приобрести нормальную мебель.

Мне было все интересно: и на машинке печатать и на счетной машинке считать, но когда я немного всему научилась, то поняла, что меня бухгалтерская работа не интересует.

Я ушла из банка на завод художественного стекла. Хотела быть гравировщицей или алмазчицей, но набора на станки не было и я стала работать на отопочной машине, с окладом 630р.

Я бралась за любую работу, а так как мне не исполнилось еще 18 лет, то работала на подмене, когда кто-нибудь болел. Начальство это устраивало, а меня нет. Зато я таким образом познакомилась со многими профессиями: отопочница, относчица, газировщица, электромонтер 3-го разряда на пирометрических приборах, фацовщица, разметчица, но до своей мечты так и не добралась. Пока я закрывала дырки, проходил набор на гравировку или алмазчика, а когда выходили на работу те, кого я заменяла, набора уже не было и мне снова приходилось вставать на подмену. Правда на последнем месте, разметчицей, я деньги получала с выработки очень хорошо-1200 рублей. Но тут я вышла замуж.

Муж работал на заводе «Светлана» монтажником и решил меня перетянуть к себе. Я взяла расчет, но к мужу не смогла сразу устроиться, т.к. не было набора на монтажников и я на 3 месяца «повисла в воздухе». Было стыдно не работать и сидеть на иждивении мужа, и я снова пошла искать работу. Обойдя несколько предприятий в Невском районе и не найдя того, чего хотелось бы, я решила идти на фабрику «Рабочий» ткачихой. Условия не лучшие: 3 смены в жаре, грохоте машин, но если освоить эту профессию и упорно трудиться, то заработок будет хорошим, тут уж все зависит от тебя самой. Но меня ждало разочарование — врачи не допустили к работе на станках, признали порок сердца. Разрешили работать только в кладовых или конторах. Так я стала на этой фабрике весовщицей, с окладом 480 рублей.

Отработав год, я родила дочку. Трудно было жить на одну зарплату мужа и я, придя в цех, попросилась на любые станки, только чтоб был побольше заработок. Врачей больше проходить не надо было и меня взяли на «мотальные», где можно было получать 700-800 рублей. Работа в три смены, все время на ногах, по 8 часов при шестидневной рабочей неделе. Присмотревшись, я перешла на «крутильные» станки, уже за 800-900 рублей в месяц.

А потом в бригаде освободилось место и меня взяли на «тростильные» станки и я зарабатывала до 1200 р. Бригада из трех человек обслуживала 9 станков. Так я проработала на фабрике «Рабочий» пять с половиной лет.

Муж перешел монтажником на номерной завод в Невском районе и снова стал звать работать вместе, причем в одну смену. На этот раз мне с большим трудом удалось получить расчет с фабрики и устроиться на номерной завод (работавший на оборону) радиомонтажницей 1-го разряда, после 3-х месяцев учебы. По душе пришлось мне эта работа. На заводе я проработала 30 лет и ушла на пенсию

монтажницей 6-го разряда. За хорошую работу не один раз я получала грамоты и премии, звание «Ударник коммунистического труда»(1973г.).

В 1975 году по итогам социалистического соревнования за 1-е место я получила звание «Отличник качества» и значок-это давало право сдавать свою продукцию без ОТК, сразу военным представителям. Обучала нашей профессии ребят из ПТУ, участвовала в жизни цеха, завода- в лыжных и шахматных соревнованиях, в художественной самодеятельности. За хорошую производственную работу меня наградили орденом Трудового Красного Знамени и медалью «Ветеран труда». 20 лет я была донором, награждена всеми знаками и медалями от «капельки» 1, 2, 3 степеней до звания «Почетный донор России». Также я награждена медалью «Житель блокадного Ленинграда» и всеми памятными медалями ленинградцев. А еще я бережно храню, как память о маме, ее медаль «За оборону Ленинграда». Отработала я в общем 42 года. С завода «Ленинец» ушла по собственному желанию и после я уже не работала, потому что не позволяло здоровье, да и был у меня участок земли на Ржевке, где я занималась огородничеством. В 1974 году удалось по случаю купить небольшой участок в садоводстве учителей. Земли 3 сотки, но там росли 15 яблонь, сливы, малина, клубника, небольшой сарай. Садоводство было уже обжитое, с 1958 года, но домик был необходим, так как негде было отдохнуть, переночевать и первое, что пришлось сделать, построить дом, небольшой, 4 на 5.

Но в 1990 году на Ржевке стали строить КАД(кольцевую автодорогу) и наше садоводство попало под снос. Государство нам выдало компенсацию и все стали приобретать себе кто имущество, кто садовые участки. Я тоже решила что-нибудь подобрать, чтобы можно было выехать с мамой за город. Нашла подходящую 2-х комнатную квартиру на станции

Новолисино, думала будем с мамой жить за городом, лес совсем рядом и добираться недалеко, около часа на электропоезде.

*Нина Алексеевна в
Форносовской библиотеке,
2014 год.*

Но жизнь сложилась немного иначе. Приобрела я квартиру в 2003 году, а в 2004 моей мамочки не стало. С тех пор я живу в Форносово (так называется поселок рядом со станцией) постоянно. Здесь рядом с домом обрабатывала небольшой клочок земли, но вот уже два года не занимаюсь им, тяжело. Здесь я нашла хороших людей и друзей, хожу в библиотеку, участвую в художественной самодеятельности дома культуры, очень люблю песни. В этом году уже будет 10 лет, как я проживаю в Форносове. А Ленинград навещаю

только, чтобы помыться, постирать белье. Или если заболел, подлечиться. В городе у меня живет сын Андрей и уже взрослый внук Коля, у них своя жизнь. Я своей довольна, только последнее время подводит здоровье. Но помогают песни, с ними я забываю о своих болячках.

Ильина Раиса Кирилловна: «Моя трудовая молодость»

*Ильина Раиса Кирилловна,
г. Ленинград, 1940 год.*

Я родилась 4 сентября 1929 года в селе Борисово Ленинградской области.

Когда началась война, мне было 12 лет. Немец до нас не дошёл. Когда немцы взяли Тихвин, нас хотели эвакуировать, но дальше немцев отбили, и мы остались в тылу. Жилось очень трудно, был голод, но мы продолжали учиться. Когда освободили Ленинград, к нам приехали за добровольцами — нужна была молодёжь восстанавливать разрушенный город. Мне тогда было 15 лет и я поехала. Когда приехала в

Ленинград, меня распределили в ремесленное училище на Большом проспекте Петроградской стороны, в общежитие. Нас было 15 человек, условия проживания тяжёлые, мы почти не учились, а работали на восстановлении города. Работали на военном заводе, делали детали для самолётов и учились одновременно. В 1945 году закончилась учёба и я получила диплом об окончании ремесленного училища и нас направили на восстановление дома на Малой Охте. Нас поселили в деревянном доме на чердаке, который даже не отапливался. Было так холодно, что даже обмороживались. Укрываться приходилось тонким одеялом, одежду сушить было негде.

Когда приехал папа и увидел меня, обмороженную, и в каких условиях я живу, то забрал меня домой. Моя тётя, Гуляева Евдокия Прокофьевна, была направлена на строительство

торфопредприятия близ Павловска, на станции Новолисино. Евдокия Прокофьевна работала парторгом, агитировала людей на торфоразработки. Когда я поправилась, она попросила привезти в Форносово её мать (мою бабушку) и оставила меня тоже там. Так я оказалась в Форносово, где проживаю до сих пор.

Лучкова Нина Фёдоровна: «Согревает сердце любовь и забота близких»

Лучкова Нина Федоровна

Родилась 8 ноября 1930 года в Орловской области, в деревне Лукино Дмитровского района. Отец, Бондарев Фёдор Михайлович, был кузнецом, работал в колхозе по строительству. Мама, Мария Ивановна, воспитывала 4-х детей. Нина была самой младшей.

Деревня была большая, 110 домов, но школа там была только начальная, поэтому 5-й класс пришлось заканчивать в соседней деревне Бородино, которая находилась в полутора километрах. После 5-го класса родители забрали из школы, нужно было работать.

Трудились в колхозе — землю копали лопатами, потом бороновали, выполняли все полевые работы. Денег не давали, только записывали трудодни. На один трудодень можно было купить 200 грамм овса, а в месяц получалось 50 трудодней. Работали от темна до темна.

В Орловскую область немец пришёл очень быстро, уже в 1941 году. В их деревне немецкая часть стояла полтора года. Семья Бондаревых перед войной построила новый дом, а старый стоял тут же, сзади. Новый дом заняли немцы, разместили там кухню, а семью отправили жить в старый. Нину взяли работать на кухню уборщицей. На дом еды не давали, но разрешали сажать огород, земли было около 25 соток. Ели то, что самим удалось добыть. Когда работала на кухне,

запомнился немец Готфрид, он угощал своей едой и просил попробовать их еду. Сам давал поесть бобового супа, немцы варили бобы вместе со стручками, получалось очень вкусно.

У отца были голуби, немцы отбирали их, на глазах сворачивали птицам головы и складывали в свои сумки. Кухня кормила стоявшую в деревне немецкую часть.

Немцы забирали молодых ребят, пытались узнать какие-нибудь сведения о партизанах.

Один парень стал сотрудничать с немцами и, когда они уходили, он попытался спрятаться в лесу у партизан, но те уже знали про предательство и жестоко его наказали.

Местных жителей немцы, пока жили в деревне, не обижали. Зверствовать стали при отступлении, у соседей убили всю семью, угнали весь деревенский скот. Часть деревенских жителей немцы угнали с собой, а семье Нины удалось уйти в лес к партизанам.

Деревню полностью сожгли, жить пришлось в уцелевших погребах. Отец был мастер на все руки, построил печь и на ней все пекли хлеб. Из трав, старой картошки готовили еду и хлеб. Поля при немцах засевали и они разрешали пользоваться урожаем. Когда снова пришли наши, поля убирали и весь урожай сдавали в колхоз, а затем таскали пудовые мешки (по 16кг) на станцию Комаричи и возвращались в тот же день обратно. Набивали на ногах кровавые мозоли. На еду семье давали очень мало. Муку мололи на самодельной мельнице из двух кругов и пекли лепёшки.

В деревню вернулись, когда ещё не кончилась война. Стали строить сначала землянки.

Об окончании войны узнали по радио, которое было в сельсовете. Деревня была глухая, даже без электричества, свет был от керосиновых ламп. Стали работать в колхозе на полевых работах, так же за трудодни, опять урожай носили на

станцию, оттуда его отправляли по назначению.

*Лучкова Нина Федоровна,
1950 год.*

С мужем, Алексеем Дмитриевичем, познакомились на танцах и встречались около 3-х лет. Дружили, о таких отношениях, как сейчас у молодёжи, и не думали.

Когда в деревню приехала Надя Мамуркина вербовать на торфоразработки в Форносово, Алексей завербовался, отработал сезон, приехал в октябре 1952 года домой и в декабре они поженились. Прожили в Лукино до марта и в конце месяца приехали в Форносово.

По Советской улице стояли 10 барачков, в одном из них прожили 10 лет. В 1953 году родила дочку Валю. Муж работал трактористом на торфопредприятии почти 50 лет.

В мае 1954 года отдала дочку в ясли и устроилась на работу в транспортный цех завода. Была рабочей, укладывали рельсы для узкоколейки, по ним потом возили торф на завод.

В 1955 году родила вторую дочь — Надежду.

В 1957 году устроилась на работу в городе Ленинграде. До 1961 года работала подносицей угля на Ленинград-Витебском отделении железной дороги. Потом перешла на работу в 1-й автобусный парк на улице Днепропетровской и проработала там 40 лет мойщицей, последние годы-аппаратчицей. На пенсию ушла в 2000 году, да и то, с работы не хотели отпускать. Но муж настоял на уходе.

Работала добросовестно, получала премии, благодарности, почётные грамоты, фотографию помещали на Доску Почёта. 16 сентября Нине Фёдоровне было присвоено звание «Ветеран труда».

С мужем прожили почти 50 лет, он немного не дожил.

Дочь Валя вышла замуж за курсанта военного училища Анатолия Снегура. Первое время, пока он не закончил учёбу (в городе Пушкине) жили у нас в Форносове, а потом уехали по распределению на Камчатку. Думали на время службы, а оказалось насовсем.

Большая дружная семья Нины Фёдоровны.

Старшего внука назвали Алексеем, в честь деда, он стал военным моряком, инженером-механиком. Плавал на корабле, купил там, на Камчатке, квартиру. Второй внук — Саша стал спецназовцем. Работа у него опасная. Оба внука очень хорошие, грамотные, самостоятельные. На новый 2013 год к Нине Фёдоровне приезжала с Камчатки вся семья Снегуров, было весело, шумно, в её просторной двухкомнатной квартире для всех хватило места.

Вторая дочь — Надежда — живёт недалеко, в Санкт-Петербурге. Вышла замуж по большой любви за Володю Фёдорова, он играл в форносовской любительской футбольной команде, работал в милиции. Они вырастили двух детей- сына

Владимира и дочь Викторию.

Надя медик, ей от работы была предоставлена возможность вступить в жилищный кооператив. Когда приехала посоветоваться с родителями, те её поддержали, помогли выплатить денежный взнос. Сейчас они живут в благоустроенном кирпичном доме на улице Приморской. Часто навещают, помогают.

Всё хорошо, только здороровье подводит, ноги стали плохо слушаться, сказались последствия тяжёлого военного времени и послевоенного труда. Но согревает сердце и поддерживает в жизни внимание, любовь и забота детей и внуков.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна, заведующая
Форносовской поселковой библиотекой*

Матвеева Валентина Николаевна: «Моё богатство — дружная, заботливая семья»

Я родилась 15 мая 1938 года в посёлке Красный Май Вышневолоцкого района Калининской (Тверской) области в многодетной семье. Мама, Мария Ивановна Коноплёва, воспитывала пятерых детей — три девочки и два мальчика, я была младшей.

*Бабушка Мария Ивановна
Красикова и мама Мария
Ивановна (Коноплёва)*

Все члены семьи работали на Красномайском стекольном заводе. Была трудовая династия Коноплёвых, их портреты висели на стенде по истории завода. Дедушка Тимофей погиб в 1-ю мировую войну. Своего отца, Николая Тимофеевича Коноплёва, я тоже не помню. Мне было всего полгодика, когда его забрали на финскую войну, откуда он не вернулся. Сначала пришло сообщение: «пропал без вести». Мы ждали его долго. Потом получили похоронку. Вот так мама с бабушкой, её тоже звали Марией Ивановной, и пятеро детей остались бороться с трудностями жизни.

Пережить голод и холод помогла корова да наше трудолюбие. Не было у нас сначала ни электричества, ни телевизора, ни радио, поэтому мы научились с детства трудиться: и косить сено, и заготавливать дрова, и доить корову и всему, что требовалось по хозяйству.

Во время войны у нас во дворе стояла походная кухня для наших солдат. Нас они тоже угощали. Фильм «Фронт за

линией фронта» снят в наших лесах.

В мае 1945 года, рано утром (мы ещё спали) услышали крики радости и стук в окно: «Мария, война кончилась!» Не передать словами чувство радости, охватившее всех.

В этот счастливый год я пошла в 1-й класс. В 1947 году мы часто собирались в доме, где была чёрная тарелка – радио, и слушали сводки о снижении цен на продукты.

Окончив 10 классов, я и две мои подруги решили поступать в Тихвинское педагогическое училище. После его окончания, получили направление на работу в Тосненский район Ленинградской области. Я попала в самую глухую деревню – Васькины Нивы, в 17 км от Любани. В войну эта деревня была вся разрушена, жители угнаны, кто в Латвию, кто в Германию. Мой муж, Матвеев Борис Александрович, в детстве вместе с матерью были в Латвии. Вернувшиеся в деревню люди сначала жили в бункерах, потом стали вновь отстраивать дома. Был организован колхоз, работали на полях, ухаживали за скотиной и получали не деньги, а трудодни. Вскоре родители у мужа умерли. Он попал в детский дом, а сестру удочерили в Ленинграде. Затем ремесленное училище, армия(три года в морфлоте), работа в Таллине.

Школа, в которой я начала работать в деревне Васькины Нивы, была расположена в старом, полуразрушенном здании. Она была однокомплектная – 4 класса. В первом классе 5 человек, во втором – 2 человека, в третьем – 5 человек и в четвёртом – 2 человека.

Хозяйка, у которой я жила, была без ноги, с протезом, работала уборщицей в школе, топила большую круглую печку.

Я всегда с гордостью вспоминаю эти первые годы работы. Несмотря на трудности, мы, молодёжь деревни, собирались в доме у заведующей избой-читальней, готовили концерты, играли спектакли и ездили выступать в другие

деревни, куда нас возили на тракторе.

Затем колхоз переименовали в совхоз. Молодёжь получила паспорта и уехала из деревни в Ленинград. В школе осталось 5 человек, их перевели в Любанский интернат. Меня перевели в Чудской Бор в двухкомплектную школу в семи километрах от Померанья.

В 1960 году я вышла замуж за Бориса Матвеева, он тогда ещё служил в армии. Приехал на побывку, разыскал меня, мы сходили в сельсовет и расписались. Я ждала его из армии полтора года. Я отработала в этой школе два года, и когда муж вернулся из армии, жили в Рябово по частным квартирам. В 1962 году родилась дочь Лена. После декретного отпуска мне нужно было искать работу там, где были бы детские ясли. Так я попала в Форносово по направлению Тосненского горно.

И так, с 1 марта 1963 года я живу в посёлке, который стал родным. Мы с мужем прожили здесь счастливые 52 года. Наше богатство — большая, дружная, заботливая семья.

С огромной благодарностью вспоминаю Евдокию Прокофьевну Гуляеву. Она моей семье помогла и в прописке, и в поисках жилплощади. С маленьким ребёнком было очень трудно устроиться. Директором Новолисинской восьмилетней школы была Вера Александровна Кучугурная. Начальные классы занимались в двух деревянных зданиях. В одном здании работали Нина Ивановна Сырникова и Евгения Михайловна Митенкова. А во втором мы с Екатериной Ивановной Гаранькиной. Мне очень повезло, что пришлось работать с таким опытным и чутким учителем, она передавала мне своё педагогическое мастерство в подготовке к урокам. Потом директором школы был назначен Григорий Васильевич Гаранькин. В начальной школе стали вводить новые методы обучения, с четырёхлетнего перешли на трёхлетнее. Каждый четвёртый учитель оказался без класса. И меня постигла эта участь.

Здание начальной школы, первая половина 70-х гг..

Два года работала пионервожатой, затем в группе продлённого дня. В это время ясли-сад оказался без заведующей. Мне предложили эту должность. Я долго думала, колебалась. В отделе кадров торфопредприятия Форносово тогда работала Галина Николаевна Носкова. Она сумела меня уговорить, и я решила рискнуть. В 1974 году я приняла ясли-сад, который располагался в двух старых деревянных зданиях. Восемь лет я старалась улучшить условия работы учреждения. В этом мне очень помогал родительский комитет, в котором были Геннадий Манкевич, Николай Беяков, Макаров, Борис Матвеев.

Они своими силами огородили детский сад забором. С помощью директора торфопредприятия Андрея Афанасьевича Кияницы построен дополнительный навес для прогулки детей, кирпичный сарай для хранения топлива, сделана пристройка к детсаду- дополнительная туалетная комната.

Несмотря на все эти меры, мест для детей не хватало. Очередь на приём в ясли-сад росла. А.А. Кияница решил

построить новый детский комбинат на 280 мест.

В 1982 году детский комбинат был построен. Были трудности с обеспечением оборудованием. Приходилось не просто покупать, а «доставать», но опытные снабженцы Ася Ивановна Ерошеня и Лидия Гавриловна Локтионова сделали всё возможное, чтобы новый деткомбинат заработал. И вот торжественное открытие. А.А.Кияница выступил с напутственными словами. Я выступила со словами благодарности. Вдруг неожиданно белые голуби взлетели над нашими головами. Разрезана ленточка, и дети вместе с родителями направились в новое здание. Сразу открыли 6 групп.

Впереди меня ждала большая работа: оформление комбината, обеспечение штатом сотрудников. Такая напряжённая работа сказалась на моём здоровье. Начались проблемы со щитовидкой, операция. И я попросила перевести меня воспитателем в подготовительную группу. Затем работала в младшей группе. В то время школа-сад были единым учреждением.

Поздравления с днем рождения, 2014 год.

В 1986 году, выпуская группу, я с этими детьми перешла

учителем 1-го класса. Директором школы-сада был Пётр Иванович Доннер.

В 1994 году я ушла на пенсию. Я очень любила свою профессию, детей и никогда не пожалела о своём выборе.

У меня хорошая, любящая семья. Мы с мужем вырастили двоих дочерей. Вторая дочь, Света, родилась уже в Форносово, в 1968 году. Обе получили образование, создали семьи. У меня два внука, внучка и две правнучки. После смерти мужа в 2012 году дочери и внуки поддерживают меня, не оставляя вниманием и заботой. И это очень помогает в жизни, знать, что ты нужен близким.

Носкова Зоя Алексеевна: «Ни от одного дня моей жизни не отрекусь...»

*Зоя Зеленова
(Носкова), 1940 год.*

Я родилась 3 февраля 1933 года в Любани. Отец, Алексей Никитич Зеленов, работал слесарем на железной дороге. Мама, Елена Александровна, растила детей, их в семье было трое: я самая старшая, мне было восемь лет, сестре Люсе пять, а брату Жене всего два годика. Мы жили в хорошем, недавно выстроенном доме.

В школе мне учиться не довелось, собиралась пойти в 1-й класс, но началась война.

О её начале объявили 22 июня по репродуктору. Через какое-то время родители собрались и, взяв детей, переселились в деревню Новинка, откуда были родом и где жила бабушка Мария, отцова мать. Все очень боялись прихода немцев. Прожили мы у бабушки недолго. Однажды, оставив детей дома, родители собрались идти жать рожь. Видят — летят немецкие самолёты, на разведку, покружили и улетели. А вскоре возвратились и начали бомбить. Все в панике побежали на поле Грена, а потом, собрав в узелки кто что смог унести, стали уходить в окрестные леса. Мама мне кричала, чтобы я взяла хоть что-нибудь с собой, я взяла самовар, но долго его не унесла, он был такой тяжёлый и я его уронила, он так и остался на дороге.

Немцы стали прочёсывать лес, поэтому пришлось вернуться в Любань. Наш дом был цел, даже стёкла не выбиты. Поскольку он был крепкий, хороший, немцы в нём сделали

штаб и нам тоже разрешили там жить, а маму заставили работать уборщицей. Мама убирала, а отца гоняли на работу. У него, как у железнодорожника, была бронь от армии. Но однажды, когда он ехал с работы, их поезд разбомбили, и он лесами пришёл в Любань. Соседке, ехавшей с ним вместе оторвало ногу, было много раненых и убитых.

Немцы ездили на зелёных машинах, отбирали продовольствие, ловили кур, поросят.

Так жили недолго, потом пришла карательная часть СС и предупредили население, что скоро всех увезут. Через некоторое время с Любанской станции нас отправили в город Сланцы. Там была взорванная шахта, вокруг которой располагалось много бараков, их обнесли колючей проволокой и сделали лагерь. Там людей просто держали некоторое время, на работы не гоняли. Детей иногда выпускали за пределы лагеря.

Однажды мне вместе с другими детьми разрешили поехать на бойню, можно было взять ноги убитого скота. Ноги были навалены кучами и мы в них копались, выбирая себе то, что пригодно было бы для еды. Я заблудилась там, встретила солдат в немецкой форме, один из них говорил по-русски. Они меня взяли с собой и довели до лагеря.

В Сланцах было много партизан. Немцы их ловили и казнили прилюдно, а всех сгоняли смотреть, что будет, если помогать партизанам. Помню молодого черноволосого партизана, который молчал, не сказал ни единого слова, не кричал, не просил пощады.

Один раз в день приезжала машина с едой. Наварена была всякая мешанина, как для поросят. Немец большим черпаком на длинной палке разливал еду по котелкам, кастрюлям, у кого что было. Спали на нарах. Много народа умирало. Каждый день приезжала телега, запряжённая

лошадьми, на неё погружали трупы и увозили.

Потом нас вывезли в Литву, поселили в большом двухэтажном доме, там были нары с панцирной сеткой, спали по несколько человек на нарах. Перед нами в этом доме был лагерь военнопленных, их морили голодом, было много умерших. А вокруг летало много воронья, разжиревшего на мертвечине.

Там мы жили лето, осень, зиму. Потом приказали литовцам взять по русской семье для работы. Мы вышли на дорогу всей семьёй, 5 человек. Нас долго не брали, потом приехали отец с сыном, изрядно выпившие, повезли нас к себе. Ехали очень лихо, пока не подвезли к дому. Загорелся свет и вышла бабушка — хозяйка. Они оставили у себя отца и меня с Люсей, а маму и брата отдали брату хозяина.

Мама помогала по хозяйству. Я тоже работала, делала всё, что приказывали, часто меня сажали работать на ткацком станке. Сестра Люся пасла коров. На полях было много камней, мы их собирали, складывали в кучи. Камни были очень тяжёлые. Страшно было по ночам, когда к хозяевам приходили немцы за продуктами. Нас хозяева кормили вместе с собой. Но им содержать нас, работников, было накладно, и они даже просили у немцев разрешения избавиться от нас. Немцы им ответили, делайте, что хотите, но официального разрешения не дадим. Наказывать работников немцы тоже не разрешали.

Однажды я нашла на гумне, застланном соломой, склад оружия, но никому не сказала, очень боялась. Видимо немцы ещё готовились воевать. У этих хозяев мы и дожили до Победы. Однажды хозяин объявил, что русских будут увозить. Посадил на телегу и отвёз на станцию. Там нас погрузили в товарные вагоны и так везли до самой Любани — стоя или сидя на полу. Детей маленьких оберегали, чтоб случайно не затоптали.

Вернулись в Любань. Дом наш был сожжён. Первое время жили в маленьком домишке, который у нас был до постройки нового. Этот домик при немцах был карцером, туда сажали провинившихся, а рядом собаку — сторожить. Надо было вновь строиться.

Ездили в лес за брёвнами. Зима, холод, мама сильно простудилась, болела и в 1950 году умерла. Папа сильно переживал, стал пить, а потом ушёл жить в деревню Бородулино, к другой женщине.

Остались мы, дети, одни, сами содержали себя, как могли: сажали картошку, ею и питались. Отец иногда приезжал, привозил продукты.

Сестра Люда пошла в ремесленное училище, выучилась на фрезеровщицу, а брат Женя на тракториста, потом работать пошли. Люся вышла замуж в Ильинский погост, работала в Ленинграде, там ей дали комнату. Женя всю жизнь прожил в Любани.

Когда я подросла, пошла работать во 2-ю типографию имени Лоханкова. Приходилось ездить до работы по 2,5 часа туда и обратно. С июля 1951 по 1967 год работала браковщицей, потом контролёром 3-го разряда.

В Любани встретилась с первым мужем — Арнольдом Векшиным. В совхозе «Любань» были танцы, я туда ходила. Арнольд работал киномехаником и вёл кружок художественной самодеятельности. На танцах и познакомились. Встречались года два, потом поженились.

Мужа направили работать завклубом в посёлок Форносово, и я приехала вместе с ним. Сначала нам дали комнату в 1-м доме на Павловском шоссе, жили в одной квартире с Галей Коротковой, а потом получили отдельную комнату в «гостинице» (так называли дом №19 на Павловском шоссе). Через два года мы расстались, потом Арнольд

уехал из Форносова.

Я через 4 года вышла замуж за Носкова Александра Федотовича, с которым и прожила всю жизнь. Он работал на железной дороге. В 1966 году у нас родилась дочь Лена. Когда освобождалась квартира в доме №24 по улице Круговой, директор торфопредприятия А.А.Кияница обещал дать её нашей семье, если муж придёт работать на торфопредприятие.

В кругу семьи.

Муж согласился, он был хорошим плотником, так на заводе и проработал до самого конца.

Здесь, в Форносово, у меня появились подруги — Тоня Степанова, Тоня Першина, Алла Савось, Роза Харитоновна, которой я помогала с детьми. В декабре 2013 года моей подружки Розы не стало, перед смертью, когда я навещала её, она с благодарностью вспоминала об этом, о нашей дружбе.

Семья росла. Дочь Лена закончила техникум, работала в Ленинграде, вышла замуж за Володю Галговского, родила двоих детей — Таню и Лёшу. Мы стояли на очереди на

улучшение жилищных условий и когда сдавался новый дом (№3 на улице Шаронова) нам с мужем выделили двухкомнатную квартиру, на 3-ем этаже. На семейном совете решили отдать её молодым — семье Лены, а сами остались в старой.

*Поздравление с 80-летием Носковой Зои Александровны
3 февраля 2013 года от ветеранской организации.*

Я тоже с 1967 года работала в посёлке Форносово — почтальоном, няней в детском саду, поваром. В 1975 году пришла работать на торфопредприятие, на участок обработки стекла. Работала упаковщицей, контролёром ОТК, наклейщицей. Работала до 1992 года, пока не вышла на пенсию. Неоднократно премировалась за победу в социалистическом соревновании, имела благодарности, моя фамилия заносилась на «Доску Почёта». В 1985 году награждена медалью «Ветеран труда».

Сейчас я уже прабабушка. Вспоминая прошлое, ни от одного дня своей жизни, хотя и пришлось испытать многое, я не отрекусь и благодарю Бога за прожитые дни.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна, заведующая
Форносовской поселковой библиотекой*

Прохорчева Римма Михайловна: « Несчастья

закалили меня»

Моё военное детство

9 мая наша страна торжественно отмечает день победы над фашистской Германией.

Я хочу поделиться своими воспоминаниями о тяжелых, трудных, голодных годах своего детства.

Я родилась в феврале 1930 года в городе Сергаче Горьковской области(сейчас это Нижегородская область), через который проходит большой железнодорожный узел, соединяющий г.Москву с Уралом и Сибирью. Когда началась война, мне было 11 лет, а моему брату 13 лет и в этом возрасте все тяготы войны легли и на наши плечи.

Наш город отличается своеобразным расположением-очень холмисто-гористая поверхность, город был в центре, а по его окраинам были 4 колхоза, из которых два существуют и поныне. У нас была коммунальная квартира и не было приусадебной земли, поэтому все продукты покупали у колхозников. А с началом войны были введены продуктовые карточки только для горожан, колхозники жили за счёт приусадебного хозяйства. На рынке сельхозпродукты страшно подорожали, а нормы хлеба были такие: поскольку мама была служащая, то получала 400 г хлеба, а мы- иждивенцы- бабушка, брат и я по 200г. Ведро картошки на рынке стоило 200 рублей, а это были большие деньги, если учесть, что мамина зарплата всего 275 рублей. Мы могли купить только одно ведро в месяц, а есть хотелось всегда. С 1942 года в школе после второго урока нам давали по тоненькому кусочку хлеба. Дежурному доставались хлебные крошки, остававшиеся в ящике. На третий год войны стали ещё давать половник супа из соленой капусты из наших колхозов. В школу мы бежали, как на

праздник, зная, что там чего-то дадут поесть. Школа не отапливалась. Все сидели одетыми, в шапках и в валенках. Чернила замерзали, и на уроках русского языка и математики чернильницу-непроливайку отогревали в левой руке под полой пальто. В середине каждого урока учителя нас поднимали и велели попрыгать и похлопать руками, чтоб согреться.

Весной и осенью после занятий нас уводили в колхоз помогать в уборке или сортировке посевного материала. Каждая школа была прикреплена к какому-то колхозу, а школ было три- начальная, семилетка и десятилетка. Летом ходили всей школой на уборку колосков. Давали нам норму. Только в июле разрешали съесть несколько колосков, а они были очень колючими, и, пока зернышки достанешь, руки покрывались все кровью.

Работали с обеда и до вечера, пока не выполнишь норму. Иногда в июле нам привозили молоко и давали по целому стакану. Это был праздник. Колхозам помогали и в военные годы и после войны. Работали не только в своих колхозах, но и в дальних.

Хочу описать такой случай: мы ушли(транспорта не было) за 20 км в Лопатинский колхоз на рытье картошки на целую неделю. Это было в октябре, стояла солнечная теплая погода. Мы пошли в летней обуви. Вместо одной недели мы работали четыре. Пошел снег, начались морозы. Мы жили в школе. На полу лежала солома. Спали одетыми, в шапках и в чулках. Одежд не было, ноги зарывали в солому, обувь не успевала просыхать. Спали мы в одной комнате, девочки в одном ряду, а мальчики в другом. По бокам спали учительницы, чтоб нам не было так холодно. За ночь вода в ведрах покрывалась тонким слоем льда. Утром нам давали на завтрак по 1 кусочку хлеба и 1 стакану молока, в обед похлебка из травы и картошки и кусочек хлеба, а на ужин по две картошины и кусочек хлеба.

Ставили нас на борозду и давали норму. Мальчики копали лопатами, а девочки по двое собирали картошку и складывали в кучи, а вечером приезжали лошади и мы должны были загрузить всю вырытую картошку. Иногда было совсем темно, но мы все нормы должны были выполнить. Обед давали прямо в поле. Все время хотелось есть, но не было спичек, чтобы испечь картошки,, потому что спички тоже давали по карточкам один коробок на месяц.

Фамилия председателя этого колхоза была Шаганов, звали его Николай Петрович. Я хорошо помню этого человека. Он вернулся с фронта без левой руки. Он был всегда среди людей, умел поддержать, успокоить, воодушевить добрым словом. Нам очень хотелось домой, мы плакали. Он часто приходил к нам в школу, где мы жили и в поле и, когда видел, что мы совсем обессилили, давал отдых. Садился в середине нашего круга и рассказывал о боях, в которых он участвовал, пел, и даже играл с нами, чтоб мы согрелись. Сколько было энергии, доброты в этом человеке, а он был совсем молодым.

Два старика в колхозе плели лапти, для нас, детей, он просил сплести маленькие. Мы в них работали, а потом пошли пешком 20 км к себе домой, по снегу и грязи. У меня и ещё одной девочки развалились тапочки, чулки все порвались. Он как посмотрел на нас, у него на глазах выступили слезы. Он тут же разделся, снял свою военную гимнастерку, оторвал оба рукава и отдал по одному рукаву нам, чтоб учителя обвязали нам ноги. Когда ему сказали, что же вы наделали, он ответил: «Одной руки у меня нет, значит и рукав не нужен, а что нет рукава второго, то под пиджаком все равно не видно». До сих пор не могу это забыть.

С 12 лет я, а брат с 14 лет стали работать на производстве. В Сергаче была артель «Кожтруд», где все время шили обувь, а в годы войны кроме хромовых сапог для командирского состава стали шить ещё стеганные куртки,

брюки, шапки-ушанки, 3-х пальцевые варежки, постельное и нательное белье и маскировочные халаты. Моя мама работала в этой артели бухгалтером, и детей работников этой артели взяли на работу. Нас работали две девочки и четыре мальчика. Председателем артели был инвалид с детства Субботин Иван Михайлович.

Мы работали за зарплату- 35 рублей в месяц. Артель работала в три смены. Мы, дети, всегда во вторую. Утром учились, а с 3-х часов до 10 часов вечера работали. Каждому давали норму.

У меня очень хорошо получалось пришивать пуговицы к стеганным вещам и тесемки к белью. Иногда я норму и перевыполняла и тогда мне доплачивали к зарплате. Пришивала я надежно, добротню. А у тех, кто не выполнял норму, высчитывали из зарплаты.

Иван Михайлович несправившимся с нормой выработки старался завышать выполненную работу. Он был замечательным человеком- душевным, ласковым, добродушным, никогда ни на кого не повышал голоса, всё делал тихо, спокойно.

Помещение для работы было тесным, отапливалось двумя подтопками. Электричество давали только когда стемнеет и до 10 часов вечера. Горела только одна лампочка и поэтому на стенах висели керосиновые лампы 5-ти, 7-ми и 10-ти линейные. От тканевой пыли и перегара керосина не видно было ничего. Иван Михайлович, зная такую тяжелую нагрузку на нас, детей, пытался нам помочь. В 7 часов вечера был обеденный перерыв и в это время он давал нам возможность выполнять домашние письменные работы. Он локтем сдвигал раскрой, ставил в середину свободного места 10-ти линейную лампу и велел нам выполнять домашнюю работу У него не было своих детей, с какой лаской он смотрел на нас и обязательно погладит по голове.

Выполнив работу, мы давали её ему на проверку, и, когда заканчивали работу, получали от него премию. Он просил жену сварить шесть картофелин и по одной давал нам в премию. Сколько было радости от полученной награды!

Потом он нам разрешал полчаса погулять на улице. Иван Михайлович просил женщин откладывать одежду маленьких размеров и разрешал её одевать и мы бежали на гору. Приходили, как снеговики, все в снегу, но он никогда нас не ругал за это, не повышал голоса, хотя иногда мы прихватывали лишних несколько минут. Когда работали от школы на колхозных полях, то на работу в артель не ходили. Зарплату за прогулы не платили.

Мы с братишкой работали 3 года. И из памяти доброта, отзывчивость, любовь к нам дорогого Ивана Михайловича никогда не исчезнет. Он жил в сельской местности, продуктовых карточек у них не было, и он с женой менял сельхоз продукты на сахар и по маленькому кусочку сахара приносил нам, девочкам, и тайно клал в карман пальто, обязательно предупреждая, чтобы мы посмотрели в карманчик. Об этих мужчинах я помню все время.

Невозможно забыть доброту, ласку, жалость к нам учителей. Я из семьи, пострадавшей от сталинских репрессий. Осталась без отца в семь лет. В классе я была одна политически неблагонадёжная девочка. Таких не разрешали сажать на хорошие места, дружить с ними, т.е. мы были изгоями в обществе. Но моя первая учительница Лидия Григорьевна Козлова уделяла мне немного больше внимания, чем остальным ученикам в классе. Она жила на сельской территории, у нее был очень большой сад. Каждый день на втором уроке она подходила к моей последней парте и клала передо мной большое яблоко. Каждый год она приглашала меня на новогоднюю ёлку к своим детям. Этого не забыть.

Мой отец был арестован 24 октября 1937 года и осужден

«тройкой» на 10 лет заключения и на 5 лет высылки с места проживания. Маму с работы тут же сняли с работы, жены врагов народа не должны занимать ответственные места. С его арестом у нас из дома вывезли все и поэтому в войну нечего было продавать, чтобы купить продукты.

Война уравнила нас в правах. К нам стали приходить люди, возобновилась переписка с родственниками. Маму приняли на работу, мы с братишкой также работали до 1946 года.

Память о добрых, порядочных людях, которые встретились мне в тяжелые годы моего детства, остались во мне навсегда.

Мой папа был из беднейшей семьи, ничего у них не было, кроме 7-х детей и нужды.

Папа закончил церковно-приходскую школу. В то время это было хорошее образование. Он жил в семье моей мамы. В 1928 году началась коллективизация, в которой он принял большое участие. Он обратился к теще с просьбой всё отдать в колхоз добровольно — иначе всё равно отберут. И моя бабушка со слезами с этим согласилась. Имя отца стало звенеть по всему району, как о хорошем работнике, и в этом же году его перевели в город Сергач в заготконтору. Жили они вначале на частной квартире, а потом получили коммунальную. Таких квартир было только 9. Я родилась уже в квартире. Хотя мы уже уехали из деревни, нашу землю всё равно обрабатывали, как и каждому колхознику бесплатно и добросовестно, потому что пользовались нашей скотиной и нашей техникой. И так было до 1941 года.

А с 1934 года на нас посыпались несчастья. Тяжело заболела бабушка, ей сделали операцию по онкологии (всё обошлось и она умерла в 1953 году от инсульта). В 1935 году у нас был пожар, многое было украдено. А в октябре 1937 года

арестовали отца. И с 1937 года мы превратились в семью врага народа. Нас осталось четыре человека: я, брат, бабушка больная и мама. Маму тут же убрали с работы (она работала бухгалтером в артели «Кожтруд») и только понимание председателя артели спасло нас от гибели. Он маме разрешил работать дома, а подписи ставил сам, получал деньги и материал, и платил маме зарплату. Он был безграмотным, умел только с трудом расписываться, поэтому вынужден был на свой страх и риск, в закрытом занавеской чулане поставить стол для маминой работы, а также ведро с водой и кружкой для питья. Здесь же был умывальник для рук с вечно грязным полотенцем. Когда в здание заходили люди, мама пряталась под столом. Ходил по городу разговор, что мама работает, но ни милиция, ни работники райкома партии не могли найти её на рабочем месте. Мы стали изгоями.

Но самое страшное было впереди. Однажды я с мамой пошла в милицию, чтоб передать отцу передачу. Милиционер проверил и понёс папе, а дверь в холодный коридор забыл закрыть. Я вбежала туда, правую руку положила на косяк двери, где стоял милиционер. Папа увидел меня, быстро вынул серебряный, очень красивый портсигар и протянул мне со словами: «Запомни, я ни в чём не виноват! Я не виноват!» А у него требовали подписаться под признанием, что он хотел убить Сталина, хотя папа даже ни разу не был в Москве. Милиционер быстро захлопнул обитую тяжёлым железом дверь, и мои четыре пальца правой руки были переломаны. Который палец держался на коже, который на сухожилиях. Я страшно закричала, мама потеряла сознание, и тут начался бунт заключённых во всех пяти камерах.

Они руками и ногами били по дверям и кричали: «Издавайтесь над нами, но не трогайте наших жён и детей!» Трое суток ничего не могли сделать с заключёнными. Была вызвана областная прокуратура, милиция, людей морили

голодом, обливали ледяной водой. И такое стало происходить в близлежащих районах. Когда решили кормить, заключённые сами стали отказываться от еды. Тогда власти приняли решение тайно, ночью, увозить заключённых по другим городам.

Маму мою решили привести в чувство, облив холодной водой, и, пока меня несли до больницы, она превратилась в ледяную глыбу. Был ноябрь, мороз -25, -30 градусов. Другьями нашей семьи были врачи, директора школ, завсадиком, учителя, т. е. интеллигенция города.

И когда главному врачу Саар Александру Августовичу сообщили, что произошло с его друзьями, он прибежал на работу, и тут же пришла его жена, педиатр Саблина Нина Анатольевна. Было дано распоряжение принести со склада всё новое бельё, переодеть маму, растереть её чистым спиртом, а сам он стал пришивать мне пальцы. Маму звали Евдокия, а ей это имя не нравилось, и папа называл её Духанчик, и все друзья звали её так. И перед больными и дежурившим медперсоналом Александр Августович заявил: «Духанчик, своих друзей я не оставлю». Слово своё он сдержал.

О моём родном городе Сергаче в годы войны.

Город Сергач — это большая железнодорожная ветвь. Сформированные в Москве поезда в годы войны проходили через Муром, Арзамас, Сергач, Казань и ехали на Урал и в Сибирь.

У нас составы останавливались подолгу, т. к. на них меняли паровозы, которые ездили на каменном угле и меняли состав машинистов и кочегаров, набирали воду.

Через эти станции везли с запада раненых, эвакуированных, эвакуированные на восток заводы и фабрики. А с востока везли танки, пулеметы, снаряды,

продовольствие, одежду, поэтому фашисты старались разбомбить эти станции. Муром бомбили очень часто, Сергач и Арзамас с неба охраняли круглые сутки, иногда неудачно, доставалось Арзамасу, но до Сергача снаряды не долетали. Наши «ястребки» принимали бои в небе и уничтожали бомбардировщиков, а им так хотелось разбомбить «источник», который поддерживал фронт всем необходимым. У нас на центральном кладбище покоится прах погибших шести летчиков. В самом начале кладбища стоит высокая стелла и над ней на мраморной доске выложены сусальным золотом имена и звания летчиков, погибших за эту землю. Стелла обнесена каменными столбами, соединенными цепями.

Город охранялся круглосуточно. Стояли две воинские части, которые проверяли документы у сопровождающих поезда. Иногда к нам проникали диверсанты и из леса пускали ракеты, показывая местонахождение города. Поэтому город стали охранять и жители. Были объединены по три улицы и по два жителя этих улиц должны были ходить по закреплённым местам и проверять маскировку окон, и чтоб не было дыма из печных труб. В местном лесхозе было отделение по изготовлению деревянной утвари — делали скалки, разделочные доски, толкушки для картофеля, и в годы войны их использовали при обходах. С вечера и до утра обходчики должны были бить по разделочным доскам колотушками, чтоб все знали: город тщательно охраняется. И мы, дети, когда задерживалась на работе мама, ходили и били в эти колотушки. Дежурить приходилось один раз в месяц. На каждой из трёх улиц был старший, который выдавал и принимал эти колотушки, всё делалось под роспись.

В войну в г. Сергаче был военный госпиталь, который находился в каменном трехэтажном здании школы. Мы ходили туда с концертами и по просьбам раненых приходили и писали и отправляли их письма. Умерших раненых схоронили

под этой стеллой и по бокам ее записаны фамилии и годы жизни этих защитников Родины. Мы, дети, писали письма родным этих умерших людей, они нам отвечали и мы выполняли все их просьбы.

На этом кладбище есть действующая церковь, и батюшка в дни поминовения служит здесь панихиду. Все проходят этот памятник и каждый что-то положит и поклонится. Шефствует над памятником школа № 4.

На нашей земле были разгромлены монголо-татары. Эти захватчики пройдя и обложив большую территорию Руси данью, дошли до реки Пьяны и обосновали здесь лагерь.

Было собрано русское войско на борьбу с этими захватчиками. Это войско стояло в 2-х км от монголов, и в августе 1248 года завязалась битва, в которой монголо-татары были разбиты, небольшая их группа на плотках перебралась на другой берег реки и с позором отступила, бросив своих убитых незахороненными. Русское войско своих убитых захоронило на месте своей стоянки, а раненых выводило. Врагов захоронило на месте их гибели и до сих пор в лесу на месте захоронения заметны холмики. Здесь каждый год в августе отмечают свой праздник железнодорожники.

Место, где захоронены были убитые русские, стали называть Кладбищами, и это название существовало до 1947 года. Это было большое богатое село с трудолюбивым населением. Большинство жителей работали на станции в Сергаче. Село утопало в садах. Торговали яблоками у поездов, зимой валяли валенки.

В военные годы мужчины имели бронь и всю войну провели на колёсах, доезжая до фронта. Много их погибло на месте работы во время бомбежек.

В этом колхозе был председатель Гусев Василий Иванович. За свои боевые подвиги на фронте он получил

звание Героя Советского Союза. Он вернулся раненым с фронта и вновь возглавил колхоз, но в начале 1947 года он умер, и по просьбе жителей село Кладбищи было переименовано в Гусево. В 1956 году это село вошло в состав города Сергач и стало его микрорайоном. У нас на сергачской земле 13 Героев Советского Союза. Портреты этих героев находятся около памятника погибшим в годы войны. Директор нашей десятилетки Ермолаев Владимир Алексеевич тоже был Героем Советского Союза.

В моем городе Сергаче функционирует сахарный завод, который занимает первое место по мощности, дрожжевой завод. Дрожжи идут на импорт. Есть также швейная фабрика и скотооткормочный совхоз. В городе 6 средних школ, 8 детских садов, начальная школа и детский дом. Имеется своё телевидение, районная газета «Сергачский вестник», местное радиовещание, музыкальная школа, цирковая студия, плавательный бассейн с сауной, физкультурный зал, больничный городок, собор и три действующие церкви. Есть профессионально-техническое училище, где готовят кадры для наших предприятий, есть филиалы технических институтов г. Нижнего Новгорода и Арзамаса. Население города около 50 тысяч человек.

У меня каждый уголок этого города имеет свое воспоминание. Рынок напоминает, как мы в войну по воскресеньям ходили и просили у продавцов оберточной бумаги, чтобы сшить из неё тетради, а после рынка по 2-3 раза ходили в лес за хворостом. Зимой ездили за ним с санками, а лесники по следам на снегу определяли наше нахождение и отбирали у нас и санки, и топор со словами, что семья врага народа не имеет права пользоваться народным богатством. И мама вынуждена была вечером идти к ним с бутылкой водки, чтоб вернули топор и санки. Водку было трудно достать и она стоила очень дорого, а без неё они ничего не возвращали.

Придя из леса, занимали многокилометровую очередь за соленой водой. Из одного из холмов на станции текла тоненькой струйкой солёная вода. Очереди были 3-4 км. Бабушка набирала два ведра и несла их на коромысле, брат носил две четверти по 3 литра в мешке на спине, а я одну четверть. В русской печке вода испарялась и на дне оставалась соль желтого цвета. В войну многие ели без соли, а мы иногда меняли её на овощи. А вечером занимали очередь за хлебом. Я дежурила до 10 часов, ночь стояла бабушка, а утром она приходила домой, чтоб истопить печь и приготовить завтрак, а в очередь вставал брат.

В 1941 году у бабушки стали отбирать дом в селе Кузьминке, т. к. земля принадлежала колхозу, а мы никто в нем не работали, только жили летом, как на даче. Дом мы вынуждены были продать, деньги положили на сберкнижку, а через неделю началась война. Дом продали за 4000 рублей, это были очень большие деньги, а в войну с книжки можно было получить по 200 рублей в месяц. Это стоимость одного ведра картошки. И на свой дом мы купили 20 ведер картошки. Он нас спас от голодной смерти.

Блокадные дети

В середине августа 1944 года в городе Сергаче Горьковской области почувствовалось какое-то оживление и до нас дошёл слух, что в город везут детей из блокадного Ленинграда.

Я жила недалеко от ресторана и из окна квартиры было видно, как намывают не только в здании, но и стены здания снаружи, и даже асфальт около здания. Всё промывали обеззараживающим составом. Детей должны были отправить в детские дома Мокрого Майдана в 8 км от Сергача и в Толбу в 20 км от города.

Из этих колхозов на встречу блокадников выехало около 20 подвод, украшенных лентами и цветами, а на дугах первых подвод висели колокольчики. Женщины — возницы были нарядно одетыми и с песнями под гармошку весело ехали на станцию. Детей должны были накормить в нашем ресторане. Мы с нетерпением стали ждать гостей. Ждали очень долго, и, наконец увидели, как с горы спускались тихо, медленно лошади, везомые женщинами под уздцы. Колокольчики уже были отвязаны. Когда они приблизились к ресторану, то все увидели, что женщины-возницы плачут навзрыд. На повозках лежали «живые трупы».

Нас, детей, попросили носить с телег траву и укладывать её на асфальт вдоль стен здания. Сопровождающие блокадников осторожно брали детей на руки, а те кричали от боли и от неосторожного прикосновения к ним. Их укладывали на траву, некоторые могли сидеть, прижавшись к стене, а других укладывали, положив под голову ещё побольше травы.

Это была жуткая картина. «Трупы» лежали с глубоко впавшими глазницами, совершенно безучастными, безжизненными глазами. Это были скелеты, обтянутые желтой морщинистой кожей. Директор ресторана поприветствовал прибывших и стал давать им по шоколадной конфете. Он клал им лакомство в ладонку и сжимал пальцы, чтоб конфета не упала, но они даже удержать её не могли, она всё равно падала.

Видя всё это, плакали все; даже парни-подростки, которые считали себя уже взрослыми, и те не скрывали слез. Каждому хотелось что-то сделать для детей. Присутствующие стали приносить кто что мог. Моя бабушка принесла кринку молока (у нас уже была корова вырастили из новорожденного телёнка). Стали наливать в стаканы и пытались поить детей.

Тогда работники встали стеной около детей и умоляли не делать этого, иначе дети умрут, и так уже многих потеряли во

время пути.

У меня была очень красивая кукла, я её принесла и стала отдавать блокадникам, но на мой добрый порыв был отказ, т. к. куклу нужно было продезинфицировать и одну на всех не дарят. Для них ничего не было жалко. Детей по пять человек уносили в здание, там кормили, приносили обратно, брали других и дали им всем возможность отдохнуть. На них падало солнце и люди вставали так, чтобы солнце не палило их выбритые головы.

Среди привезенных была и Таня Савичева. Блокадникам было уделено большое внимание. Колхозы должны были доставлять парное молоко, мясо. Выделялось большое количество продуктов, чтобы поднять всех на ноги. Никто у нас не умер.

У Тани Савичевой был болен желудочно-кишечный тракт и её отправили в г. Шатки недалеко от Сергача, где был санаторий. Полтора года она жила там, но вылечить её не смогли. Она захоронена в Шатках. На её могилке стоит железный памятник с большой красной звездой наверху. И надпись: «Здесь захоронена блокадница Таня Савичева» и годы её рождения и смерти. Впоследствии железный памятник заменили на мраморный. Над могилой шефствует школа, да и сами жители Шатков не проходят мимо, приносят цветы, убирают. Я дважды возила своих учеников на эту могилку.

В Сергаче бездетные семьи удочерили шесть девочек. Они попали в хорошие зажиточные семьи железнодорожников. Трое получили высшее образование. Особо хочется отметить Селезневу Нину Михайловну(фамилия по мужу), которая работала русоведом в железнодорожной школе. У неё два прекрасных сына, муж железнодорожник, и сыновья стали машинистами на железной дороге. Нина Михайловна писала прекрасные стихи. Особенно любила

природу и могла это очень красиво описать. Был выпущен сборник её стихов, который помогло выпустить железнодорожное депо. Она очень часто читала свои стихи и по радио, и на вечерах. Лет пять тому назад её не стало.

Многим воспитанникам работники нашли родственников и до сих пор многие из них приезжают к нам в Сергач, чтобы навестить место своего второго рождения.

Оставшиеся жить в Сергаче до сих пор ощущают на себе теплоту и внимание.

Я прожила в Сергаче 72 года, по профессии я учитель-историк. В окрестностях Сергача немало достопримечательностей. По южной дороге, в 34 км, находится Болдино, связанное с пребыванием нашего великого поэта А.С.Пушкина. Мы ездили туда каждый год на экскурсию.

А на северной дороге, в 42 км от Сергача находится родовое поместье Модеста Мусоргского, который там написал многие свои оперы и замечательную музыку.

О моей родословной.

Воспоминания о пережитом в годы войны, навевали мне мысли о прошлом моей семьи и память стала воскрешать и то, чему я была свидетелем и что знаю по рассказам своих родных: бабушки, мамы, отца...

По маминой линии я из богатой купеческой семьи. У её прадеда Каплина Петра Сергеевича по Волге ходили 3 пассажирских парохода. Один из них тянул баржу, на которой перевозился груз. На юг возили зерно, пеньку, смолу, а с юга везли арбузы, дыни. У заморских купцов покупались ткани, картины, посуда. В семье часто вспоминали случай с одним из китайских купцов: была совершена сделка, но по какой-то причине мой прапрадед не смог отдать всё сполна, и только по прошествии трёх лет купцы снова встретились. Мой прапрадед

узнал китайца, подошёл к нему и попросил забрать недоимки трёхлетней давности, китаец был очень удивлён (он даже не узнал прапрадеда) и жена этого китайца за честность, от себя подарила чайный фаянсовый сервиз, веер и зонт. Никаких документов в то время не оформлялось, только честное купеческое слово.

Ермакова Римма в роли метели на елке 1 января 1938.

Мои родичи были всегда честными и порядочными людьми, об этом говорит такой отрезок жизни отца моей бабушки, Каплина Даниила Петровича. Ему очень не везло в личной жизни. Он был женат четыре раза и имел 14 детей, но своих родных только 6. Все его жёны умирали родами. От первого брака осталось четыре ребёнка и он долго не женился, но потом, по совету своей матери, обзавёлся новой семьёй. Ему

очень хотелось, чтобы дети были счастливы с мачехой и потому выбирал вдовушек из бедных семей со своими детьми. И сразу в церковной книге записей он усыновлял и приёмных детей. Но все четыре жены умирали родами и дед никого из приёмных детей не отдал в свои семьи, а, наоборот, даже родственников приёмшей приветливо встречал, угощал и наделял подарками. В семье у детей было по 3-4 одинаковых имени. После смерти четвертой жены он больше не женился и старшие дети помогали воспитывать младших. Всех женил, выдал замуж и каждому дал приданое. Всем сыновьям и родным, и приёмным построил дома и давал корову и лошадь.

Дочерей выдавал в богатые семьи с большим приданым.

Моя бабушка была выдана в село Кузьминку в очень богатую семью, где была маслобойня, шерстобойня, ветряная мельница и большое количество скота: несколько коров, овец, свиней, кур, гусей, индюшек, уток. Было несколько жеребцов с выездными и праздничными колясками, много техники: плуги, сеялка, веялка, соломорезка и др. Никакой наёмной рабочей силы не было, старались управляться сами.

Семья Ермаковых, 1935 год.

Мой дед Костин Григорий Петрович был единственным сыном в семье и поэтому всё унаследовано было им, но его жизнь была очень короткой. В 1914 году он был взят на войну с Германией, попал в плен и ему долго пришлось работать в шахтах, где он заболел туберкулёзом и был отправлен домой в Россию. Для семьи это было неожиданностью, т.к. его считали убитым, поскольку от него никогда не было вестей. Вскоре он умирает, в день его похорон умирают его отец и младшая сестра. Другая его сестра была уже замужем в селе Ключево.

Всё хозяйство переходит моей бабушке Марии

Даниловне — дом деревянный в 6 окон, на двух соединенных кладовых с пристройкой и всё движимое и недвижимое имущество. Теперь бабушке пришлось вести хозяйство по-новому. Она никому не отказывала в использовании техники и всё это делалось так: сколько сбивал шерсти или масла просящий, столько он должен был сделать и бабушке. Приходили за жеребцами и плугом. Сколько вспахал себе, столько и бабушке. Только на мельнице работал дедушкин двоюродный брат. Ему в детстве на ногу наступила лошадь и у него была деревянная нога. Он следил за работой мельницы, а всю другую работу выполнял пришедший молоть. Также помогали бабушке и с маслом, и с зерном, а иногда плата была зерном. И если у кого не было скота, то они отдавали нам отруби. Бабушку очень уважали, относились к ней с почтением и были все очень довольны.

Обид никаких не было и, когда ломалась техника, то бабушка сама покупала детали и кто-то из умельцев ремонтировал. Только однажды была жалоба на мельника, что он стал брать с людей муку. Бабушка заставила его всенародно извиниться перед обиженными и дать слово, что больше такого не повторится, а иначе она его выгонит с мельницы. У нас было много земли, за домом огромный сад, за садом поле, где сеяли пшеницу или просо или гречку, а дальше стоял овин, где молотили зерно и хранили корм для скота. Через дорогу был огород, где вначале сажали картофель, потом кормовую свеклу и начинался бахчевник — огурцы, помидоры, сахарная свекла — всё это сажалось в самом конце, потому что недалеко текла большая речка, из которой и поливали, и мыли зерно перед помолом.

У нас было много ценных вещей: 8 картин(подлинников Репина, Сурикова, Иванова) в больших позолоченных рамах, 18 книг «Жития святых» в кожаных переплётках и в серебре, с серебряными замками. Серебро было украшено позолотой.

Каждая страница была рукописная, красная строка начиналась с рисунка разноцветными красками, цифры были в витых рамочках и вся страница в цветах. Нам с братом всегда хотелось посмотреть на книги, но папа только мог нам показать их. Была целая библиотека сочинений Короленко, Горького, Чехова, Пушкина, Лермонтова, Толстого, Тютчева, Мопассана и других.

Была красивая посуда: два чайных сервиза из фаянса, через них можно было смотреть как через стекло.

Однажды подъехали две подводы и загрузили на них наше добро. Но милиционеры не знали ценности книг, им нужно было только серебро и они выдирали листы из книг, рвали их и топтали ногами. Были вывезены все папины вещи, остались случайно серебряные карманные часы и большие настенные часы с боем. Из всего бабушкиного богатства сохранилась только музыкальная шкатулка из красного дерева и прозрачный фаянсовый бокал. Я бережно храню их до сих пор. Музыкальная шкатулка исполняет 8 песен. Она была приобретена ещё моим прапрадедом, когда он плавал по Волге. Помню и ещё сохранившиеся бабушкины вещи. У неё был изумительной красоты большой музыкальный сундук. Когда его открывали, замок играл чудесную музыку всё время, пока сундук был открыт. Бабушка была очень высокая и носила сарафаны до пола. У неё в сундуке лежали красивейшие платки, шали шерстяные с узорами, зимой их накидывали на одежду для красоты и тепла. Из одной шали мне сшили пальто, а другими пользовались, как пледом. В одну шаль заворачивали меня, когда нас с братом выбрасывали на мороз на улицу. Сарафаны были в ширину ткани — шерстяные, шёлковые, сатиновые. После из них шили мама и её сестра себе и мне платья. Несколько платков хранятся у меня до сих пор.

Для нас началась жизнь, как в концлагере. Одному из

милиционером нужна была наша квартира, его терзала мысль, что семья «врага народа» живёт в коммунальной квартире, а он (по сути безграмотный мужлан) в частном доме. И каждый вечер, начиная с 12 часов до двух ночи, милиционер со своим другом приходили к нам, нас с братом, сонных, брали за ноги и выбрасывали на улицу в снег, на мороз. А мама с бабушкой ползли на коленях за ними и умоляли не трогать детей. «Делайте с нами, что хотите, только пожалейте детей!» - а в ответ на это костоломы пинали их в лицо, у мамы и бабушки были выбиты передние зубы и лица были чёрные от ударов. Наши детские организмы не выдержали. Сначала корью заболел брат, потом я; и однажды бабушка с лаской в голосе пустила этих костоломов и с вопросом есть ли у них дети завела в комнату. Брат лежал на кровати, а я на полу, с высокой температурой, оба в сыпи. И бабушка пожелала им, чтоб они нашу болезнь перенесли своим детям. А перед этим главврач дал маме справку, что мы серьёзно больны и нас нельзя трогать и отнёс эту справку в милицию. Его жена навещала нас каждый день. И за это они поплатились, как защитники семьи «врагов народа». Их объявили неблагонадёжными и врача тоже арестовали. Спасти его помог счастливый случай.

У нас председателя татарского колхоза Саберова Мустафу Саберовича избрали депутатом Верховного Совета, а его другом был знаменитый лётчик Валерий Чкалов, и однажды Чкалов приехал в гости. За ним была послана лошадь с двумя тулупами, с полной коляской сена. Когда со станции Чкалова привезли к собору, то множество людей ожидали увидеть легендарного лётчика-испытателя. Как сейчас вижу этого человека: высокий, широкоплечий, в длинном чёрном кожаном пальто на меху. На голове меховой шлем, меховые перчатки с высокими крабами. На ногах меховые унты на толстой подошве. Он тут же снял шлем и поклонился людям на все четыре стороны, а затем начал рассказ о своей жизни и о

перспективах на будущее. Мы с братом стояли отдельно от большой ватаги детей, с нами дружить не разрешали. Было очень холодно. Дети толкали друг друга, двигались, а мы стояли в сторонке, боясь привлечь к себе внимание. Чкалов долго наблюдал за нами, а потом подошёл, взял меня на руки и посадил к себе на левое плечо, шепнув, чтобы я держалась за его голову обеими руками, чтоб они согрелись. Я, гордая, сидела у него на плече. Он вытянул правую руку вперёд и произнёс: «Вот наше будущее, указывая на детей-которое ждёт прекрасная жизнь!» Председатель колхоза, депутат Верховного Совета, попросил Чкалова похлопотать за главного врача, Саар Александра Августовича. Чкалов съездил в Москву, добился встречи с Михаилом Ивановичем Калинин, который вёл все дела в государстве, и Саара освободили.

Папа сидел в Кировском вятлаге. Работал бухгалтером на лесоповале и за хорошую работу ему дважды по полгода скашивали срок. У меня есть об этом документы. Он сидел не 10 лет, а 9.

Хотя с нами никто не общался, иногда мы сами устраивали себе праздник. У нас в семье все пели. Мама играла на гитаре, брат на балалайке. Пели романсы, а я любила плясать. Бабушка Мария Даниловна была зрителем. Наша кошка ждала, когда поставят стул и для неё, тотчас садилась на него и внимательно наблюдала за происходящим. Такие у нас были маленькие радости.

Началась война. Общее горе сблизило людей. К нам стали ходить, общаться.

Потом на продукты появились карточки. На карточку давали сахару, соли, мыло, растительного масла, но в очень маленьком количестве. Жили впроголодь, всё время хотелось есть. Из положенья выходили кто как мог. И учились, и работали, сами обеспечивали себя необходимым. У мамы были золотые руки, она хорошо шила и для людей, и перешивала

наши вещи, особенно из бабушкиных запасов. Некоторые вещи бабушка продавала на рынке и покупала продукты, обувь и одежду.

В 1946 году вернулся отец. Приехал больной, у него на теле остались следы пыток. На голове впадина от удара (был проломлен череп), на спине остались две нерассосавшиеся выпуклости от избиения нагайкой, была такая плётка с гайкой на конце. А ногти были все в рубцах от иголок, которые вбивали под ногти. Брат в этот год закончил с отличием среднюю школу и сдал «на отлично» вступительные экзамены в политехнический институт. Но он считался сыном врага народа и чтобы его взяли на учёбу нужно было отказаться от отца. Брат не соглашался. Тогда мама вынуждена была развестись с папой, только после этого брат стал студентом. Политехнический институт брат закончил с «красным» дипломом, а потом ещё и сельскохозяйственный институт, тоже с отличием. В 1948 году вышел указ о реабилитации отца и я без труда поступила на исторический факультет педагогического института, который успешно закончила.

Моё высшее «выстраданное» образование»

Моим детским заветным желанием было стать зубным протезистом. Но жизнь распорядилась по-своему. Когда я закончила школу, брат уже учился в г. Горьком. Двоих содержать в большом городе мама уже не могла, и я стала поступать в Арзамасский педагогический институт. Несмотря на трудные послевоенные годы, тяга у людей к знаниям была велика. Конкурс на поступление в институт был 13 человек на место. С большим нетерпением мы ждали конца августа, чтоб узнать результат. И 28 августа пришёл долгожданный вызов на учёбу. При институте было общежитие, но меня туда не взяли — я дитя врага народа. Жила на частной квартире за 100 рублей в месяц, поэтому училась на домашних харчах. Каждую неделю

ездила домой.

Из Сергача училось в Арзамасе 5 человек. Трое в институте и двое в сельхозтехникуме. И мы или на подножках вагонов или на крыше два часа ехали до места назначения.

Милиционеры и проводники внимательно следили за тем, чтоб никто не смел прицепляться к поезду, и мы на ходу, когда поезд уже отходил, запрыгивали, и, счастливые, ехали домой.

Были и сердобольные проводницы, которые тайно пропускали нас в тамбур и закрывали его ключом и просили, чтобы мы не шумели, и никто не узнал, что едут «зайцы». Паровозы ездили на каменном угле, и, когда ветер был по ходу поезда, мы приезжали все в копоты и грязи.

До Сергача поезд останавливался только на двух станциях и стоял по 1 минуте. И на первой же остановке мы садились все вместе. Нас, двух девочек, сажали в середине, а мальчики по бокам и один на ступеньку ниже. Когда ехали на крыше, то держались за вытяжную трубу, ехали лёжа, чтоб никто не видел нас. Так же возвращались в воскресенье в институт.

На середине пути между Арзамасом и Сергачём, была станция Перевоз, где находился техникум механизаторов. Там сидилось ещё 12 «зайцев», некоторые ехали дальше Сергача.

На нас однажды в Сергаче была устроена милицейская облава. У каждого вагона стояло по милиционеру и они, взяв нас как преступников, за воротники пальто, привели в милицию.

Отобрали у нас студенческие билеты, в которых были записаны все данные и передали дело на нас в народный суд. Через десять дней после поимки к нам пришла секретарь нарсуда и подала повестку в суд. Под строгим секретом, «по бартеру», был заключён договор. Мама хорошо шила, и она

должна должна была сшить 4 платья бесплатно, а секретарь должна отправить документ, что я здесь не проживаю. Иначе- штраф, который составлял 200 рублей, а это были очень большие деньги.

Из дома я везла продукты на всю неделю. А это была круглая подовая буханка хлеба, который пекли сами и 200 грамм сливочного масла. Как готовили подовый хлеб? Кочергой угли отодвигали по углам и по стенкам. Делали из мочала кисти, приделывали к деревянной палке, мочили в ведре с чистой водой. Мыли кирпичи пода этой мочалкой, чтобы не было золы. А потом с деревянной лопаты забрасывали сформованные буханки в печку. Печку закрывали железной заслонкой с ручкой, через несколько минут нужно было смотреть, как подрумяниваются хлеба, и, если бледные, то горячие угли из углов и сторон начинали пододвигать ближе к тесту. Если сильно зажаривались, угли опять отодвигали. Печься хлеб должен был 40 минут.

Сливочное масло продавали на рынке фунтами, то есть по 400 грамм. Купив этот кусок масла, разрезали его пополам. Мне отдавали 200 грамм и себе с бабушкой оставляли столько же. Продуктовые карточки были отменены, всё покупали на рынке. Ещё мама мне давала на неделю 10 рублей. Это на тетради, чернила и один раз в неделю можно было сходить в кино. При институте была столовая, обеды были дешёвые, но и это многим было не по карману. Я обедала только 4 раза в столовой за всё время учёбы, но в столовую ходила каждый день. Там на столах всегда стояла тарелка с горкой нарезанного хлеба, соль и горчица. Всё это было бесплатно. Работники роптали, но не выгоняли нас. И я горчицы наелась на всю жизнь.

И вот я столько выдержала, все трудности, страдания и лишения, закончила институт и 40 лет проработала с детьми, которых я любила и люблю до сих пор.

В Сергаче в краеведческом музее в одном из залов оформлен стенд о репрессированных с их портретами и краткой автобиографией и кем стали их дети. В 1957 году через областную газету был сделан призыв для сбора денег на стеллу в Москве в память о репрессированных. Я перечислила половину своей зарплаты. Иногда наше телевидение показывает, как Путин В.В. возлагает цветы к этой стелле.

За свою трудовую деятельность я получила много почётных грамот, благодарностей и наград. Особенно горжусь медалями: «За доблестный труд в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1970год), «Ветеран труда»(1983 год), «За доблестный самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны 1941-1945гг» и другие, всего 8 наград. Уже здесь, в Форносово, я получила два благодарственных письма от депутата Законодательного Собрания Ленинградской области К.В. Острикова за активную общественную работу в ветеранской организации.

За свою педагогическую деятельность я выпустила сотни грамотных, образованных людей. Есть учёные и врачи, педагоги. Мои ученики занимали ответственные посты – мэры города, директора(сахарного завода, швейной фабрики, лампового завода). Я всегда гордилась и горжусь своими учениками. Они оставляют о себе хорошую память. Например, Дудоров Вениамин Иванович – председатель райисполкома, директор сахарного завода, директор совхоза, Радаев Анатолий Григорьевич- мэр города, председатель колхоза. Они восстановили разрушенную церковь в своём микрорайоне Ключево. У своих учеников я старалась воспитать любовь к Родине, к историческим памятникам и к своим предкам.

У меня было два мужа. С первым мужем мы вместе учились в школе. Поженились, когда нам было по 21 году, на

*С первым мужем Паракиным Анатолием Сергеевичем,
1952 год.*

последнем курсе учебных заведений. Он закончил Саратовское высшее военное училище КГБ и был направлен на службу в Германию. Вскоре он умер и я осталась с маленькой дочкой на руках. По окончании пединститута она уехала в Ленинград, вышла замуж, родила двоих дочерей получила квартиру, работала в Эрмитаже. В 2010 году её не стало.

Второй мой муж тоже имел высшее образование. В 1941 году он закончил школу, 21 июня на выпускном вечере получил аттестат зрелости. А на следующее утро услышал страшное сообщение о начале войны. Через неделю он добровольцем ушёл на фронт. Закончил танковое училище и до конца войны был на фронте. Имел много наград, медали «За мужество», «За освобождение Венгрии», Болгарии, дошёл до Берлина. Служил в армии до 1947 года.

Потом работал первым секретарём райкома партии, председателем райисполкома, был председателем колхоза, который организовал ещё мой папа. И колхозники до сих пор пользовались нашей шерстобойней. Когда вышло постановление правительства о денежной компенсации за отобранное имущество, я ему высказала своё желание получить хоть сколько-нибудь денег за наше имущество, он с ухмылкой произнёс: «Хм, шерстобойня, какой-то амбарчик».

Я, в сердцах, ударила кулаком по столу со словами: «А ты, коммунист, бывший преседатель колхоза ничего не построил, а пользовался нашим амбарчиком!» Он тогда извинился, но мне посоветовал беречь своё здоровье и не поднимать этот вопрос. Его не стало в 1999 году.

Моя жизнь в Форносово

В марте 2002 года волею судьбы я оказалась в посёлке Форносово. У меня родственников в Сергаче никого не осталось. Дочь проживала в городе Санкт-Петербурге. Старшая внучка Евгения после окончания С-Петербургского юридического университета работала в Форносовской исправительной колонии и я, поменяв свою квартиру в Сергаче на однокомнатную квартиру в Форносово, в возрасте 72 лет поселилась здесь.

Первое моё впечатление от посёлка рождало вопрос : «за какие грехи я попала в эту ссылку?» После уютного, благоустроенного Сергача, посёлок показался мне удручающим: разбитые дороги, накренившиеся столбы электропередач, заполненные мусором канавы.

Отопительные батареи часто бывали еле-еле теплыми, а порой отопление совсем отключали.

На Круговой улице нет тротуара для пешеходов и ходить можно было только по проезжей части, а если едет машина,

может окатить грязью с головы до ног. Было и хорошее — баня и радиовещание, под гимн которого засыпали и утром просыпались. Свой мусор хранили в квартире и только два раза в неделю — понедельник и пятницу в 6 часов вечера приезжала за ним машина и надо ещё было успеть забросить на неё мешок. А опоздаешь- неси обратно в квартиру. Но было и положительное : в то время хорошо убирались подъезды, лестничные площадки подметали и регулярно мыли.

Первое время я чувствовала себя очень неудобно, и если бы не поддержка Журавлёвой Галины Павловны, Фёдоровой Нелли Ивановны, Гончарик Наталии Викторовны, я не смогла бы здесь привыкнуть. По прошествии нескольких лет начались в Форносово преобразования.

Поставили новые бетонированные столбы для уличного освещения, провели природный газ (вместо привозного сжиженного, от ёмкостей с ним всегда доносился сильный запах газа).

Установили две новые газовые модульные котельные, в квартирах стало тепло и горячая вода постоянная, а раньше на лето её совсем отключали. Но не стало бани и радиовещания.

До посёлка стали ездить маршрутные такси, дороги стали асфальтироваться, появились предупредительные знаки, ограничивающие скорость машин в посёлке, «лежащие полицейские» а через канавы построили железные мостики с перилами. Руководители нашего посёлка Фёдорова Н.И. и Попов М.М. учитывают все пожелания жителей, много делают для благоустройства. В районе Советской улицы через реку Хейна существовал небольшой мостик, который весной и во время дождливого лета затапливался, пешеходы вынуждены были ходить вкруговую. Недавно построен высокий, длинный мост, гораздо более удобный для перехода через речку. Появились новые магазины: «Пятёрочка», а наверху строительных товаров, детских товаров, где можно дать заявку

на приобретение нужной вещи. А самым большим достоинством и украшением нашего посёлка являются нарядные и удобные, со скамейками для отдыха мам и бабушек, детские площадки. Их много и расположены они в нужных местах. Зимой заливается каток, где катаются не только дети, но и взрослые. Если долго не бываешь в центре посёлка, то обязательно увидишь что-то новое в благоустройстве. Теперь есть, где отдохнуть и встретиться со знакомыми. Откликаются на участие в благоустройстве придомовых территорий и жители — посёлок утопает в цветах, между домами ведётся соревнование, чей подъезд лучше выглядит и где больше клумб и различных цветов.

Хочется отметить хорошую работу дома культуры во главе с директором Зуевым Виктором Владимировичем. Появилось много кружков для взрослых и детей, приглашаются творческие группы из других мест, проводятся концерты и праздники.

Большую помощь в проведении культурного досуга оказывает Ганжара Галина Александровна. Она организует поездки на автобусе в театры, по историческим местам Санкт-Петербурга и Ленинградской области, с посещением монастырей и церквей.

Большое внимание уделяется нам, людям старшего поколения. Советом ветеранов проводятся встречи в новогодние праздники и в марте, приуроченные к международному женскому дню. Администрация посёлка организует праздник, посвящённый Дню пожилого человека. Все праздники проводятся с угощением и развлекательной программой. Сивова Антонина Федоровна, в бытность председателем Совета ветеранов организовывала много бесплатных экскурсий в исторические места нашего района и области: Тосненский историко-краеведческий музей, в усадьбу Марьино, в Лисино-Корпус и другие. С любой просьбой можно

было обратиться к Антонине Фёдоровне и она, не считаясь со своим временем, старалась помочь. Лично мне она в соцзащите г. Тосно оформила удостоверение вдовы участника Великой Отечественной войны и я ей очень благодарна за это. И в настоящее время она нам, одиноко проживающим людям, старается сделать что-нибудь приятное.

Внуки и правнуки Риммы Михайловны.

Хорошо работает наша поселковая библиотека, в которой трудятся Ермоленко Татьяна Симоновна и Львова Елена Николаевна. Проводятся литературно-музыкальные вечера, встречи с интересными людьми, организуются различные выставки. Мы, пожилые люди, участвуем в проекте «Война.Победа.Память» Тосненской районной библиотеки, в который включены и две библиотеки района- Форносовская и Фёдоровская. Надолго запомнилась нам автобусная поездка в С-Петербург с посещением дворца князей Юсуповых. Благодаря благотворительному фонду «Память, ответственность и будущее», для нас, людей связанных с военным лихолетьем, она была бесплатной, экскурсоводы

были очень знающие и внимательные к нам, а после мы были приглашены на обед в ресторан «Чайковский». Спасибо волонтерам, которые не оставляли вниманием никого из нас, а ездило от Форносово 17 человек.

Наш посёлок хорошеет, расцветает, а в хорошей обстановке появляется и больше хороших, внимательных людей, которые стараются на доброту ответить порядочностью и добротой.

Я желаю удачи нашим руководителям посёлка в осуществлении задуманных новшеств на благо посёлка, который мне с каждым годом становится всё ближе и дороже.

А в заключение мне хочется написать слова благодарности людям, сделавшим мне немало хорошего. Я очень счастлива, что меня окружают добрые, внимательные люди.

Приехала я почти слепая, и моим поводырем была соседка, Шапкина Тамара Михайловна, которая меня везде водила и всё покупала. Я не волнуюсь ни за себя, ни за квартиру, когда на скорой помощи меня увозят в больницу. Супруги Тимош Валентина Алексеевна и Виталий Гаврилович и отправят меня, и последят за квартирой. Большую помощь мне оказывает заведующая аптекой Кузнецова Светлана Леонидовна и её супруг Василий Васильевич. Сделал замки на дверях, мостик с перилами к огороду. Когда я сломала руку, Светлана Леонидовна принесла мумиё, чтобы кость лучше срасталась. А Любовь Васильевна Самбор приносила мне еду; Николай Михайлович, её муж, не раз возил меня в различные организации для оформления документов. Большую помощь мне оказывает моя соседка по огороду Раиса Ильинична Макарова — откроет и закроет парники, и польёт грядки и поможет воды принести для полива, и в магазине купит продуктов. Ещё хочется помянуть добрым словом работников магазина «Пятёрочка», особенно Людмилу Лашкову, она всегда

посоветует, что лучше купить, поможет с покупками. Сёстры Панасюк Александра Фёдоровна и Сивова Антонина Фёдоровна часто посещают меня и окружают вниманием.

Не могу умолчать о своих соседях по подъезду и написать им слова благодарности.

Грибники-любители обязательно угостят грибами (супруги Ковалёвы, Лалин), ни в одной моей просьбе не отказывает семья Корпусовых, Двоглазовы помогают в ремонте швейных изделий и часто угощают свежей рыбкой из озера, а дочь Надя возит меня на Казанское кладбище в город Пушкин. В 2011 году у меня сломали дверной замок и обокрали квартиру.

Пришлось поменять дверь на металлическую. Через некоторое время я услышала подозрительное шарканье по двери. Притаилась как мышка, и, когда шорох прекратился, я открыла дверь и даже прослезилась от увиденного: плёнка с двери снята и монтажная пена аккуратно обрезана, всё подметено и мусор собран в пакет, а рядом с довольным видом стоит Саша Чугунов. Он сделал всё это сам, по зову души и отказался от предложенного мной вознаграждения. Я очень признательна всем за доброе, хорошее отношение ко мне.

Можно ещё продолжать и продолжать список этих замечательных, добрых людей, которые помогают и делают мою жизнь в Форносово не такой одинокой, а ведь мне уже 84 года и внимание и поддержка особенно дороги.

Жизнь прожита не зря. Остались внуки, есть правнук. А ещё добрая память моих учеников.

Пожарская Татьяна: «Четыре истории из жизни моей семьи»

Моя мама, Никитина Антонина Алексеевна, приехала в Форносово в 1948 году работать на торфобрикетный завод. Я родилась в 1949 году, как раз в год присвоения Форносову статуса рабочего посёлка.

Я всегда с интересом смотрела и смотрю фильмы о Великой Отечественной войне, о блокаде нашего великого города. Многие члены моей семьи сражались на фронте, были в оккупации и эвакуации. Были и те, кто сражался в партизанских отрядах на Псковщине, были угнаны в Германию.

Вот несколько историй моей семьи.

История первая

Узнала я её уже будучи взрослой, спустя примерно двадцать лет после смерти моего дедушки, а умер он в 1966 году, когда ему был 71 год.

Мой дедушка (отец моей мамы) Павлов Алексей Павлович зимой 1942 года воевал на Ленинградском фронте и, будучи в краткосрочном отпуске, навестил мамину тётку в эти страшные дни блокады. Сам он никогда об этом не рассказывал. Даже мама, его дочь, не знала эту историю. А рассказала её мне сама тётя Шура — Пермякова Александра Давыдовна, родная сестра его жены, погибшей в Гатчине от осколка в голову при первой бомбёжке летом 1941 года, где тогда жила семья моей мамы. Мы никогда не расспрашивали своих родственников о войне. Не любили они вспоминать это лихое время. Слишком каждый набедовался за войну.

Как-то в конце 80-х годов я в очередной раз навещала уже состарившуюся тётю Шуру. Зашёл разговор о дедушке и я призналась ей, что часто вспоминаю и жалею, что его нет с

нами. И тётя Шура вдруг сказала: «А ведь Алексей Павлович мне жизнь спас.» Тут я не выдержала и действительно попросила рассказать мне об этом. Вот её повествование:

«Ну, что рассказывать... Зима лютая, ни воды, ни еды в доме, ни дров. Дома холод почти как на улице. Лежу вся укутанная в одежды и одеяла, только нос торчит, жду смерти. Сил нет даже подняться с постели. Вдруг стук в дверь, и появляется военный. Не сразу узнала кто это.

Стал он тормошить меня, звать по имени. Схватил что-то из мебели, разломал на щепки и затопил буржуйку. Принёс с улицы ведро воды со снегом, поставил на огонь, а потом стал спрашивать, можно ли у кого-то из соседей достать водки или спирту. Я уже стала понемногу приходить в себя, подсказала в какой квартире можно это купить. Тогда Алексей Павлович развязал вещмешок и стал доставать из него продукты — паёк. Зачерпнул из полотняного мешочка мисочкой муку с горкой — и к двери, а я даже испугалась, что так много он собирается отдать за водку. Велела снять горку рукой. Еда была самым важным и дорогим на свете. Он попытался спорить, но я настояла.

Затем заставил выпить принесённую водку, заварил в горячей воде немного муки и стал давать мне эту болтушку понемногу с ложечки, через 10-15 минут. Я хваталась за ложку дрожащими руками, просила дать выпить всё сразу через край, но он не давал мне сделать это. Говорил, что нельзя, иначе я просто умру. И продолжал кормить по 2-3 ложечки через некоторое время. Я помню, как сердилась на него, но он не обращал на это внимания. Потом я уснула, а он сварил кашу. Жиденькую кашу без соли и сахара. Крупы в ней было очень-очень мало, но как вкусна она была, когда мы её ели! И он ушёл, оставив мне все продукты. Вот так ваш дедушка меня спас.

К тому времени от голода умерла моя мама Ксения

Фёдоровна, погиб на фронте муж. Умерла бы и я, если бы не Алексей Павлович.»

Вот такую невероятную историю поведала мне Александра Давыдовна, и я благодарна ей за это, ведь я и мои братья и даже наша мама могли не узнать о ней. Я горжусь своими родными и в дни памяти павших, в день Победы всегда зажигаю свечу и вспоминаю дорогих мне людей.

С комком в горле, со слезами вспоминаю...

История вторая

Трудно и страшно представить мне это лихолетье. Лето 1941 года. Гатчина.

Ночь. Спят дети. Молодая женщина шьёт на машинке. Муж на фронте. О чём думала она, какой была последняя мысль, когда мгновенно пробил ей голову осколок бомбы, сброшенной немецким самолётом? Мгновенно осиротели дети. Их трое. Старшей, Тоне, едва исполнилось 17, Евгению 15, младшему Александру 5 лет. Как в этом хаосе, страхе, отчаянии, да ещё ночью, не сойти с ума?! Бежать! Куда? Как? Прихватили ли они что с собой? Успели одеться как следует, этого я уже не узнаю. Моей мамы (Тони) уже нет в живых. По её рассказам знаю, что бежали вместе с другими беженцами, только подальше от немцев. В страхе, в голоде... Но далеко убежать не смогли, настигли их немцы на Псковщине. Скитались по деревням.

Чем питались? Берёт маленький Саша саночки и обходит деревню по краешку. Где очисток от картошки на саночки положит, где куриных лап и голов, что немцы поотрубади найдёт. Привезёт, а сестра и друзья по несчастью, такие же беженцы, сварят, да и поделят между собой. А однажды — о счастье- лазали мальчишки по чердакам, да и нашли мешок отрубей.

Делили чайной чашкой на всех поровну. Потом, кто кашу варил, кто даже котлеты обваливал в отрубях да жарил. А где в такую годину мяса взяли? Да наши немцев бомбили, лошадь подорвалась, вот мужчины и нарубили конины. А немцы наблюдали, фотографировали, смеялись: русские свиньи лошадей едят! Поскитались от деревни к деревне. То там поночуют, то там поживут.

Однажды Тоню немец окликнул. Подзывает, иди, мол, сюда. Страшно. Подошла, а он за руку, да в дом тащит. А там тычет пальцем в фотографию на стене, которая в рамке была среди множества других. «Это ты», — говорит, а сам радуется, что узнал. Похолодело у Тони внутри — на фотографии она с классом, в первом ряду, с пионерским галстуком на шее.

Антонина, 1939 год, нижний ряд слева (эту фотографию вернул немец).

Видимо, у кого-то из класса родственники в этой деревне жили, так и попала фотография в рамочку на стену

этого дома. Немец благодущный попался : вынул фотографию и Тоне отдал.

Пронесло... А страху-то натерпелась, думала, что конец пришёл, сейчас пристрелит.

Фотографию взяла, за пазуху спрятала, а потом чернилами значок с профилем Ленина, что галстук на шее скреплял замазала, да пожирнее, чтоб наверняка.

Теперь эта фотография у меня в альбоме хранится. Улыбается с неё моя молоденькая мама, до начала войны ещё лет пять, а на шее чернильное пятнышко. Не каждый увидит это пятнышко, только мама знала, как оно появилось на фотографии, да вот теперь и я, её дочь.

Вот как в жизни случилось — бросила дом, все вещи, документы, фотографии, а в чужом краю, в чужой избе, неизвестные люди чуть было невольно не погубили девушку, чья фотография среди других родственников висела в рамочке на стене их дома. Что хочешь, то и думай: судьба или случай?

Сашеньку немцы изловили и в товарном вагоне в Германию отправили. Женька сбежал, каким-то образом до Севастополя добрался, там был юнгой на корабле пока война не кончилась, а затем уже и служить в Советской Армии во флоте там же стал. В общей сложности девять лет в тельняшке да бескозырке проходил! Смотрю на дядьку- молодой, бравый, крепкий, надёжный!

А моя мама сначала прибилась к госпиталю, а потом за знание немецкого взяли её в штаб переводчицей. До Берлина не дошла, но в Германии побывала, нашла брата младшего, да домой привезла. На его счастье в лагерь он не попал, а взяла его в услужение немецкая семья. Относились к нему хорошо. Обут, одет и сыт был. Не все немцы извергами были.

После Победы не сразу, но собралась семья, но уже не в Гатчине, а в Ленинграде. Вот такая история получилась.

История третья

Тоже удивительная, но уже про мою бабушку, вторую жену дедушки, ведь первая жена, Анна Давыдовна погибла от немецкого осколка в самом начале войны.

Бабушка Христина Алексеевна в войну овдовела. Сына, трёхгодовалого Алёшу, эвакуировали с детским садом. Жила она до войны и некоторое время после неё со своей сестрой Анастасией и её семьёй где-то на Театральной площади. Блокаду пробыли в Ленинграде, бедовали вместе. Дедушка мой после войны работал на легковой машине, а гараж находился поблизости к Театральной площади. Чинил он как-то машину известной в то время артистки Софьи Преображенской во дворе дома, где Христинка проживала. Поглядывал да посматривал на неё, пока под машиной лежал, да и надумал позвать её замуж.

Согласилась она, переехала к мужу на Московский проспект. Муж хороший, добрый, непьющий, работающий. Детей у него трое, а болит её душа об Алёшеньке, что с детским садом эвакуировался да и пропал. Стали вдвоём с мужем искать, куда делся — подевался Алёшенька. Запросы всякие подавали, в детские дома писали — нет ответа. А фотография маленького мальчика, стоящего на стульчике, одной ручкой за спинку стула держащегося, уже не годы, а десятилетия стоит на комоде в рамочке под стеклом. Уже и мы, внуки, народились и выросли. И на каникулы из посёлка Форносово к дедушке и бабушке в Ленинград приезжаем. Хорошо относится к нам бабушка Христина, и строга и ласкова. Заботится о нас.

В ванной по очереди намывает так, что кожа скрипит. И вареньем угощает и в кино водит и на демонстрацию. Забывать своего Алёшеньку за заботами о внуках стала... А тут он возьми, да и найдись- объявился сам! Чудо да и только!

Лет так 35-ти приехал парень детдомовский в

Ленинград. Знает, что жил он в детстве в этом городе, а где — ни он, ни его детдомовские воспитатели не знают. Гулял, бродил по городу, что-то в памяти с детства осталось. Вот и набрёл он в центр, на Театральную площадь. Тут-то детская память и откликнулась! В один двор заходит — не то, в другой — не то, но чувствует, что где-то рядом он жил, здесь! Привели его ноги к двери, позвонил. Открывает парню дверь пожилая женщина, а он: «Вы меня не знаете?» Присматривается к нему женщина, а он рассказывает, что жил где-то здесь, что с садиком был эвакуирован, что за Уралом в детском доме воспитывался, работал там-то, а вот теперь решил родных поискать. А женщина и говорит: «Нашёл ты родню, Алёшенька». А Алёшенька по паспорту и не Алёшенька вовсе, а Коля и фамилия не Карцев, а Алексеев, вот и найди его после этого! Повезла его тётка к родной матери... Радости, рассказов было! Вопросов и воспоминаний — море! И самое главное: никто не усомнился, что Коля — это Алексей, ведь показатель правдивости всегда при нём был: особое строение ладоней, ногтей и пальцев — точь в точь, как у матери, один в один! Первое время они всем и демонстрировали свои ладошки!

И такое, оказывается в жизни бывает... Если бы это не в моей семье случилось, усомнилась бы в правдивости этой истории.

Ну вот и к **четвёртой истории** в моей семье подобралась.

И раскрыла я некоторую тайны необычной фамилии, не в смысле её не обычности, а принадлежности к нашему родству и узнала я это совсем недавно, когда уже начала писать свои воспоминания.

Есть испокон веку в нашей большой семье много фамилий. И Ивановы, и Павловы, и Никитины, Пожарская, Бошины, Барановы. У всех этих фамилий есть родовой корень: они принадлежат выходцам из Псковской области, но разных деревень — это Павловы и Давыдовы.

В этой области Струго-Красненского района даже деревня есть Давыдово, названная в честь прадеда Давыда, казнённого белогвардейскими карателями посреди этой деревни за связь с красными партизанами.

*Антонина Алексеевна Павлова с Чепуркиным Иваном
Никифоровичем и Анной Арсентьевной*

А был этот повешенный Давыд родным дедом моей матери Никитиной Антонины Алексеевны, в девичестве Павловой. Убежала жена его в лес с пятерыми малыми ребятушками: Анной (матерью моей мамы и будущей женой моего дедушки Павлова Алексея Павловича), Александрой (той самой тётей Шурой, которую дедушка от смерти в блокаду спас), Марией, Татьяной и Сергеем. От этих детушек и пошли фамилии семьи нашей.

А вот откуда взялась фамилия Чепуркиных никто не знает. Старшее поколение уже ушло, спросить не у кого. Уже и я как- будто в старших оказалась. И решила я разгадать этот ребус-кроссворд. Интересно же! Начала с альбомов со старыми фотографиями. Переворачиваю одну из них, а на обороте датированной 1941 годом надпись: «Иван, знай, что

твои племянники у немцев.» На этой фотографии изображена Анна Арсентьевна Чепуркина.

Антонина Павлова

На другой, где изображена она же, надпись: «На память от сестры Анны сестре Ольге». Стало мне интересно: если племянники это мои мама и дядя, то тётя Оля этой Анне сестрой никак не может приходиться, так как сёстрами с ней считались и мамина тётка, а Ольга её доводится племянницей... Очень странно. И стала я рыться в записных маминых книжках с адресами и фамилиями. Было время, когда мама очень много писала писем, а перед праздниками открытки отправлялись пачками. Звоню по найденному в книжке телефону, слабо надеясь на то, что там ещё живут предполагаемые родственники и, о чудо!, на вопрос эта ли квартира Чепуркиных, мне отвечают: «Да, а кто вы такая?» Как ответить, ведь я думала, что их, как и других наших родных, уже нет в живых. Отвечаю сбивчиво, пока не понимаю, что нужно назвать парольную фамилию- Павлова. И это сработало! Признали! Свои! Но с какой стороны мы родные не знают. Нагло навязываюсь к ним в гости. Мне не терпится, напрашиваюсь прямо на следующий день и получаю положительный ответ. Никогда не замечала за собой такой беспардонной напористости! И ещё одна необыкновенная новость- оказывается, что живём мы более 30 лет в одном районе Петербурга и более того — на одном проспекте, почти напротив друг друга! Вот и не верь после этого в случай!

Полночи не сплю, волнуюсь и строю план разговора, ведь завтра иду к незнакомым людям напрашиваться в родные.

Назавтра покупаю цветы, вооружаюсь четырьмя альбомами с фотографиями и звоню в дверь. Страх уже нет, одно нетерпение и любопытство. Встречают меня пожилые люди 76-77 лет, семейная пара. Раскрываю свои альбомы со старыми фотографиями 1941, 1945, 1951 годов, где сама не знаю, кто на них изображён и когда спросила их кто это, оказалось что это мама и папа, а также она сама, вместе с моей мамой, которую эта женщина знает и помнит, называя сестрой. Странно, так как её мать тоже считала, судя по надписи на фото, тётю Олю, мамину двоюродную сестру, своей сестрой. Как мать и дочь одновременно могут быть сёстрами одного и того же человека?! Спрашиваю, откуда они знают фамилию Павловы и Давыдовы, потому что на фото её родители то с одними, то с другими, то все вместе. Говорит, что не имеет представления. Потом разговор заходит о военном времени. Галина (так зовут хозяйку дома) вспоминает, что в начале лета 1941 года её(3-х с половиной лет) и старшего брата 6-ти лет мать(Анна Арсентьевна) отвозит на лето к родственникам в Псковскую область, оставляет там и уезжает в Ленинград. На свой страх и риск я спрашиваю, в какую именно деревню, ведь обе фамилии из Псковской области, но из разных деревень. Не помнит, не знает. Я отваживаюсь и называю деревню Дворище, которой уже не существует, но знаю, что Павловы из неё. «Да! Да! Да!»- кричит Галина — «Дворище! Дворище!» А кто и кем приходится люди из этой деревни, не знает. Начинает рассказывать о том, что помнит из детства, связанное с войной. Помнит, как все кричали: «немцы, немцы» и видела въезжающих на мотоциклах немцев, а потом и говорит: « А дед Андрей взял Толика (её старшего брата) и уехал на лошади с ним к партизанам, а мы остались. А потом немцы выгоняли всех из домов и мы вместе с Николаем, его

женой и двумя их маленькими дочками жили в шалахах в лесу у озера. Спрашиваю: «Каким Николаем?» Отвечает: «Сыном деда Андрея».

Ага! Вот клубок и развязался! Николай Андреевич — это дядя Коля, племянник моего дедушки, а дочери это Надя и Вера. «Да, да, так их звали, я вспомнила»- говорит Галя- «а дед Андрей удочерил мою маму, когда в 1939 году репрессировали её родителей». Вот и всё, отгадан ребус! Фамилия её мамы была Гончарова, а Чепуркиной она стала после замужества.

Отсюда и звали друг друга сёстрами(и Павловых, и Давыдовых), на самом деле ими не являясь, ведь все были почти одного возраста, все были дружны, хотя прямыми родственниками не являлись. Всё равно родные!

Плохо, что с утратой наших стариков, наше поколение не поддерживает этих связей.

Надо срочно заново родниться, ведь это так здорово- иметь снова большую-большую семью!

Сивова Антонина Фёдоровна: «О том, что считаю важным»

*Памятным утром осенним
В класс я работать пришла,
И средь косичек и чёлок
Счастье своё обрела.*

В посёлок Форносово я приехала в августе 1961 года. Мне было 25 лет, пять лет я уже отработала в сельской школе Ярославской области. Я учительница немецкого языка.

21 января 1964, г. Ленинград.

Здесь, в посёлке, работала моя сестра – учитель математики Сивова(Панасюк) Александра Фёдоровна, одержимый, творческий педагог. Коллектив школы был сильный, дружный. Я

легко вошла в его состав. Приняли меня тепло. Директор школы Кучугурная Вера Александровна, а затем и Гаранькин Григорий Васильевич с большим тактом и вниманием поддерживали все начинания учителей.

В то время классы были большие. В моём воспитательском классе было 36 учеников.

Патриотическому и интернациональному воспитанию уделялось большое внимание.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о том времени.

Мой класс переписывался со школой № 57 г. Ярославля. Ребята рассказывали друг другу о достопримечательностях

своих городов (Ленинград-Ярославль), об учёбе и своих школьных делах. По письмам завязывалась дружба. Мы пригласили ярославцев к нам в гости, и вот 25 девятиклассников приехали к нам на каникулы. Ребята жили в семьях моих воспитанников. Вопрос о питании не вставал. Экскурсии по городу, в Русский музей и Эрмитаж, билеты в театр — всё было заказано заранее и оплачено. А «Голубой огонёк» надолго остался в памяти. Дети обменялись сувенирами, переписка продолжалась. И через много лет мои взрослые «дети» с большой теплотой вспоминают эту встречу.

После этого появилось желание создать в Форносовской школе(тогда она называлась Новолисинской восьмилетней) клуб интернациональной дружбы, сокращённо КИД. В него вошёл весь мой 8а класс и ученики седьмых классов: Адомайтис Женя -его избрали президентом клуба, Соколова Надя -секретарь, Федяева Катя — художник-оформитель . Членами клуба стали: Курявина Надя, Тейн Таня, Титов Витя, Комлев Лёня, Смирнова Наташа, Ежова Наташа, Иванова Валя, Ушанова Нина. «Дети разных народов, мы мечтаю о мире живём» — был наш девиз. Одной из заповедей послужили слова «равнодушию-НЕТ». Слова к гимну клуба написал ученик 6 класса Харитонов Серёжа.

*«Сыны Тегерана, Берлина, Читы,
Боритесь, чтоб были планеты мечты,
И чтоб над землёй прокатился клич-
Мы все за свободу, за счастье народа-
Как нам завещал Ильич,
Мы хотим в мире жить.
Так давайте дружить.
Мы желаем, чтоб не было рабства.
Встаньте, сверстники наши, за братство!»*

Мы решили, что наш КИД будет носить имя немецкого певца-антифашиста Эрнста Буша. На общих заседаниях клуба

мы познакомились с его биографией, слушали его песни.

Затем написали письмо в г.Берлин, Эрнсту Бушу(не зная его адреса), рассказали о себе и обратились с просьбой, чтоб он стал почётным членом нашего интерклуба и дал согласие на присвоение клубу его имени. К нашей всеобщей радости письмо дошло до адресата и пришёл ответ с его согласием. Он прислал книгу- биографию с автографом и фото. И так наш клуб стал называться «КИД имени Эрнста Буша».

Чем мы занимались в КИДе? Вот основные направления.

Переписка с друзьями из ГДР, Польши, Чехословакии индивидуально и целыми классами. Выпуск стендов «У наших друзей» (по материалам переписки).

Коллекционирование значков и марок. У Вали Шаталова, Вити Демидова, Саши Сырникова, Олега Никитина было собрано по 400-800 марок. Олег Никитин участвовал в конкурсе «На лучшую марку Чехословакии» и получил из Праги интересный приз. Коллекционеры узнавали об истории возникновения марок и значков, подробно об их содержании.

О своих новинках докладывали на очередном заседании в своей секции. К дням красного календаря делали выставки своих коллекций, экспозиции с аннотациями.

Переводчики. Выпускали постоянно газету «Freundschaft-Дружба» на немецком языке, бюллетени, стенды. В газете была рубрика «Это интересно знать всем» на русском языке. Эту рубрику вели члены секций «У карты мира» и «Коллекционирование». Переводчики работали над переводами немецких газет, книг, помогали переводить письма тем, кто затрудняется в этом.

В секции «**У карты мира**» ребята проводили политинформации по текущим событиям и заочные путешествия по городам, с которыми шла переписка в «Малом клубе любознательных».

Члены секции «Медвежонок» готовили сувениры для друзей, делали чудесные выставки мягких игрушек из меха, фетра, ткани на сюжеты сказок, например: «Кот в сапогах», «Бременские музыканты».

Секции собирались один раз в две недели, общий сбор КИДа один раз в месяц. В правление КИДа кроме президента, секретаря, художника-оформителя входили руководители из старших секций. Правление отвечало за всю работу клуба, собиралось 1 раз в неделю на планёрку.

Кидовцы держали связь с Ленинградским Домом дружбы, являясь коллективным членом общества Германо-Советской дружбы. Девять делегатов интерклуба ездили 6 октября 1967 года в Дом дружбы с народами зарубежных стран на открытие выставки, посвящённой г.Дрездену. Здесь присутствовал генеральный консул ГДР в Ленинграде Штуде, обербургомистр г. Дрездена Шилл, от которого мы получили приглашение, председатель правления Ленинградского общества германо-советской дружбы проф. Тюльпанов. Наши делегаты получили памятные немецкие значки, проспекты г.Дрездена и другие подарки. Познакомились с интересной экспозицией города на Эльбе. Кидовцы узнали много нового, интересного и о жизни ГДР из диафильмов, книг, которые нам подарили. Мы их смотрели и читали коллективно. Нам вручили огромное количество поздравительных открыток с 50-летием Октября от немецких друзей и мы в ответ послали в Дрезден 200 поздравлений с 18-летием их республики. Это способствовало развитию большого интереса к изучению немецкого языка и углублению знаний.

Торжественно, увлекательно мы отметили первый юбилей нашего клуба. Утром, на школьной линейке, нас поздравила администрация школы, объявлена благодарность особо отличившимся членам клуба, были вручены подарки от Ленинградского Дворца пионеров им. Жданова и Дома

дружбы. А вечером, в школьном зале, накрыты столы с лирическими названиями. На каждом столе вазы с зеленью и четыре флага, олицетворяющие государственные флаги СССР, ГДР, ЧССР, ПНР. Фрукты, пирожные, кофе. У каждого на груди красная гвоздика – это пароль нашего клуба. Звучали приветствия на четырёх языках. Слово дали президенту КИДа Жене Адомайтису. Звучали мелодии Бетховена, стихи Гейне, стихи о Кларе Цеткин, викторины на немецком языке, розыгрыши. Кофе, шутки, танцы. Затем выбор нового правления. В конце «огонька» памятные подарки каждому! Этот день дружбы навсегда запомнился нам!

Выпуск 1962-66 года, классный руководитель А. Сивова.

КИД им.Э.Буша принимал самое активное участие в самых различных конкурсах (газет, журналов, радио). Наша Новолисинская школа единственная в Ленинградской области стала дважды лауреатом Германской демократической республики; один раз международного конкурса, другой раз только республиканского. В конкурсе «Знаете ли вы ГДР?»

принимали участие шесть стран. С ответами пришло в ГДР 31000 писем. Только 700 из них вошло в число победителей. Мы послали ответы 50 ребят нашего клуба с пояснениями и вырезками газет. Сколько труда, поисков, прочитанных книг, просмотренных диафильмов, старых подшивок газет за 1964 год и даже ленгорсправка. Вопросы были из разных областей жизни Германии: политика, города, учёные, искусство, судостроение, содружество ГДР и СССР.

Свои большие познания в этом показали Адомайтис Женья, Соколова Надя, Морозов Саша.

Трудно. Но здорово заманчиво и интересно! Узнали много полезного, и вот, к огромной радости кидовцев, наша Новолисинская школа стала обладательницей международной премии из ГДР. Значит, ответы правильные и хорошо оформленные. Мы получили в канун начала учебного года в качестве премии ГДР книгу на немецком языке с богатыми иллюстрациями о старинном немецком городе — месте международных ярмарок Лейпциге и интересные серии марок — борцов 1912 года, политических деятелей, о космосе. Книгу о Лейпциге мы использовали на уроках немецкого языка по теме «Город».

Второй конкурс-викторину объявила газета немецких пионеров «DIE TROMMEL» для советских читателей. Эту газету мы выписывали в школе. Сделав нужные переводы, мы послали в Берлин ответы на немецком языке. И вот мы снова в числе победителей! Сентябрь 1968 года. Премия книга-альбом «Германская демократическая республика» и альбом-схема модели плавающего танка, имеющегося на вооружении всех стран, участниц Варшавского договора. Митенков Валя сделал переводы инструкций (с немецкого на русский) и с огромной кропотливостью умело собрал модель. Она находилась в витрине подарков-сувениров.

Огромную работу проделали кидовцы в апреле 1967

года, участвуя в конкурсе радиожурнала «Ровесники». Вопросы касались народной Польши. За одну неделю собрали материал на 164 альбомных страницах с фотографиями, репродукциями, стихами, марками. Два тома большой энциклопедии мальчишки пролистали от и до, разыскивая великих поляков.

Здесь нам помогла ещё учительница литературы Ковалевская Нина Степановна. Поиски увлекли нас и здорово расширили кругозор детей. Так много мы узнали о Варшаве. Равнодушных не было. Приветствие и о гербе столицы ПНР мы написали на польском языке.

Эпиграфом взяли слова «Пусть дружба, скреплённая кровью отцов, прочнее станет сегодня».

Но то, что нас увлекло буквально всех(а число кидовцев росло с каждым днём, их стало 213 школьников) — это сбор материала о Владимире Ильиче Ленине. Это не был просто сбор рассказов, книг или фотографий о вожде на русском языке. Клуб интернациональной дружбы им. Эрнста Буша решил открыть для жителей нашего посёлка небольшую комнату-музей великого вождя в честь 50-летия советской власти. В январе 1967 года кидовцы разослали письма в музеи Ленина ГДР, ЧССР и ПНР. Есть книга «Там, где жил Ленин», в ней мы взяли адреса.

В феврале пришёл первый ответ — из г.Лейпцига. В Пробсхайде, близ Лейпцига в 1902 году печатались первые номера русской газеты «Искра». Нам прислали копию газеты, фотографию типографии, фото Ленинского зала музея. Затем у нас появились ещё фотографии и текст на немецком языке о пребывании тов. Ленина в Германии в 1900-1912 г.г. перевод текста сделала активный член нашего клуба восьмиклассница Федяева Катя.

Второй ответ пришёл из Праги. Чешские друзья прислали подробную аннотацию о музее В.И.Ленина, из которой мы

узнали, что последний из живых участников Пражской конференции 1912 года проживает в Ленинграде. Его зовут Евгений Петрович Онуфриев.

Во время работы конференции он две недели жил в одной комнате с Владимиром Ильичём.

К великой радости пятерых делегатов от нашего КИДа: Вале Ивановой, Мише Глазунову, Олегу Никитину, Нине Хабаровой было поручено съездить в гости к старому большевику.

Где он живёт мы узнали в адресном бюро, по телефону уточнили время встречи. Евгений Петрович очень просто, с любовью, рассказывал о большой работоспособности, выдержке, такте и чуткости Владимира Ильича. Евгению Петровичу был 81 год, но у него ясная память, удивительная подвижность. Он подарил нам свою книгу «Встреча с Лениным», свою фотографию с автографом. Сохранилась телеграмма Е.П.Онуфриева на адрес КИДа по случаю открытия комнаты-музея Ленина к 50-летию Октября. В декабре 1967 года мы вместе с ленинградцами скорбили о смерти верного ленинца, нашего друга Е.П.Онуфриева.

В марте пришла бандероль из г. Кракова. 17 фотокопий музея Ленина, фотокопия тюремной камеры в Новом Торге, копии его писем.

В апреле пришла бандероль из Берлина от членов ССНМ при государственной немецкой библиотеке. Прислали нам книгу на немецком языке, в ней был список книг, литературы, которую в то время читал В.И.Ленин, копии его писем на немецком языке к матери, сёстрам. Над переводом книги работали кидовцы из 7-го класса. Настолько велика была активность школьников! Они ощущали свою значимость. В маленькую Форносовскую школу шли из-за рубежа письма, бандероли и посылки!

Частная и коллективная переписка давала очень много для духовного роста, обогащала знания. Некоторые кидовцы, будучи взрослыми, продолжали переписку и встречались.

Связь с домом дружбы помогла мне обрести друзей. Для совершенствования разговорной практики в немецком языке я имела возможность трижды посетить Германию. В 1973 году была на десятом всемирном фестивале в Берлине. Это было незабываемое время. Об этом можно написать отдельную повесть... По профсоюзным путёвкам была почти во всех республиках нашей Родины.

Мой трудовой стаж 51 год. Работа с детьми для нас с сестрой переросла в работу с общественностью, с ветеранами. Мы с сестрой были участниками многих интересных событий, фактов, а они имеют полное право на сохранение во времени. Это жизнь нашего посёлка, наших ветеранов.

Ветеранская общественная организация была создана в 1987 году. Первым председателем стал Иванов Александр Николаевич- участник Сталинградской битвы, член КПСС, ветеран труда. Мы, учителя, сразу же включились в работу этой общественной организации, Александра Фёдоровна Панасюк стала заместителем председателя, я секретарём, Грачкова Нина Михайловна членом совета ветеранов.

В 1988 году был создан клуб «Ветеран». Хозяйка клуба- Александра Фёдоровна. Этот же год можно считать годом рождения хора ветеранов. С той поры в посёлке Форносово и в окрестных деревнях без частушек и песен не обходился ни один праздник. В разгар торфяного сезона агитбригада хора ветеранов давала концерты на болотах Каушты. Заводилой была Александра Фёдоровна. Наш хор активно участвовал в народных праздниках и смотрах. В 2006 году коллектив был награждён почётным дипломом ЗАКС Ленинградской области.

С 1989 года, в течение 10 лет ветеранскую организацию

возглавляла А.Ф.Панасюк, а я так и осталась секретарём. Членами организации были в основном участники Великой Отечественной войны. Когда мы собирались для общения, приходили с жёнами, мужьями. На столах никогда не было водки, вина. Но было изобилие пирогов и чай. Воспоминания, песни и розыгрыши. Годы шли. Участников войны становилось всё меньше... Ветеранская организация в свои ряды стала объединять блокадников, малолетних узников фашистских концлагерей, труженников тыла, ветеранов труда и просто пенсионеров, стала более многочисленной.

В 2006 году ветеранов возглавила я. В Совет вошло 5 человек: Панасюк А.Ф.-секретарь, Торгоня Т.В.-заместитель, Ганёва З.Н. и Крылова Г.П.-члены, незаменимые помощники во время подготовки праздников. Совет ветеранов был очень работоспособный. Заботливо и внимательно относились ко всем членам. Часто посещали одиноких и больных на дому. По необходимости оказывали материальную помощь(находили спонсоров). Помогали получить необходимые справки, оформить документы в районе и через архив. Иногда удавалось повысить статус ветерана, а, значит, поднять пенсию. Делали продуктовые наборы одиноким.

Каждого члена ветеранской организации поздравляли с днём рождения, а юбилярам и ветеранам за 80 лет вручали подарки. Организовывали встречи участников Великой Отечественной войны, блокадников, узников, учителей-ветеранов. Старались устроить чаепитие с интересной программой. Отмечали государственные праздники и золотые свадьбы.

Было проведено много экскурсий: в краеведческий музей города Тосно, музей леса в Лисино-Корпус, посетили замечательную выставку художника Пинашина, братское захоронение «Косые мосты». Ездили в Константиновский дворец, Петергоф, усадьбу «Марьино», Великий Новгород,

Ленинградский музей хлеба, музей художника И.Репина, в Комарово поклонились Анне Ахматовой(слушали её стихи). Никого не оставила равнодушным экскурсия «Дорога жизни», с заездом на Пискарёвское кладбище. Все экскурсии для пенсионеров были бесплатные. Принимали участие во всех поселковых, районных, областных мероприятиях: «А ну-ка, бабушки!», «Хлеб- всему голова», «Кому за...», в спортивном фестивале во Всеволожском районе(входили в сводную команду Тосненского района), конкурсах «Ветеранское подворье», «На лучший формуляр» и занимали призовые места.

Я отвечала за военно-патриотическую работу. У нас есть ветеранская комната, в которой оформлены стенды: «Наша жизнь», оформление которого постоянно меняется в связи с памяtnыми датами и событиями в посёлке, «Их юность встретилась с войною», посвящённый ныне живущим в посёлке ветеранам Великой Отечественной войны. Большая работа была проделана Александрой Фёдоронной Панасюк по учёту всех участников войны -жителей Форносовского городского поселения.. Совместно со школьниками (и при моём участии) она оформила альбом «Женщины всегда оберегали мир» об участницах Великой Отечественной войны посёлка Форносово с фотографиями военной поры и личными письмами о себе. Оформлены папки-альбомы об участниках войны, жителях блокадного Ленинграда, малолетних узниках фашистских лагерей, тружениках тыла, где есть анкеты на каждого. Я собрала документы, фотографии и их личные воспоминания. Все материалы переданы в краеведческий фонд Форносовской поселковой библиотеки. Рассказываю о судьбах наших ветеранов через газеты «Голос Форносово»(было два выпуска), «Тосненский вестник» «Тосненские ведомости», «Тосно-Тайм». Велась подписка на газеты «Ветеран», «Судьба» (о малолетних узниках),

«Тосненский вестник», «Вести». Средства выделяли администрация и депутат Законодательного Собрания Ленинградской области К.В.Остриков. По материалам газет оформлена папка «Всё о льготах».

Совет ветеранов вручил памятные медали «Непокорённые» всем малолетним узникам.

Средства на приобретение медалей выделили Н.И.Фёдорова и К.В.Остриков. Медали вручали в актовом зале школы в присутствии учащихся. Каравай хлеба передал ветеранам правнук бывшей узницы концлагеря «Дахау» Екатерины Петровны Христиной Никита Христин.

Каждый сидящий в зале взрослый и ребёнок отломил кусочек хлеба, как символ тепла и единения. В предпраздничные дни 65-летия Великой Победы были вручены памятные медали участникам войны и жителям блокадного Ленинграда. На домах участников войны установлены красные звёзды (в акции участвовали фирма «Палитра», Совет ветеранов и мальчики 11 класса Форносовской школы).

Помогали жителям посёлка Форносово найти места захоронения без вести пропавших родственников — участников Великой Отечественной войны. Эта работа трудная, требует много сил, времени и терпеливого ожидания результатов. Горжусь, что решением Совета Российского союза бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей в 2008 году мне была вручена памятная медаль «Непокорённые» за поддержку жертв нацизма и сохранение памяти о погибших в войне 1941-1945 годов.

Со всеми руководителями учреждений нашего посёлка у Совета ветеранов всегда были добрые отношения, тесные связи: с Форносовской средней образовательной школой, детской музыкальной школой, библиотеками, Домом культуры, почтой и ЗАО «МНПП «ФАРТ». Когда ветераны-участники войны были ещё в силе, они приходили на уроки мужества в школу, уроки истории в 10-11 классах, когда была тема Великой Отечественной войны, проводили с учениками старших классов в актовом зале конференции, встречи за «круглым столом», встречались с младшими школьниками. С благодарностью и большим уважением называю участников Великой Отечественной войны активных членов ветеранской

*У Форносовской школы Сивова
А.Ф. и Панасюк А.Ф., 2006 год.*

организации: супругов Кияница Андрея Афанасьевича и Елену Ивановну, Моисееву Эльвиру Арнольдовну, Кузьменко Евдокию Ивановну, Котеленцеву Александру Ивановну, Каплину Раису Николаевну, супругов Купреяновых, Петрова Виталия Николаевича, Агапова Василия Семёновича... К сожалению, уходят ветераны, с каждым годом их становится меньше... У нас есть видеофильм об участниках боевых действий Великой Отечественной войны, сделанный по инициативе поселковой библиотеки (Т.С.Ермоленко и Л.В.Черных). Совет ветеранов принимает участие в проведении

митингов у памятника Герою Советского Союза Михаилу Фёдоровичу Шаронову в День снятия блокады 27 января, в

День Победы 9 мая, в день Памяти и Скорби 22 июня. О лётчике М.Ф.Шаронове собран большой материал из архива Форносовской школы и поселковой библиотеки, часть передана в краеведческий музей города Тосно.

Совет ветеранов стоит на защите интересов ветеранов. С администрацией и Советом депутатов Форносовского городского поселения взаимопонимание и плодотворное сотрудничество.

В честь 20-летия ветеранского движения, первичная Форносовская ветеранская ячейка заняла в районном соревновании **1** место как **«Лучшая ветеранская организация»**, в областном – **3** призовое место среди сельских первичек области. В 2012 году было достойно отмечено наше 25-летие ветеранского движения.

Ленинградская область, посёлок Форносово, стали для нас с Александрой Фёдоровной второй малой Родиной. В 2006 году решением Совета депутатов Форносовского городского поселения мне присвоено высокое звание почётного гражданина, которое налагает большую ответственность и я с честью стараюсь исполнять свой общественный гражданский долг.

Солодилова Антонина Ивановна: «Всегда трудилась на совесть»

*Солодилова Антонина,
20 лет.*

Родилась 25 мая 1933 года в деревне Клескуша в Лужском районе Ленинградской области. Отец, Васильев Иван Федотович, ушел на фронт в 3-й день войны. Мама, Ирина Андреевна, воспитывала 3-х детей, кроме Антонины: сына Александра (1931г.р.) и дочь Валентину (1940г.р.), которой было всего 10 месяцев, когда началась война.

Родительский дом сохранился, там и сейчас живут люди.

До войны Антонина в школу не ходила.

Когда началась война, жители деревни, еще до прихода немцев, ушли в окрестные хутора, жили порой и в землянках в лесу. Вокруг было много партизан. Помнится, что лес кишел змеями, и, хотя иногда ночевать приходилось в самодельных шалашах, никого не кусали. Дороги были очень плохими, и зимой немцы не могли добраться до деревни. Летом селился немецкий карательный отряд, но ненадолго, боялись партизан.

Жителей деревни отряд не трогал, отбирали только продукты и коров, гусей, кур, у кого что было. Поэтому очень голодали, особенно зимой. Мама ходила к сестре в Толмачево, дети у которой были постарше и работали в немецкой столовой, им удавалось приносить кой-какие продукты. Маме приходилось ходить по 50 км туда и обратно по льду замерзшей реки Луги. Река была большая, по ней летом ходили большие пароходы.

Этой едой поддерживали жизнь, потому что от голода

распухали, а после еды опухоль спадала. Самое тяжелое было пережить зиму.

Летом ели крапиву, лебеду, собирали грибы, которых в лесу было очень много, жарили их с картошкой. Картошку немцы разрешали копать, но и сами они копались в огородах, искали закопанные припрятанные жителями вещи. Чтобы топить печи, приходилось сжигать хозяйственные постройки. Когда жили на хуторах, советские власти решили отправлять детей в эвакуацию, сажали на лошадей и увозили. Но Тонины родители детей не дали увезти, спрятали в лесу. А потом узнали, что всех отправленных разбомбили. Так судьба отвела беду.

В 1944 году немцы ушли окончательно и жители вернулись в свои дома. В этом же году Тоня пошла в школу, которая находилась в их деревне Клескуши и вся окрестная детвора тоже в нее ходила, был даже интернат для тех, кто жил очень далеко. Школа была большая, деревянная, 2-х этажная, летом в ней был лагерь, там жили по 2 месяца, спали на матрасах, принесенных с собой из дома. Антонина закончила 5 классов.

Мама ходила на поденную работу к людям, пилила деревья. Отец вернулся с войны живым. В 1942 году его тяжело ранили и отправили на излечение в Омск, там он научился сапожному делу. Это ремесло пригодилось, когда вернулся.

Так жили до 1949 года. Потом стали приезжать вербовщики набирать сезонных работников на торфоразработки. Уехали некоторые жители из их деревни: Луньковы, Степановы, Леонтьевы, те, у кого в семье было больше рабочих рук.

Собрался и отец, с собой взял сначала только Антонину, а потом переехала в Форносово и вся семья.

Антонина устроилась работать лаборантом на торфобрикетный завод, брала анализы торфа на влажность. Летом работала на болоте, так тогда называли сырьевую базу. Два раза в сутки брали торф на анализ влажности, потому что убирать можно было только сухой. В помощь давали двух рабочих, они носили весы, измеряли высоту и ширину караванов. Работали с утра до вечера, домой не уходили, там и спали, сидя. Трактористы поспят и идут убирать торф, а следом нужно было измерять убраный. Для снятия пробы, копали в караване траншею и измеряли высоту и ширину. Регулярно делали инвентаризацию: сколько убрано, сколько осталось, после этого давали три дня выходных.

Жили в деревянном 2-х этажном доме по Павловскому шоссе(сейчас дом№25) у родственников. Квартира была 2-х комнатная, а их, жильцов, 11 человек. Отец Антонины работал в пожарке, так все называли пожарное депо. В его здании были и квартиры для сотрудников — 4 квартиры и дежурное помещение. Сначала выделили комнату, там была печь, а плиты не было, кашу варили прямо в печке. После ремонта пожарки, дали двухкомнатную квартиру. Жизнь была спокойная, вечером двери в квартиру не закрывались, пока молодежь не возвратится с танцев, а танцы были каждый день на «пяточке у клуба».

С мужем познакомились на работе. Антонина дружила с Тоней Мищенковой (в замужестве Першиной), на болоте работала с ее братом. Он и познакомил со своим другом Колей Васильевым. Когда на болото приезжала автолавка, все собирались, покупали хлеб, ели с маргарином, который по вкусовым качествам не уступал сливочному маслу. Молодежь общалась в эти небольшие перерывы. Коля работал слесарем по ремонту техники. Жил с бабушкой, Солодиловой Акулиной, в «гостинице» (так называли дом №19 по Павловскому шоссе), родители у него умерли. Когда поженились, семь лет тоже там

прожили. Комната от кухни отделялась перегородкой без верха. После капитального ремонта дома в 1975 году, жили уже в отдельной однокомнатной квартире.

Бригадир-швейник, 1952 год.

Работать приходилось в три смены, это было очень тяжело. В 1952 году решила уйти с торфопредприятия. Устроилась на фабрику «Скороход». На работу приходилось ездить на новогодском поезде в 5.40 утра в первую смену и на 9.45 во вторую. Молодежи ездило много, время проводили весело. Вечером приезжали после первой смены, наскоро поев, бежали на танцы. Танцевали краковяк, танго, ребята

хорошо танцевали. Игорь Носков играл на гармошке, ему не уступал Вася «Розочка» (Иванов).

У вербованных на сезонные работы был свой клуб «матаня», он находился в бараке, где сейчас улица Советская. На торфопредприятие приезжали на практику из техникума, местные начинали ухаживать за новыми девчонками.

Лучшими подругами были Тося Степанова, Тоня Першина, Зоя Носкова. Участвовали в художественной самодеятельности, ездили выступать на смотры в Тосно. Солдаты из воинской части, находившейся неподалеку, тоже с удовольствием выступали в клубе, заведовал которым Арнольд Векшин.

На фабрике «Скороход» проработала 40 лет, в цеху №10, в котором шили обувь для военных. Была бригадиром,

замещала мастера цеха, участвовала в общественной жизни, была проформом. На работе неоднократно поощрялась почетными грамотами, была удостоена звания «Победитель социалистического соревнования» (1978г.), награждена медалью «За трудовую доблесть» (1986г.), медалью «Ветеран труда» (1984г.), фотография помещалась на «Доску Почета».

В 1989 году вышла на пенсию. Но активный характер и трудолюбие не позволяли долго сидеть без дела. Подрабатывала техничкой в ДК, в школе, с 1994 года проработала 14 лет в ЖКХ «Форносово» уборщицей лестничных клеток, также имела благодарности и почетные грамоты за хорошую работу, потому что привыкла всегда трудиться на совесть.

У родного дома в Клескушах.

Сейчас проживает в благоустроенной квартире на Комсомольском переулке. Эту квартиру получили родители, когда снесли здание пожарного депо. Они там прожили 4 года, дом был холодный, котельная тогда давала мало тепла, и они решили поменяться квартирами с детьми и жить в деревянном доме, там сохранилось печное отопление, в любой момент можно было погреться у печки. Руководство поселка

возражало против обмена, но отец, как участник войны, через военкомат добился обмена, который и состоялся в 1982 году. С тех пор здесь и проживали с мужем, к сожалению, несколько лет назад он умер. От одиночества спасает небольшой огородик вблизи реки Хейны, а вторая любовь — кошки, когда Антонина Ивановна идет по поселку, все дворовые кошки тут как тут, знают, что угостят чем-нибудь вкусненьким. Приходится делиться с любимцами частью своей скромной пенсии.

Есть и подружки, и родственники, ветеранская организация, которая организует вечера отдыха, праздничные мероприятия, экскурсионные поездки. Жизнь продолжается.

*Записала Ермоленко Татьяна Симоновна,
заведующая Форносовской поселковой библиотекой*

Тимош Виталий Гаврилович: «Воспоминания о прошлом»

Тимош Виталий Гаврилович,
1961 год.

Мои воспоминания о прошлом я начну с раннего детства. Они основаны на моём видении, как ребёнка, того, что отложилось в памяти, на рассказах мамы и осмыслении всего прошедшего времени уже взрослым человеком.

Я родился 8 сентября 1940 года в городе Хабаровске, который напоминал в то время большой уездный город, расположенный на правом-высоком берегу реки Амур. Левый берег был низкий, ровный и использовался как пляж, но там была трава, без песка. К этому

берегу ходил колёсный пароход. На правом берегу был большой парк для отдыха - с аллеями, террасами, была вышка для прыжков в воду. Под навесом стоял огромный скелет кита, была будка, в которой продавалось пиво, стояли столики с разукрашенными грибками-навесами.

От главного входа в парк начиналась единственная асфальтированная улица Карла Маркса. Она тянулась куда-то далеко, а от неё - налево и направо начинались другие улицы.

Улица Карла Маркса делила город надвое. На ней были основные службы: универмаг, цирк Шапито (летний), у которого купол был с отверстием, и во время летнего ливня арена заливалась водой, из-за чего представление прерывалось. Был кинотеатр «Гигант», в котором я смотрел фильм «Аршин Мал Алан» Бакинской киностудии, а моя мама уроженка Баку. В главной роли был знаменитый

азербайджанский певец Рашид Бейбутов.

Справа от улицы Карла Маркса находилась типография центральной газеты Дальневосточного военного Округа, где работал мой папа, Гаврила Сергеевич.

Далее по улице влево начиналась улица Серышева, на которой была работа моей мамы и мой детсад, а направо — улица Фрунзе, которая вела вниз к реке Плюснинке. Она собирала все сточные воды и несла в реку Амур. Через неё был построен капитальный мост.

За мостом улица опять поднималась вверх. На этом подъёме слева стоял большой деревянный дом барачного типа, где я проживал с мамой, Валентиной Николаевной. У дома была завалинка. Окна были со ставнями и выходили на улицу. Рядом был 2-х этажный деревянный дом, в глубине ещё один, а внутреннее пространство между этими домами составляло наш двор.

Наш дом был покрыт дранкой и штукатуркой. В центре двора были летние грядки, у каждой семьи — своя. Во дворе был деревянный туалет. Наш дом был разделён на две половины. В каждой половине жили по две семьи. У нас с мамой была одна комната с плитой, которую топили дровами, а дрова пилили на «козлах». Воду носили на коромыслах, а в вёдрах сверху воды клались деревянные крестовины, чтобы вода не выплёскивалась. Воду отпускали из башни-колонки.

Хорошо помню соседку в нашей половине дома, с 4-мя детьми. Она работала шофёром на грузовой машине «студебеккер» в воинской части и, наверное, возила продукты. Иногда она угощала нас куском солёной рыбы. Мама пропускала её через мясорубку с полуиспорченной картошкой и жарила оладьи. Они получались чёрного цвета.

Город жил в то время прифронтовой жизнью. Сказывалась близость Японии (союзницы Германии). В городе

часто объявлялись воздушные тревоги. Недалеко от нашего дома, у деревянного моста через Плюснинку, стояла зенитная батарея. Соблюдался комендантский час, было патрулирование. По ночам во время тревоги прожектора освещали небо, а если тревога была днём, то все должны были куда-то прятаться. Иногда отключали свет, тогда сидели с керосиновой лампой. В городе соблюдалась строгая светомаскировка. В случае плохой светомаскировки были предупреждения и штрафы.

На производстве выдавали карманные фонарики со светофильтрами(красный, зелёный). Ими пользовались ночью с разными целями, например, для хождения по городу, если кого-то отпускали домой.

Мы жили с мамой вдвоём, братьев и сестёр у меня не было. Папу совсем не помню.

Он приехал в Хабаровск из Украины. С началом войны был призван в ряды РККА и работал в типографии.

Перед самой войной была совершена диверсия- взорвали типографию. Папа получил травму позвоночника, лечился, но продолжал работать. Со временем здоровье его стало ухудшаться, были парализованы ноги. В январе 1943 года он умер в военном госпитале, который размещался в школе. Ему было 39 лет.

Мама работала на заводе, там жила и питалась за счёт завода, как и все работники.

Поэтому я был устроен в круглосуточный детский сад, который находился через дорогу. В детском саду мы спали на самодельных деревянных раскладушках. Они представляли из себя две деревянные рамы, стянутые между собой плотной тканью или ремнями. Они легко складывались и лежали в углу комнаты, в которой мы играли и кушали. Кормили нас из глиняных мисок . Прямо через край миски мы пили похлёбку.

Перед обедом воспитатели обходили всех детей и каждому вливали в раскрытый рот по одной ложке рыбьего жира. Кстати, он всем нравился. А ещё нравилась запеканка из вермишели с яичным порошком. Говорили, что он из черепашьих яиц. Это была редкая, понастоящему праздничная еда.

*Мама Валентина
Николаевна Тимош.*

Иногда мама приходила ко мне в детсад, и меня отпускали к ней на работу во время её обеда. Всех рабочих кормили под навесом. Там стояли сбитые столы и скамейки. Мама давала мне стеклянную банку с едой из тушёной капусты и рыбы — свою порцию. Я этого не понимал и съедал почти всё, а некоторые работницы ещё докладывали мне в банку по одной ложке. Однажды с работы мама принесла мне в подарок самодельный танк, сделанный из жести и

покрашенный в зелёный цвет.

А в садике, помню, была большая пушка. Она стреляла деревянной стрелой. Из этой пушки мы «убивали фашистов». У девочек были самодельные куклы с пришитыми гуттаперчевыми головками. Дома у меня был игрушечный попугай.

Вспомнилась моя болезнь. Это было инфекционное заболевание (скарлатина или дифтерия), с очень высокой температурой. В больницу меня не взяли, как безнадёжного.

Мама всё время была на работе. Я был один, но помогала соседка. Аппетита у меня не было совсем. Мама прибегала чем-то помочь и снова убегала. Однажды она

приготовила мне из отварной красной и белой сахарной свеклы, пропущенной через мясорубку, икру с ягодами голубики. Поместила всё это в глиняный горшок, поставила у изголовья моей постели, чтобы я ел, сколько захочется, а сама убежала на работу. Мне было больно глотать, но кое-как я понемногу стал брать эту смесь в рот. Когда мне эта еда понравилась, стал есть ложкой всё больше и больше. С тех пор мне постепенно становилось лучше. Началось выздоровление.

Навещала меня на дому врач. Она приезжала на бричке с возницей, и я её очень ждал.

После выздоровления снова посещал детсад.

Помню снежные, морозные зимы. Общественного транспорта не было. В непогоду мама носила меня, укутанного, на руках, тяжело дыша. Я ей говорил, что когда буду большим, то буду её тоже носить на руках, но мама сказала, что не доживёт до этого. Эти слова врезались мне в память.

После дня Победы над Германией мы по-прежнему продолжали жить прифронтовой, беспокойной жизнью, так как была явная угроза нападения на Советский Союз со стороны Японии. Она держала свои крупные силы на территории Маньчжурии. Поэтому для окончательной ликвидации очага войны на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности СССР, советское правительство объявило войну Японии 8 августа 1945 года.

В результате согласованных операций 3-х фронтов и ВМФ в короткий срок японская армия была разгромлена и 2 сентября 1945 года Япония подписала акт о безоговорочной капитуляции. Это было завершением 2-й мировой войны. Впоследствии была выпущена медаль «За Победу над Японией».

Помню, как в детском саду все кричали: «Победа, победа!» С окон стали срывать чёрную бумагу. В самый разгар

дня стали приходить родители и забирать детей домой.

Пришла за мной и моя мама, было очень много радости.

В городе появилось много пленных японцев. Они были в жёлтой форме и сами какого-то жёлтого цвета, почти все в очках. Многие из них могли говорить по-русски. Наши женщины говорили с ними о жизни, семьях, шутили. Однажды, помню, я стоял в очереди за мылом, а у магазина за деревянным забором были японцы. Один из них сказал: «Уски баба хаос, сыска босой», что вызвало всеобщий смех.

Постепенно наша жизнь стала становиться другой. В городе появился автобус в одном экземпляре, говорили, что трофейный. Он был длинный, красного цвета. Ездил он от парка по улице Карла Маркса и обратно. Я мечтал на нем проехать, но мечта моя не сбылась.

В детский сад я уже не ходил. Чем мог помогал маме. Мы ходили на базар. Он находился на месте впадения реки Плюснинки в Амур. Там продавали живую рыбу прямо с лодок. На весах её трудно было взвешивать, она спрыгивала. Старушки продавали стаканами голубику, жареные семечки, жареную сою. Продавали также дикий виноград. Он был мелкий, кислый, чёрного цвета. А во дворе нашего дома росла яблоня (ранетка). Я с другими сверстниками рвал эти яблоки и приносил маме.

Поскольку игрушек у нас не было, мы из песка лепили машины. А ещё мы ватагой ребят приспособились ходить в универмаг и наблюдать продажу игрушек. Их заводили, они ездили, прыгали, вертелись. Мы от этого получали большое удовольствие.

А весной с мамой ходили смотреть ледоход на Амуре, когда он вскрывался. В ветренную погоду это было ужасающее зрелище, когда громадные льдины от разламывания издавали страшный грохот.

Летом у нас были разные домашние хлопоты. От завода, где работала мама, сотрудникам выделяли за городом землю и дали на каждую семью по одному ведру картошки для её посадки. Мы ездили с мамой и другими людьми на «подкидыше» сажать картошку. Я помогал раскладывать её в уже готовые лунки. А у дома на нашей грядке мама сажала: огурцы, свёклу (красную и сахарную белую), кукурузу, которая успевала вызревать, морковь, которая вырастала короткой, но толстой, сладкой. Говорили, что она американская.

Однажды, неожиданно для меня, к нам приехала моя двоюродная сестра Женя из Баку.

Эта интересная история произошла уже после окончания войны. Перед войной, живя в Баку, она познакомилась с выпускником Бакинского лётного училища Сергеем. Когда началась война, он уехал воевать. Они всё время переписывались. После разгрома Германии его авиационная часть была направлена в Маньчжурию, где Сергей принял участие в боевых действиях с Японией, а после окончания войны он вслед за Женей прилетел к нам, так как получил назначение по службе на Курильские острова.

Их долгожданная встреча была у нас. Первое, что я увидел прибежав домой — это много буханок хлеба на кровати (паёк Сергея). Моё состояние было неопишимо. Я впервые тогда поел хлеба вдоволь. Часть буханок мы с мамой продали тихонечко на базаре.

Однажды они взяли меня с собой погулять по городу и завели в только что открывшийся гастроном. На вопрос ко мне: «Какое пирожное ты будешь кушать?» — я не мог ничего ответить, так как слово «пирожное» мне было незнакомо. Видя мою стеснительность и нерешительность, меня спросили конкретно: «Это будешь?» Я ответил: «Буду.» Это было песочное кольцо с орехами. Когда дома сели пить чай, я съел всего лишь одну четвёртую часть этого пирожного и

почувствовал сильную тошноту. Мой организм просто не принял этого. Остаток недоеденного пирожного долго лежал в сахарнице.

Вскоре наши гости улетели вместе сначала на Сахалин, оттуда на Курильские острова.

Там они поженились, у них родился сын. Через два года у них были другие места службы: Грозный, Батуми, где у них родилась дочь, и ещё другие точки. После демобилизации в звании капитана он и его семья переехали жить в Ленинград. Серёжа (Сергей Макарович) несколько лет был водителем у 1-го Секретаря Ленинградского Обкома партии Григория Васильевича Романова. Женя и Сергей Макарович давно умерли, а их дети со своими семьями и внуками сейчас живут в Петербурге.

После начавшейся войны с Германией многие семьи вынуждены были покинуть свои родные места и уезжать подальше от боевых действий. Много таких семей оказались и на Дальнем Востоке (в основном женщины с детьми). А после окончания войны большинство из них решили вернуться на родину к своим родным. Моя мама оказалась в Хабаровске по вербовке, по вынужденным обстоятельствам. Оставшись без мужа (моего отца), мама тоже решила вернуться в Баку, где родилась и где проживали её мама (моя бабушка) и сестра (моя тётя). Но для этого нужно было разрешение на приобретение билетов. Нужны были деньги и на переезд. Мама стала продавать всё, что можно из вещей. Даже был продан мой любимый патефон- единственная память об отце. Правда, такие пластинки, как: «Брызги шампанского», «Рио-Рита», «Аргентинское танго», «Китайская серенада» и песни в исполнении Ляли Чёрной, Изабеллы Юрьевой, Эдит Утёсовой (дочери Леонида Утёсова) и другие мы оставили у себя.

Возникли многие сложности. Дело в том, что не желая оставаться без трудового класса, руководство Дальнего

Востока приняло решение о запрете выезда населения. Разрешено было выезжать только родным и родственникам военнослужащих.

Выход нашёлся. Нам была прислана справка из Баку о родстве с военнослужащим сверхсрочником Сашей, мужем моей двоюродной сестры Лёли. Они поженились по возвращении его с войны. Эта справка дала возможность записаться на приобретение железнодорожных билетов на Москву. Нас включили в список. Я с мамой, а чаще она одна ходила на вокзал на перекличку. Сколько времени это продолжалось, не знаю. Но однажды, оставив меня одного у двери вокзала, она «нырнула» в живую массу народа, которая говорила, орала и ела одновременно, и через довольно долгое время «вынырнула» из толпы с радостью, держа что-то в руке. Это были долгожданные билеты.

Регулярного расписания движения поездов тогда не было. Поезда формировались по направлениям, по мере накопления уезжающих. Поэтому составлялись списки на билеты. Наконец наступил день отъезда. До Москвы мы ехали 13 суток в общем вагоне. Но те вагоны резко отличались от нынешних. Во первых, на нижних полках сидели по 4-5 человек. Спали по очереди, в основном, сидя. Вагоны не имели электрического освещения. На два купе (промежуточно) висел фонарь, в который вечером проводник ставил огарок свечи. Когда огарок погасал, то до рассвета была полная темнота. Помню железный бачок для воды с кружкой на цепи. Между нижними полками не было перегородок. Под полками прятали чемоданы, узлы. Было много краж. Помню, как милиция ловила вора, а он у меня между ног пролез и пополз дальше, между чемоданами, вещами. У нас тоже украли чемодан.

На станциях и полустанках были небольшие базарчики, где пассажиры могли купить себе отварную картошку, отварную курицу, рыбу. Мама взяла с собой в дорогу большую

железную банку с компотом, по-моему, абрикосовым. После основной еды я съедал по 2-3 ягоды и запивал 3-мя глотками этого божественного густого напитка.

Дорога до Москвы мне очень запомнилась. Старая железная дорога проходила у самого берега озера Байкала. Вода была настолько прозрачная, что даже просматривались на дне камни. Когда полностью открылся вид на озеро, пассажиры с криком: «Байкал!» кинулись к окнам на правую сторону вагона. Я испугался, что вагон может перевернуться и кинулся на левую сторону. Это было, конечно смешно, но это было! На станции у озера Байкал мама купила вяленого омуля. Его скелет на свету просвечивался, а вкус был очень нежный.

Жуткое впечатление у меня осталось, когда поезд остановился на станции «Сталинград». Я увидел из окна вагона высокую и длинную закопчённую стену, уцелевшую от всего громадного дома, с проёмами дверей и окон, без балконов.

В Москву мы приехали сразу после ноябрьских праздников. В городе были развешены флаги и транспаранты. На вокзале мама купила мне книжонку про лису и зайца. Это была моя первая книжонка.

Из Москвы мы выехали на 2-е сутки. До Баку ехали четверо суток. Эта поездка была гораздо спокойнее, хотя вагон опять был общим. От этой поездки в моей памяти отложилось увиденное огромное количество повреждённой военной техники (пушки, танки, машины, самолёты), сложенной вдоль почти всей линии железной дороги. Видимо, её подтягивали для погрузки и отправки. Это было в ноябре 1946 года.

В Баку нас встречали Лёля и Саша. Сразу же проявилась моя отсталость от цивилизации.

Переходя трамвайную линию, я услышал скрежет колёс и трамвайный звонок. Недолго думая, я с криком : «Паровоз!» рванул в сторону. Саша успел схватить меня за руку. Они

засмеялись, а мне было страшно.

Приехав в Баку к родным, мы стали понемногу обживать. В 1948 году я пошёл в школу, в 1-й класс, окончил его с «Похвальной грамотой». В 1949 году, в день 70-летия И.В.Сталина, был принят в пионеры, а в 1955 году вступил в комсомол.

После 8-го класса стал работать на мебельной фабрике и учиться в 9-ом классе в школе рабочей молодёжи. С 1959 по 1962 год служил в Армии в г. Гродно Белорусского военного Округа. За три месяца до моей демобилизации меня отпустили в краткосрочный отпуск по телеграмме из Бакинского военкомата, в которой было сказано о тяжёлой болезни моей мамы. Когда я прилетел в Баку, она лежала в больнице. При мне ей была сделана операция, но болезнь была сильно запущена. Её состояние вызывало у меня тревогу. Комендатура несколько раз продлевала мой отпуск, сколько могла. В день моего вылета я попрощался с мамой и уехал в аэропорт. Когда я шёл на посадку в самолёт, услышал объявление по радио, где меня попросили подойти в диспетчерскую службу. Там мне сообщили о смерти мамы. Маме было 54 года.

После службы я вернулся в Баку, устроился на работу. В 1963 году поступил в Политехнический техникум на вечернее отделение. Техникум закончил с «красным» дипломом. Во время учёбы женился. Жена Валентина Алексеевна работала медсестрой в окружном военном госпитале Закавказья.

Работал в Нефтепромысловом управлении, а затем в управлении Каспийского морского пароходства (Каспаре), В это время у нас уже было две дочери: Ирина и Светлана.

В августе 1974 года мне со своей семьёй выпала счастливая возможность побывать в своём родном Хабаровске. Но сначала мы из Баку прилетели в Петропавловск-Камчатский по вызову моей третьей

двоюродной сестры (со стороны отца) — Надежды Сафроновны, которая задалась целью познакомить меня (узнав о моём существовании) со всеми родственниками со стороны отца, которые проживали на Камчатке, во Владивостоке и Хабаровске.

Через адресный стол она узнала моё местожительство в Баку, написала письмо.

А когда ей стало известно, что у меня уже есть семья, прислала для меня, жены и старшей 10-летней дочери Ирины вызов на Камчатку и денежный перевод на дорогу. Надо отметить, что въезд на Камчатку без документального вызова был запрещён. Мы оформили свои очередные отпуска и улетели. В Петропавловске мы познакомились с семьёй моего двоюродного брата. С ним я ездил на машине ловить красную рыбу (голец и хариус) удочкой на «муху» (это крючок с волосами). На Камчатке осталось в памяти восхождение на действующий Авачинский вулкан (высота 2741м) — 25 км от Петропавловска.

С группой туристов после инструктажа, ранним утром (чуть светало) мы пешком от лагеря отправились в путь. К полудню мы поднялись на вершину вулкана, над кратером которого колыхался столб едкой серы. Глубина кратера — 250 м, окружность -470 м. Погода в этот день была прекрасная. В бинокле был хорошо виден город. Спуск был быстрым, специальным способом.

Очень интересно было на комфортабельном теплоходе «Ильич», на котором мы вместе с Надеждой Сафроновной отправились из Петропавловска по Охотскому морю, Тихому океану до Владивостока. В течение 4-х суток нашего пути на теплоходе были просмотры фильмов, устраивались концерты, развлекательные игры с пассажирами.

Билеты по водному пути были у меня и моей семьи

бесплатные, так как я работал в Баку в Каспийском Морском Пароходстве и имел на это право.

После 2-х дневного пребывания во Владивостоке и познакомившись с роднёй и городом, мы на поезде приехали в Хабаровск. Я увидел Хабаровск большим, красивым. Он был неузнаваем. Нашего дома уже не было. Сохранился скелет кита в парке. Реки Плюснинки мы не увидели. Её пустили в трубу, а сверху разбили сквер. Нам показали школу, в которой во время войны размещался военный госпиталь, в котором умер мой папа.

Нам несказанно повезло увидеть в городе космонавтов. Это было во время нашей утренней прогулки на площади у парка, вблизи реки Амур. Мы увидели, как вдруг недалеко от нас остановилась чёрная «Чайка». Из неё вышли космонавты: Андриян Николаев, Валентина Терешкова и их дочка. Мы их легко узнали. Их сфоторафировали и они быстро уехали.

Наступил день нашего отъезда из Хабаровска домой. Родственники-хабаровчане нас тепло проводили на вокзале, где мы уже расставались с Надеждой Сафроновной. Ей предстояло улететь на курорт в Анапу, а мы поехали на поезде в Москву. До Москвы ехали 6 суток.

На пути был Байкал. Он расположен на высоте 455 м. В лучах утреннего солнца мы обозревали его с возвышенности, как голубую громадную чашу. Он был очень красив среди окружающих его гор. Тоннелей уже было немного, так как железная дорога проходила по новой ветке.

Из Москвы приехали в Баку. Наш очередной отпуск был незабываемым, и всё увиденное осталось в памяти.

После приезда я продолжал работу, но появилось желание уехать на Камчатку с целью заработать денег и перевести туда семью. Опять же по вызову, я улетел туда один. Нашёл работу в посёлке Паужетке, где была тогда

единственная в стране геотермальная электростанция. Но прожив там чуть больше года, вернулся в Баку.

Следующее желание было переехать с семьёй на местожительство в Ленинград. Но в городе мне это не удалось по разным причинам. Нашёл работу в воинской части в Ленинградской области. Через год, получив служебную квартиру, перевёл семью. Проработав некоторое время в воинской части, устроился на работу в исправительное учреждение в посёлке Форносово, где в то время работала моя жена. Вскоре в новом доме нам предоставили квартиру. После ухода на пенсию я работу не прекращал. Наши дети получили высшее образование, а две внучки — Марина и Диана — сейчас получают его.

С любимой женой Валентиной Алексеевной.

14 сентября 2013 года мы с Валентиной Алексеевной отметили в кругу близких родственников и друзей нашу «золотую» свадьбу.

Мои мысли о прошлом со мной всегда. Когда, в конце 2013 года, в Хабаровске случилась беда — сильнейшее наводнение, и люди всем миром стали оказывать помощь, я тоже не мог оставаться безучастным и послал в свой родной

город небольшую сумму. В ответ получил СМС-сообщение с благодарностью.

А в память о своей маме представляю вниманию одно из стихотворений, которые я посвящал ей, находясь на службе в армии в городе Гродно.

Маме

*Передо мною ты встаёшь, родная,
Как-будто прошлое мне надо оценить.
А оценю как прошлое, тогда я
Уже решу, как в будущем мне жить.
Всю жизнь мою мы были только вместе,
И горе со счастьем тоже испытал,
А иногда, забыв о нашей чести,
Вздыхали тяжко, на судьбу роптав.
Да, нас судьба не баловалась густо
И жизнь нам не давалась так легко.
В душе у нас частенько было грустно,
Весна вливалась не всегда в окно.*

*То время доброе в твоей нелёгкой жизни
Прервала своим ужасом война.
Обрушилась внезапно, как с крутизны,
И миг надежды бросила, смела.
И словно молния, блеснувшая с грозой,
Решив снести могучий дуб вконец.
Такой удар тебе рассчитан был судьбою.
Когда скончался муж твой, мой отец.
Ты крепко выстояла грозные те годы,
Справляясь с непосильнейшим трудом.
И сквозь несчастья, голод, непогоды
Ты думала лишь только об одном,*

Моё не раз за день шептала имя,
Стараясь как-то теплоту вложить,
И уж тогда решила, что во имя
Меня должна работать, биться, жить.
Хотела видеть крепким и здоровым,
Не знавшим горя, на протяжении лет,
Чтоб к жизни был не лёгким, а суровым
И с человечностью всегда смотрел на свет.

А время шло, летело с быстротою,
И я с тобою рос не по годам,
Держались крепкой, дружною семьёю,
А может просто так казалось нам?
Забот, родная, у тебя не уменьшалось,
Ведь ты всегда трудилась за двоих
Минут свободных мало доставалось,
Привыкла обходиться ты без них.
Ты утром поднималась очень рано
И, не поев, как следует всегда
Бежала на работу, как ни странно
В твои совсем не старые года.
К концу работы очень уставала.
Но время не было передохнуть.
Летела на базар, потом с базара,
Домой казался очень долгим путь.

Придя домой опять бралась за дело,
Поглядывая косо на часы.
Хотелось так, чтоб быстро всё успела,
Прийти с работы скоро должен сын!
И как ты всё, не знаю, успевала:
Прийти домой, обед сварить, убрать,
И наперёд меня, конечно, знала,

Что не удастся рано лечь в кровать.
И шла так жизнь твоя, полна заботы,
Для сына не жалела своих сил,
А сын что делал, приходя с работы?
Ценил ли он тебя, иль не ценил?
Так ты скажи, моя родная, смело,
Скажи всю правду честно, не тая:
Таким я стал, как ты хотела,
Мечтала видеть в будущем меня?

Твой сын Виталий.
Гродно, 1960г.

Трофимова Надежда Сергеевна: «Всё, что сердцу дорого, припоминаю...»

9 мая 1945 года... Его на всю жизнь запомнили и взрослые и дети тех лет, и у каждого остались свои воспоминания.

Мы жили перед войной в маленькой деревушке Боги Невельского района.

Придя из школы, я отправилась в поле помогать маме. Женщины работали недалеко от нашего дома. Я взяла лопату и стала копать непаханную три года целину, израненную воронками, траншеями, превращенными в дороги. Яркое светило солнце. Женщины шутили и смеялись. Все ждали конца войны и фантазировали, как они будут встречать мужей.

А писем от мужей не было никому. Вдруг из-за кустов показался бригадир. Он спешил, прихрамывая, почти бежал к нам. «Что случилось?» — забеспокоились женщины. «Война кончилась!» — закричал он издали. Все побросали работу, бросились к нему навстречу, стали обниматься, целовать друг друга, кто запел, кто заплакал.

«Откуда ты знаешь» — спросила тетка Настя. — «Почтальон в соседней деревне, в Лемешах сказал.» День клонился к вечеру. Успокоившись, женщины закончили работу.

«Пойдем после ужина в Лемешах к Ваське Евтуху — сказала мама, — он все знает, газету получает». Вечером в маленькую хатку колхозного счетовода Василия Евтухова, набилось столько народу, что дышать было нечем. Я не помню о чем говорили, но газеты с важной вестью еще не было. Домой мы возвращались поздно, шли быстро. О чем думала мама, я не знаю. Наверное, мечтала о долгожданном письме от отца.

А я думала о том, что все страхи позади и никто не

направит в меня страшное оружейное дуло. И вспомнился мне первый день войны, когда в понедельник утром я проснулась и не сразу поняла, почему я сплю на родительской кровати. Мы жили в деревне и в воскресенье еще не знали, что бомбят наши города, горит Киев, сражается Брестская крепость.

Нарочный с повестками прискакал на лошади ночью с приказом срочно явиться в военкомат.

Женщины ночью повезли своих мужей в Невель, который находился за 25 км от деревни.

Утром в дом вошла бабушка, увидела, что я проснулась, и сказала: «Внученька, война! Мамка папу в Невель на войну повезла.»

Немцы продвигались быстро и уже в августе заняли наши края. В соседнем лесу разбили целую нашу армию. Так уверяли старожилы. Многие солдаты успели попрятаться кто где. Было время жатвы и женщины как могли убирали гибнущий хлеб, чтобы не умереть с голоду. Уходя из дому, мама набирала разрезанных холстов, дорожника и еды. Во ржи были раненые, они просили бинтов и йоду, но где это взять в оккупированной деревне.

Поэтому лечились таким образом. А ведь за помощь раненым солдатам жителям грозил расстрел. В нашей маленькой деревушке немцы не стояли. У нас днем была немецкая власть, они хозяйничали, а ночью советская, партизанская. Одного из раненых мама привела домой. Он жил у нас неделю. Вылечился, отремонтировал нам русскую печь и успел уйти к партизанам. Но кто-то донес немцам. Явились каратели. Маму поставили к стенке вместе с нами.. Я и сестренка Шура стояли уцепившись за юбку, а маленькую Люсю мама держала на руках. Заступился знакомый полицей, наверно это был наш человек. А раненый солдат был Николай Зайцев. Москвич, 25 лет от роду.

Так мы остались живы в первый раз.

Запал в душу и второй случай. Зима 1941-1942 года. Немцы решили в тот день в нашей деревне забрать всех коров на мясо. Об этом узнали партизаны, пришли ночью и всех коров забрали, кроме нашей. Мама упростила оставить, ведь моя сестренка была еще грудной. Днем явились немцы и стали выяснять, почему не забрали нашу корову. Заподозрили в связи с партизанами. И опять нас поставили к стенке. Но корова была очень капризная и мама смогла уговорить их попробовать вывести ее из сарая. Корова здорово заупрямилась, чем и спасла нас. В следующий приход партизан, мама сама вывела ее из сарая.

В нашей маленькой деревушке Боги было двоевластие. Днем хозяйничали немцы, ночью — партизаны. Особенно доставалось нашему старосте Андрею Артемовичу Божкову. Ему надо было и немцам угодить и партизанам помочь. Вначале осени 1943 года немцы выселили нас из домов. Попытав все, что было можно, мы покинули свои места.

Маму вместе с нами, детьми, подобрали немцы и увезли в Белоруссию, на станцию Бычиха.

Там был пункт сбора для отправки в Германию. Всех выгрузили, поместили в какой-то хлев и закрыли. Мама, чудом, вместе с нами выбралась оттуда. Она постучалась в дверь, и часовой, небольшого роста, но не в немецкой форме, выпустил нас и мы ушли. Начались наши долгие скитания по Езерищанскому району, без одежды, без еды. Приближалась зима. Иногда приходилось ночевать в лесу. Мой старший сын Валера как-то спросил меня:

- Мама, а как вы спали зимой на снегу?

- Наломают взрослые еловых веток, накидают на снег и спим.

Грязь, вши были постоянными нашими попутчиками.

Помню, как однажды у деревни Малашенки решили женщины истопить баню. Обычно мы держались небольшими группами по три семьи, иногда больше. Выполнять решение отправились две женщины. Остальные были с детьми. В бане все оказалось на месте: и ведра, и дрова. Женщины наносили воды, затопили печь, подложили побольше дров и возвратились обратно. Как нам хотелось помыться и побыть в тепле! Дождавшись темноты, вся наша компания побрела к цели. Каким же было наше разочарование, когда мы увидели в маленьком окошке бани свет, а из бани доносилась немецкая речь! «Воду выльют всю, но потом хоть вернемся и переспим в тепле» — решил кто-то. Так и поступили.

Приближалось освобождение. Уже был слышен звук кононады и по ночам видны зарева пожарищ. Немцы по приказу Гитлера уничтожали все и всех. Мы спрятались в ток, стоящий в стороне, и взрослые дежурили по очереди. Было видно, как немцы снимают провода.

«Отступают» — радовались взрослые и мы. На второй день — затишье. К третьему дню кончились все скудные запасы еды и воды. А кононада и пожары уже совсем рядом. Вдруг со стороны леса показалось трое людей в масхалатах. «Немцы»-предупредила нас заметившая их женщина. «Точно. Сожгут нас сейчас»,-сказал кто-то. Взрослые засуетились. Дети заплакали. Женщина снова выглянула в щелочку и закричала:

— Наши!!! У них звездочки на шапках!

Трое наших разведчиков зашли в ток и начали расспрашивать, есть ли немцы в деревне. Мы ответили, что их не было видно уже третий день. Нас предупредили, чтобы мы быстрее бежали на станцию Бычиха, там уже наши. У соседки были саночки, мама взяла маленькую сестренку Люсю, одной рукой помогала тащить санки, а другой держала среднюю Шуру. Меня тащил сын этой женщины, ему было, наверное, лет 10. Так мы бежали задыхаясь по глубокому снегу к шоссе

Ленинград-Киев на станцию Бычиха. По шоссе сплошным потоком двигалась наша техника, в обе стороны. Нас заметили стоявшие на дороге военные и бросились на помощь. Один из них, похоже офицер, схватил меня своими крепкими руками и понес.

Напуганная воспоминаниями о немецкой оккупации, я изо всех сил закричала:

— Фашист противный, пусти меня!!! Мама!!! Мама!!!

Я вырывалась, била его ногами и руками, а он уговаривал меня:

— Девочка, миленькая, как же ты напугана! Посмотри на меня, у меня же красная звездочка на шапке.

Что-то кричала мама, но я ничего не слышала. Он вынес меня на шоссе и поставил возле мамы.

Самым первым моим желанием было увидеть нашу «Катюшу». Я до сих пор не могу забыть, какой ужас она наводила на немцев. Техники двигалось по шоссе много, но чего-то очень большого и страшного, рисующегося в моем воображении, не было. Я стала теребить за подол маму и спрашивать:

— А которая здесь «Катюша»?

Мама тоже не знала. Она подошла к моему спасителю военному и спросила:

— Миленький, скажи, тут есть «Катюша», девочка интересуется.

Он посмотрел на меня, на вереницу машин и сказал:

— Вот она.

Я удивилась, какая же это «Катюша», обыкновенная новая машина, крытая, я таких много и у немцев видела, значит обманул он меня, а еще сказал, что советский.

Мама обратилась к нему с просьбой, чтобы он помог нам

добраться домой. До дому было 30-40 км. Недалеко стояла девушка-регулировщица. Она помогла погрузиться нам в машину, которая шла по другую сторону озера через деревню, где жила мамина сестра. Увидев нас в окно, тетя Анна выбежала навстречу, заплакала, запричитала:

— Матренка, милая, а мы думали, что вы все погибли! Но ко мне сейчас нельзя, в доме живет большое начальство.

Она быстро убежала в дом и вернулась с разрешением. Нас усадили на печь, «большое начальство» побеспокоилось, чтобы нас накормили ужином. А утром мама и старшая дочь тети Анны Шура на саночках отвезли нас домой. Наш старый дом уцелел, а новый, перевезенный после смерти бабушки Марии сгорел. В нашем доме жили три семьи погорельцев, и мы поделились с ними жильем.

Вот так пришла долгожданная свобода в самом конце декабря 1943 года.

Бедра продолжается

Фронт отодвинулся. Не свистят больше пули, не рвутся снаряды. Грянула новая беда.

Коварные инфекции — тиф, паротит, гепатит, голод начали уносить новые жертвы. Заболели гепатитом мои сестренки. Первой скончалась средняя Шура, за ней Люся. Я выжила, но помню, как меня мучили желудочно-кишечные инфекции. Мама поила меня крепким раствором поваренной соли, ведь медицины не было никакой, лекарств тоже. А если в Невеле и было что, то туда трудно добраться голодным, раздетым, разутым людям. Умерла у соседки тети Даши средняя дочь Маруся и свекровь. У нашего бывшего старосты дяди Андрея умерли родители, а самого его КГБ оправдал и взяли в армию. Через месяц его ранило и он вскоре вернулся домой и прожил долгую жизнь.

Нищета, голод, вши продолжают свирепствовать. Нет ни мыла, ни соли, ни спичек. Чтобы постирать белье или помыться в бане, мама ставила в печь большой чугунок, засыпала туда золу и этим щелоком стирали и мылись. Хлеб пополам с травой и мякиной пекли несоленый, а в суп бросали щепу от просоленных бочек из-под мяса. Как только показалась первая зелень, мы убегали в поле, собирали цветоносы от хвоща, щавель и все, что можно было есть.

Они из штрафбата

Я низко склоняю голову перед всеми павшими в ту войну, в том числе и перед штрафбатом и сегодня мне вовсе не хочется рассказывать об этом. Был и третий случай, когда наша жизнь висела на волоске.

Это было тоже зимой, года я не помню. Я проснулась на русской печке и попросила кушать.

Мама попросила подождать, и в этот момент я увидела, что по улице кто-то ходит. Я сказала маме, но она усомнилась, кто может ходить в нашей маленькой захолустной деревушке.

И вдруг стук в окно. Партизаны. Мама впустила их, набился целый дом в белых масхалатах.

И не только наш дом, а еще и два рядом. Шел целый отряд и остановился на целый день, вернее спрятался у нас в деревне. Мама стала быстро жарить картошку на буржуйке и кормить их. Потом она очень просила отпустить нас через лесок в такую же маленькую деревню, где тоже не было немцев. Но нас не отпустили. В обед мы увидели из соседней деревни идут каратели. Но нас все равно не отпустили, а сказали рыть траншею в снегу. «Какая траншея? — сказала мама — Все равно всех убьют». Но не доезжая метров 150 до нашей деревни они повернули к белорусской границе. Там, в деревне Синяки произошла трагедия. Каратели сожгли всю

деревню, людей согнали в сарай и тоже сожгли. Выскочила одна четырнадцатилетняя девочка. В нее выпустили автоматную очередь, ранили. Она упала. Когда очнулась, было уже темно. Сарай догорал, ни стонов, ни воплей уже не было слышно. Догорала и деревня. Ползком по снегу она добралась до соседней. Ее вылечили и она прожила долгую жизнь. А каратели обратно поехали другой дорогой. Вечером отряд собрался уходить.

Женщины обратились к командиру, что сказать немцам, ведь они обо всем узнают. Командир ответил, чтоб сказали, что отряд был большой и очень хорошо вооружен.

Немцы не заставили себя ждать, явились через два дня. Нас спасло то, что все говорили одинаково. А еще, что никого не выпускали. Это мог подтвердить брат старосты, который пришел к нам и просидел до вечера, пока они ушли. Так мы спаслись и на этот раз.

Было и еще много страстей за два года оккупации, но об этом не хотелось думать в такой счастливый день, когда пришла весть, что закончилась война.

Об этой истории я вспоминать не люблю, но и замалчивать не хочу.

Это случилось в том же 1944 году. Фронт остановился где-то под Витебском, но нас уже ничто не беспокоило, было тихо. Однажды зашли к нам в дом четверо солдат с винтовками и остановились на ночлег. Пробыли они у нас наверное трое суток. Пока мама дома, все хорошо, тихо. Как только мама уходила из дому, чтобы хоть что-то раздобыть поесть и себе и им, один из солдат брал винтовку и целился в меня. А я ведь была пуганная, орала от страха изо всех сил, до посинения, а они хохотали. Если мама оказывалась близко и прибегала в дом, он быстро ставил винтовку на пол и начинал чистить ее. Мы, дети войны, были страшными молчунами, и я

очень боялась, что если пожалуюсь маме, они застрелят и меня и маму.

Когда мамы не было близко, я орала очень долго, а они хохотали, пока им не надоедало.

Так продолжалось несколько дней, пока, видимо, кто-то из жителей не донес, потому что явились военные и их арестовали. Мама спросила:

- Кто они такие?

- Из штрафбата.

- А что им будет?

- Расстрел, последовал лаконичный ответ. И тогда я, наверное, в первый и последний раз порадовалась. У меня остался тяжелый осадок в душе от встречи с этими штрафбатовцами, хотя я понимаю, что среди них было и много настоящих героев.

Долгожданное лето

Как нам, детям, хотелось на улицу! Но босоногие, раздетые, мы сидели на печке и любовались на первые проталинки из окна. Ждали, когда же придет это лето?

Мы — это я, двоюродная сестра Маруся, ей было 6 лет и ее шестилетний сосед Колька.

И вот наступило лето. Черными пятнами зияли пепелища сгоревших домов. Там мы особенно любили копаться, собирая обгоревшие гильзы, патронташи, расплавленные стекляшки — все, что попадалось в руки. Свою добычу мы превращали в игрушки, а вечером, чумадые, полуголодные забирались в свою постель на самотканый матрас, набитый соломой и укрывались такой же самотканной дерюгой. А наши матери в это время залечивали военные раны земли. Вначале шли минеры, бригада за бригадой. Их было много. Потом шли

женщины с лопатами. Они засыпали окопы, воронки, траншеи, убирали и равняли колеи ненужных заезженных дорог. Разминировали и приводили в порядок и свои огороды. Вспоминаю, как мама привела в огород к траншее минеров и они вытащили оттуда целую кучу снарядов.

Только после этого мама зарыла траншею и мы посадили картофельные очистки. Я не помню, какой был урожай, только как сажали.

А мне больше всего хотелось луку и только луку. Я очень просила посадить лук, на что мама отвечала: «А где взять семян?» Все же удалось раздобыть несколько луковиц, люди тогда делились последним. Помню, что эта жажда лука длилась у меня до 1954 года.

Израненную землю копали лопатами или женщины впрягались в плуг. Прихватив саперные лопатки, а их много валялось в земле, мы бежали в поля ко взрослым и старательно копались в земле под их одобрительные слова. Если они тянули плуг, то нам тоже давали по веревке, а мы спрашивали: «Ну что, легче вам стало?» «Легче,»-отвечали они, улыбаясь.

Так и провели мы свое первое после оккупации лето, то в поле, то на пепелищах.

Приближалась осень. Наши матери однажды тянули свою урочную веревку, вспахивая поле под озимую рожь. Вдруг, откуда — то в воздухе появился самолет- кукурузник. Видимо, летчику очень хотелось посмотреть, что делают женщины. Он спустился очень низко, открыл кабину и стал, улыбаясь, делать над ними круги. А женщины, польщенные таким вниманием побросали веревки и пустились в пляс, смешно выбрасывая ноги.

Убранные снопы скудного урожая свозили на ток, расположенный в нашей деревне и молотили. Понемногу и

приворачивали, чтобы не умереть с голоду. Не помогали и суровые законы. За эти украденные крохи действовала строгая круговая порука, да и местная власть относилась снисходительно, смотрела сквозь пальцы.

Прошла зима. Приближался долгожданный день Победы, 9 мая 1945 года.

Здравствуй, школа!

Приближалось 1 сентября 1944 года. Правительство, видимо, побеспокоилось, чтобы на бывшей оккупированной территории открылись школы. В конце августа к нам в дом явилась известная всей округе учительница начальной школы Макарова Евдокия Яковлевна, чудом уцелевшая в оккупации. Не знаю, что ее спасло: то ли что она была дочерью священника и брат ее священник, то ли их просьбы, чтобы люди не выдавали. Она была уже очень старенькая, да и учитель так себе. Трое ее грамотных детей (дочь и два сына) всю войну провели в партизанах, но об этом никто не знал. Ее старший сын Николай потом дослужится до Кремля. В помощь ей прислали молодую симпатичную учительницу Моторину Нину Никифоровну. Школу открыли в деревне Дубинино в двух хатах, т. е. школа в войну сгорела.

Учеников набралось много, особенно переростков. Мне пришлось учиться в хате бывшего старосты. Его посадили на 25 лет, в доме остались его жена и сестра. Писать было нечем и не на чем. Единственный старенький букварь на 40 человек был у учительницы Евдокии Яковлевны. Приходилось везде искать обрывки бумаги, старые книги, немецкие бланки.

Очень долго писали карандашами, которые кое у кого находились, ими делились, писали по очереди, но учились с большим желанием. Был небольшой школьный огород, засаженный картошкой. Ее выкопали и учительницы хранили

до конца зимы, а потом варили в печке и на перемене высыпали нам на столы. Доставалось по 1-2 картошины в мундире, кое-кто из ребят умудрялся припрятать побольше. Это продолжалось все четыре года.

Со второго класса уже начали появляться кое-какие учебники, по одному на деревню.

В первом классе я пропустила всю зиму. Из нашей деревни я была одной ученицей, ходить надо было 3—4 км, а у меня ни обуви, ни одежды. Но с наступлением весны я расплакалась: «Хочу в школу!» И меня не только взяли, но и перевели во второй класс, в котором я училась неважно, сказывались длительные пропуски. Вместо карандашей начали писать заостренными палочками, некоторые доставали и ручки с перьями, чернила были самодельные, из крушины. Помню, в 3-м или 4-м классе прислали набор картин диких животных и несколько художественных книг, среди которых были книги о Ленине, Путешествия Гулливера в страну Лилипутов и Великанов и другие. Как мы радовались тогда, глядя на красивые плакаты!

Я прочла обе эти книги — сначала о Ленине, потом про Гулливера.

Осенью 1945 года вернулся отец Василий, испытав все ужасы 2-й ударной армии, пройдя несколько фашистских лагерей, весь потрепанный, истерзанный, он включился в колхозную работу. В то время, когда я читала про Гулливера, он был на лесоразработках, а мы с мамой, забравшись на печь, при свете коптилки, читали вслух. Вернее читала больше я, мама читала хуже, поэтому больше слушала.

Летом, 26 июля 1946 года, у меня появился маленький братик Витя, так что моя свобода кончилась, я усердно нянчила его.

Надежда, мать, отчим и брат, 1948 год.

Начальную школу я закончила в 1948 году и дальше нас перевели в Усовскую семилетнюю школу. Ходить в нее пришлось за пять км. Я с горечью вспоминаю то лето 1948 года.

О, наша маленькая деревенька Боги, чего ты только не повидала на своем веку! Вышел приказ об укрупнении деревень и сносе мелких. Приехали из района, разломали на наших домах соломенные крыши и пришлось переселяться в деревню Лемеши. Еще вся страна лежала в разрухе, а тут такое. Отец с матерью перевезли на новое место вначале баню, где мы одно время жили, а из хлева и нашего старого дома стали строить дом. К зиме сложили печь и в нем можно стало жить, хотя достраивать пришлось еще несколько лет. Я сейчас задумываюсь: насколько оправданы были эти действия? С одной стороны страшная послевоенная разруха, а с другой, наверное, продуманная цивилизация. Ведь в деревню

начали проводить радио, свет. Нужны были укомплектованные деревни. Кто прав? У меня нет ответа.

Но вернемся к школе. Что я не сказала о своей начальной Рыжаковской?. Это было в третьем классе. Пришла вторая учительница из соседнего дома и сказала, что нас всех будут принимать в пионеры. Она рассказала, каким хорошим, образцовым должен быть пионер, и нам каждому прикололи пионерский значок. Галстуков у нас в ту пору не было, не хватало материала, но мы очень гордились новым званием и старались быть образцовыми.

А в новую школу моя дорога стала на полтора км дальше от дома, т. к. новая деревня была дальше.

На горке в деревне Усово

1948 год. Усовская семилетняя школа находилась на стыке двух деревень — Усово и Кондрашиха, которые находились на горке и были далеко видны. Я не помню, как я туда поступала, но в 5-ом классе мы учились в частном доме и классным руководителем была Лидия Константиновна Пряникова. Этой женщине мне хочется низко поклониться. Родом она из деревни Лемеши, куда мы переселились. Молоденькую выпускницу, получившую диплом с отличием, оккупация застала в этой деревне. После оккупации она немного работала учителем русского языка и литературы. Но этот 1948-1949 год был последний в ее педагогической работе: сначала оккупация, потом КГБ сурово распорядились ее судьбой, и следующая ее работа до пенсии была заведующей сельмагом в Усове.

Я же в пятом классе много болела, училась плохо и осталась на второй год. К новому учебному году была прислана целая бригада молодых учителей, наверное, это был первый послевоенный выпуск. Я за лето окрепла, учеба моя

пошла хорошо, даже троечки были редкими, а в основном четверки и пятерки. Учились мы уже в большой школе, я не помню, когда она была построена, четыре больших класса, по два с каждой стороны, посередине коридор, в котором была отделена учительская. В том учебном году мне запомнилась новогодняя елка, первая в моей жизни. Полуголодные, разутые, раздетые, о каких елках мы могли мечтать! И вдруг нам объявляют, что 31 декабря на 1 января мы будем встречать новый 1950 год. А чтобы украсить елку, нужно принести в школу самодельные игрушки, кто что умеет сделать. Работа закипела.

Я помню склеила цепочку из цветной бумаги. Готовились номера для выступления. Начались зимние каникулы и мы, собравшиеся у моего дома ребята из окрестных деревень, вечером 31 декабря отправились в школу. Паренек — семиклассник из нашей деревни Ваня Пряников — брат Лидии Константиновны — сказал мне и подружке Маше по секрету, что он будет Дедом Морозом. Школа нас встретила как-то по особому торжественно. С западной стороны перегородка между классами была разобрана, получился большой зал. Под потолком ярко горели четыре 25-линейные лампы. В дальнем углу стояла елка. Мы подошли к ней и встали, зачарованные её красотой. Чего тут только не было! Особенно ярко блестели игрушки-поделки из ячменной соломы, дождики, цепочки-гирлянды, фонарики. Нарядно смотрелись фигурки птиц. Я не знаю, кто их сделал, но нам казалось, что они живые, вот-вот выпорхнут и улетят. Начался вечер. Учитель географии играл на гармошке, девочки из нашего класса исполнили танец снежинок. Как нам хотелось тоже принять участие, но взяли только тех, кто мог достать белое платье. Я на этом вечере прочла стихотворение С.Я. Маршака «Рассказ о неизвестном герое». Прочла, наверное, очень эмоционально, потому что сразу после окончания раздалось несколько ребячьих голосов:

— А дальше что?

Выручила новая учительница русского языка и литературы Тамара Даниловна Никитина. Она сказала, что это все, а неизвестного героя милиция найдет обязательно. Дед Мороз подошел ко мне и, улыбаясь, достал из маленького мешочка, висевшего на руке, фруктовую конфетку в синем фантике. Я пихнула ее в карман. Мы уже танцевали последний танец «подэспань», когда дверь распахнулась и на пороге появился мой отец. «Ну, будет мне, — подумала я — мама не велела долго быть». А он посмотрел на меня и улыбнулся, дескать, все в порядке. Я подошла к нему и сказала, что будет еще последний вальс. Отец обещал подождать и велел сказать ребятам с нашей стороны, что он приехал на лошади и нас всех заберет. Шумной гурьбой мы забрались в сани, кто полусидя, кто стоя, и лошадь рысцой тронулась к дому.

А утром проснулся мой маленький братик Витя и разбудил меня. Я достала из кармана конфетку и протянула ему. Он быстро развернул ее и всю сразу запихал в рот. А мне так хотелось хоть чуть-чуть, хоть маленький кусочек попробовать, или хотя бы разочек лизнуть языком!

Но разве могла я обидеть маленького братика. Вскоре после этого нового года у меня появляется еще один братик — Володя.

А школьные дни шли своим чередом. Мы учились, переходили из класса в класс, помогали колхозу, ходили школой собирали семена клевера, сосновые шишки, золу. Летом мы работали в колхозе, пололи, заготавливали сено, сносили снопы.

А как мы умели играть! Любимыми играми были прятки, лапта, вышибала и многие другие. Мячей не было, поэтому, когда выгоняли скот в поле, коровы линяли и нам из их шерсти родители скатывали мячи. Вместе с нами по праздникам в

играх принимали участие и взрослые. Это чаще случалось на пасху. Мы затевали игру на горке, посреди деревни, на только чуть-чуть просохшей дороге. Обычно это была лапта. К нам подходили взрослые и просили их принять в игру. Они сговаривались по двое и игра продолжалась. Как нам было интересно играть с ними! Мы маленькие, ловкие, шустрые, успевали везде, а из-за них вечно проигрывали, смеялись над ними, язвили. Но они не обижались и позволяли нам это, и игра продолжалась по несколько часов. Играли всегда и в школе на перемене. Напротив школы был пустырь, на котором хорошо было играть в лапту, а чтобы не опоздали на урок, дежурный должен был выходить на крыльцо школы и громко звонить. Учитель физкультуры начал там строить дом, он сжигал мусор и однажды мяч залетел за потухший костер. Я пробежала по нему, внутри были горячие угли и я сильно обожгла босые ноги. На уроке геометрии я не могла сидеть, вертелась. Узнав об этом, классный руководитель Петр Владимирович Кавский, прозванный нами «Комун», отправил меня в фельдшерский пункт, который уже к этому времени был организован недалеко от школы.

Милые, славные наши учителя! Как вы заботились о нас, как берегли. Сушили у печек наши промокшие испачканные пальтухи. По вечерам, особенно осенью, до полдороги провожали домой после второй смены, спасая от волков, которых было очень много в округе. А вот, что случилось однажды. Ближе, чем на полпути к школе, протекал небольшой ручеек.

Вместо перехода через него были набросаны ольха, осина и другой кустарник. У нас, девочек, с мальчишками шла постоянная борьба за переправу, мы старались не пропустить ребят, а они нас. Однажды мальчишки захватили ее и мой двоюродный братец Шура Заблоцкий закричал на всю округу: «Девки, кто хочет топиться, подходи!» Такие потасовки всегда

кончались миром, и мы дружной гурьбой шли дальше, где уже начиналась большая дорога «большак». А на завтра в школе, на уроке физики, директор школы Константин Ефимович Сухомехов вызывает Шуру к доске и, улыбаясь, спрашивает: «Ты мне вот что ответить, Заблоцкий, кого ты вчера из девочек хотел в речке утопить?» Вопрос был задан с юмором и мы над Шурой просмеялись, наверно, половину урока. Так мы и узнали, что кто-то из учителей идет за нами. А в этом ручейке и воды-то было только ступни намочить.

Устраивали викторины, литературные вечера. Всему, что есть в нас, мы обязаны вам и только вам. И сегодня я склоняю голову перед вашей светлой памятью.

Добрая моя старенькая школа! Бывая в тех местах, я заглядывала туда, встречаясь со своим детством, но последние годы мне не пришлось бывать там. В июне 2012 года исполнилось 60 лет нашему выпуску, а в последних числах мая я с братьями приехала туда навестить родовой погост. Конечно, я решила навестить и школу. Какое же было мое удивление, когда я шла по деревне и не узнавала ее. Исчезло несколько старых домиков, а школа — я не верила своим глазам и ничего не понимала. Передо мной предстало новое двухэтажное кирпичное здание, обнесенное хорошим забором из металлических прутьев. Да, я слышала дома по телевизору в 2007 году, что в Псковской области горят школы, вспомнила про свою, но сразу мысль отогнала прочь. И что же? Директор, завуч и учителя меня встретили с такой любовью, что я не могу описать! Они наперебой рассказывали, что прежняя школа сгорела, а еще раньше сгорела Рыжаковская начальная, вместе с Усовской сгорела и Дубининская, расположенная на шоссе Ленинград-Киев в деревне Лобок, на границе с Белоруссией.

Как учителям было трудно, детей учили, где пришлось. Но вместо трех сгоревших построили нынешнюю одну. Сейчас автобус возит ребят со всей округи за 12-15 км. Учеников

мало, всего 50 человек. Деревни вымирают. Директор школы местная. Они проводили меня до самого погоста, а я шла и думала: «Прощай, моя старушка-школа, прощай, мое детство!»

Это лирическое отступление. Но возвращаюсь к нашей послевоенной жизни. У отца появился огромный немецкий конфискованный конь — тяжеловоз и отец все время работал на нем. Но иногда, очень редко, работали на лошадях и мы, дети. Везили навоз, сено, снопы.

Конь был большой, тяжелый, двигался медленно и я вечно была «гонцом» среди ребят, т. е. последней. Работы проводились и на быках, даже пробовали запрягать коров, но потом от этого отказались.

А чтобы достроить дом, мама иногда тайком гнала самогон, хотя за это наказывали.

Часть самогона шла на угощение тех, кто помогал на строительстве, а часть мама носила продавать на станцию Езерище. Моей двоюродной тете Дарье за самогон дали два года тюрьмы. У нее остались трое детей-подростков. Они одни управлялись с домом и с хозяйством. Ведь мы, дети войны, все умели. Написал кто-то донос и на маму. Под вечер явился милиционер, молодой человек, с двумя понятыми. Мама шепнула мне, чтобы я быстро в сарае засыпала перегнанную брагу в бочке с кормом для скота. Когда я вернулась в дом, понятых уже не было. На окошке за занавеской стояла найденная бутылка самогону, но молодой парень не выдал. Он отпустил понятых, а маме шепнул тихо: «Ты, тетка, не нас бойся, ты соседа бойся. Сосед не напишет, мы не приедем.»

Мой дед Иван и отец Сергей были большими любителями рыбной ловли и в доме часто была свежая рыба. Отчима Василия это занятие не прельщало и мама решила пойти на хитрость. Она подговорила бригадира Захарова Михаила, известного на всю округу рыбака, поставив ему

бутыль самогона, чтобы взял мужа на озеро на подледный лов. Михаил помог Василию приготовить снасти и рано утром они вышли из дома. К вечеру вернулись довольные и с добычей. Так отец (для меня отчим заменил отца) на всю жизнь заразился рыбалкой.

Когда мы приезжали в отпуск, всегда угощал свежей рыбой.

Колхозы начали понемногу набирать силу, строили хозяйственные постройки, заводили скот, появилась различная сельскохозяйственная техника. Каждый колхозник должен был от своей коровы подрастить и сдать теленка в колхоз, сдать государству 308 литров молока, 430 кг мяса, 50 яиц, не помню, сколько шерсти, выплатить 1500 рублей налога, примерно столько же займу, не зарабатывая ни копейки. Сами голодали, а все несли на рынок, иначе за недоимки уведут со двора последнюю корову. Я часто по выходным ходила в Невель за 25 км продавать масло, яички, творог. Чтобы выкупить учебники, тетради, собирала ягоды: малину продавала в Езерицах, бруснику принимал сельмаг.

И все же самым большим событием в деревне был приезд кинопередвижки. Ее перевозили из деревни в деревню и устанавливали в самой большой избе. Так я впервые познакомилась с кино. Это было в 1945 году. Вечером вместе с мамой я отправилась из своей деревни Боги в Лемешы. Огромная хата Фирсовых была полна народу. Заработал двигатель, и вместо копилки под потолком вспыхнула электрическая лампочка, на стене висел белый экран, цена билета была два сталинских рубля. Вначале пустили журнал «Новости дня», а за тем фильм «Трактористы». Это был первый фильм в моей жизни! Сколько потом было разговоров, обсуждений и у взрослых и детей. Впечатлений хватило на целый месяц. А через месяц привозили новый фильм. Фильмы стали показывать днем в школе, но там они шли на день позже,

чем в нашей деревне, и я не ходила, не было денег. Милый, добрый мой учитель Петр Владимирович, никогда не забуду те два рубля, которые он отдал мне, чтобы я еще раз посмотрела фильм «Константин Заслонов»!

Начался отток молодежи из деревни в город. Паспорта не отдавали, но люди умудрялись их получить и уезжали. Закончила школу и я. К этому времени я твердо решила: буду поступать в медицинское училище в Невеле на фельдшерское отделение. Вступительные экзамены я сдала успешно: русский язык письменно и устно на 5, математику устно и письменно на 4.

В Невеле

И вот я зачислена в училище. Стипендия была 140 сталинских рублей. Ее всю у меня забирали родители, и я каждый выходной в любую погоду ходила домой. Мне с собой давали буханку своего хлеба, картошин да небольшой кусочек шпика и три рубля денег. Первый год я училась хорошо, успешно сдала сессию, прошла практику. Потом успеваемость стала снижаться. Что особо запомнилось мне в этот год? Это смерть Сталина. Весь Невель рыдал, но я не уверена, все ли рыдали колхозники. И все же хочется сказать, что это была большая потеря для нашего государства.

Холодное лето пятьдесят третьего

После смерти Сталина была объявлена большая амнистия. Тысячи заключенных вышли на свободу. Это не прошло бесследно. Один случай мне хочется описать, который случился в Невеле. К сожалению, я не знаю фамилии этих людей. Началась эта история задолго до амнистии в городе Ленинграде. Один инженер золотых приисков, лет пятидесяти, жил с женой и взрослым сыном. Он провинился на работе и

ему грозил суд с конфискацией имущества.

Он разводится с женой и женится на молоденькой студентке художественного училища. Его осудили, имущество конфисковали. Она, беременная, бросает училище, переезжает в Невель, снимает квартиру у заведующего горно, рождает двойню. Учителей было мало и заведующий устраивает ее учительницей рисования в школу. Ей дают квартиру, она нанимает няню из деревни, расположенной в 17-ти км, и жизнь идет своим чередом. Девочкам-двойняшкам уже идет по четвертому году. И вдруг амнистия. Мужа выпускают из тюрьмы, он приезжает в Невель, няню отпускают на несколько дней домой, а сами идут на прогулку. Он приводит ее на станцию, вскакивает в проходящий поезд и говорит, что уезжает к первой жене. Это случилось в последних числах апреля 1953 года. Стояли жаркие дни. Бедная женщина решила с горя утопиться вместе с детьми в речке Еменке, которая протекает через Невель, но там было много купающихся людей. Она пришла домой, зарезала обоих детей и сильно порезала себе вены. А бедная няня, почувствовав что-то неладное, ночью побежала из дома в город. Рано утром она была уже у знакомой квартиры. Дверь никто не открыл, но через неплотно закрытую занавеску она увидела кровь, быстро позвала дежурившего у банка милиционера. Мать удалось спасти, а у меня до сих пор в памяти иногда вырисовываются эти невинные крошки. Мне в это время довелось быть на практике в морге. Две маленькие головки — одна белая, другая черная и шелковый белый в полоску материал, разорванный пополам, привезенный отцом им на платица. Пришлось нам побывать и в хирургии, но у ее палаты дежурил милиционер. Отец и его старший сын приехали на похороны, а ее судили закрытым судом на мебельной фабрике, боялись разъяренной народной толпы. Дали 10 лет и лишили материнства.

На втором курсе учиться стало сложнее, русский язык я

сдала на 3, стипендии уже не полагалось, жить стало не на что . Я бросила училище и в начале лета 1954 года уехала в Ленинград.

А новым правителем в СССР стал Г. Маленков. Чтобы спасти деревню, он отменил крестьянский «оброк» и жители деревни вздохнули свободнее. Я не знаю, за какую вину он стал врагом народа, но это доброе дело хорошо повлияло на деревенский уклад.

В большом городе

Июнь 1954 года. И вот я в большом городе — в Ленинграде. Привез меня дядя Яша из нашей деревни. Сначала мы отправились на Кузнечный рынок, где он продавал мясо. А мне мама дала 7 сталинских рублей, куру и гуся. Куру надо было продать, а гуся отвезти дяде Грише, двоюродному мамину брату и его жене тете Фросе. А у них было своих трое детей, у дяди Гриши небольшая зарплата, тетя не работала, держала корову. Жили они на Московской сортировке.

Милые мои родные! Я так и осталась в неоплатном долгу перед ними. Я прожила у них больше 2-х месяцев, пока не нашла себе работу и общежитие.

Устроилась работать на кухню в детские ясли №128 на Южном шоссе, но меня не покидала мысль об учебе. И 1-го сентября 1955 года я поступила в медицинское училище на базе ГИДУВ (Государственного института доусовершенствования врачей). Это был Хрущевский спецнабор. Международное положение осложнялось, и Смольненский РККК (районный комитет Красного креста) делает дополнительный набор медсестер в количестве 150 человек.

Нам очень повезло с учителями, почти все были с

учеными степенями. До обеда они занимались с врачами, а после обеда с нами. Половина преподавателей была из военно-окружного госпиталя, которые также до обеда занимались с курсантами военно-медицинской академии, а затем с нами. Подготовка была серьезной, чтобы мы были готовы ко всему. Я мало где бывала за эти годы — в некоторых музеях, в парках, в основном ЦПКО имени Кирова, Бабушкинском. Политическая жизнь в то время была ключом. К власти пришел Никита Сергеевич Хрущев, политик умный, дальновидный. Первый с визитом приехал Джавахарлал Неру. Мы, девочки, спешили с учебы и нам надо было перейти через Невский проспект на Московский вокзал, а в это время должен был проезжать правительственный кортеж. Сплошной стеной стояли люди на тротуарах и сплошное ограждение из милиции. Мы очень просились, чтобы нас пропустили на вокзал, на поезд. Пропустили. Потом Никита Сергеевич ездил в Индию.

Сколько анекдотов распускали про него! Один из первых, как о замечательном «шахматисте» — «В Индии он на коня выиграл двух слонов». Это был намек на то, что подарив Неру породистого коня, получил в подарок двух индийских слонов.

В городе начинается большое строительство. Возводились крупнопанельные дома.

Особенно мы любовались стройкой на углу улиц Седова и Ивановской. Люди начали переезжать в новые квартиры из затопляемых Невой подвалов и из тесных коммуналочек. Как все радовались! И чтобы сейчас не говорили, я остаюсь при своем мнении, решение было правильное, даже и сейчас найдется много желающих жить в них. Страна крепла, набирала силы.

Учеба шла на отлично. Я и сейчас с удовольствием достаю и люблю свои голубенькими корочками и с гордостью показываю их детям и внукам. А на работе

заведующая Линденвальд Варвара Александровна была страшной грубиянкой. Утром вместо «здравствуйте» она говорила: «Ну, дураки, черти, все сделали?» А однажды она меня направила на курсы ПВО не знаю, почему, может потому, что я хорошо училась. К моей учебе добавилась еще одна — по противоатомной защите. Я и там училась на отлично. После курсов я должна была, получив ведомость и пособия, заниматься со своими сотрудниками. Я приезжаю в Невский райком ДОСААФ, за столом сидит высокий симпатичный, хорошо одетый мужчина.

Посмотрел на меня — маленькую, молоденькую, простенько одетую и говорит: «А что, у вас там больше некого было послать?» Вместо ответа я протянула ему свое удостоверение, он посмотрел его, ничего больше не сказал, сразу перешел к делу, начал объяснять, что и как нужно сделать. Занятия у меня прошли нормально. Вот и подошла к концу моя учеба. Жаль было расставаться со своими учителями. На всю жизнь запомнились слова нашего любимца врача-инфекциониста, подполковника из окружного госпиталя Олега Дмитриевича Новожилова: «Милые девочки, мы старались и учили вас очень хорошо. Желаем вам успешно работать. Но если из вас кто-нибудь недобросовестный попадется на моем пути, берегитесь».

Я не помню, где был выпускной вечер, но на нем были знаменитые артисты — Меркурьев, Карнович-Валуа и другие. И вот у меня в руке направление в Тосненский райздравотдел.

Заведующий отделом Мар сказал мне: «Куда же тебя определить, голубушка, все места уже заняты, поздно ты приехала». Это было 16 августа 1957 года. «Поедешь в Форносово, в ясли?» Я, конечно, согласилась. В райздравотделе был день аванса, и он познакомил меня с заведующей Жилкиной Антониной Васильевной. Мне предстояла дорога в какое-то Форносово, как потом оказалось, на всю жизнь.

17 августа 1957 года, собрав свои небольшие пожитки в чемодан, я отправилась на Витебский вокзал, села во второй вагон пригородного поезда Ленинград-Радофиниково. За окном мелькают пока знакомые остановки Купчино, Шушары, Пушкин. Проехали Павловск.

Вот какая-то река, за ней селения. Как потом оказалось это река Ижора и остановка 34 км.

Показался лес и потекли длинные минуты ожидания. Мне показалось, что этому лесу не будет конца. Проехали платформу 40 км. Мне очень не понравилось, что все остановки названы километрами, так безлико. Наконец лес расступился и поезд подкатил к станции.

Я перешла железнодорожные пути и пошла в сторону завода, куда пошли и все, так велела Антонина Васильевна. Идти пришлось по ломаным тесовым мосткам, засыпанных торфом.

Невдалеке виднелся поселок, какие-то черные двухэтажные дома с каланчами на крышах, как потом оказалось, это коридорные окна. А вокруг промерзающие насквозь бараки, окруженные развалахами-сараями. Вот и речка. Через нее ветхий деревянный шатающийся мостик, готовый рухнуть в любую минуту под тяжестью пешеходов. И однажды он рухнул в половодье и уплыл к большому мосту. Построили новый, который стоит до сих пор.

«Боже мой, — подумала я — куда это меня занесло?» Поднимаюсь в гору. Одинокaя понурaя лoшaдь тaщит вoз брикeтa пo рaзбитoй прoсeлoчнoй дoрoгe. A вoт и приземистoe дeрeвaннoe здaниe яслeй, a крyгoм мoрe цвeтoв и ни oднoгo дeрeвцa в пoсeлкe. Зaхoжy внyтрь, вoкpyг вce чистeнькo yбpaнo, вeздe вышивки — ришeльe, этo рaбoтa вeликoй тpyжeницy Aнтoнинy Вaсильeвнy Жилкинoй. Встрeтилe мeня в кoллeктивe в oснoвнoм дoбpoдyшнo. Рaбoтницy вce oпытнe,

со стажем, они делились своим опытом. А я, молоденькая выпускница, делилась с ними своими знаниями. Около 2-х недель я жила прямо в ясельках. Вспоминается мне случай, когда я понесла документы на прописку в заводоуправление. Их нужно было подписать у директора завода. Я захожу в кабинет и вижу симпатичного высокого человека со строгим лицом. У меня от страха задрожали поджилки. «Ну, — думаю, — будет мне сейчас, как в райкоме ДОСААФ Невского района». Директора звали Андрей Афанасьевич Кияница. Он взял мои документы и спросил: «Надолго к нам? Если надолго, желаю успеха».

Поселили меня в барак на Комсомольском переулке. Так началась моя трудовая жизнь.

Надо было знакомиться с поселком, с людьми. С родителями своих детей я познакомилась быстро. Чтобы познакомиться с молодежью, я отправилась в заводской клуб. Первая моя встреча там была с Арнольдом Михайловичем Векшиным. Он сразу пригласил меня в самодеятельность, попросил что-нибудь прочесть и изобразить, и вот я в этом замечательном коллективе. Вместе со мной приехали два инженера на завод- Алла Савось и Витя Симонов.

Алла Савось вскоре уехала. А Витя Симонов, умнейший человек, балагур, весельчак, был душой нашего коллектива. Очень скоро Андрей Афанасьевич предложил ему пост главного инженера. И Витя становится Виктором Ивановичем, Мы все были Нади, Тамары, Вити, Славы и однажды в директорском кабинете кто-то назвал Симонова Витей. Андрей Афанасьевич рассердился и строго-настрого приказал звать его Виктор Иванович. Но мы иногда в тихих уголках его все равно звали Витей. Шли дни. Я очень скучала по своим девушкам из общежития, да и паренек Саша остался там, маленький, невзрачный на вид, но очень умный, хорошо рисовал, разбирался в искусстве. Мне с ним было интересно

общаться. Каждый выходной я уезжала туда утром и вечером возвращалась. Поехала я и в этот хмурый октябрьский день 4 октября 1957 года. Мы долго болтали в комнате у девочек, а вечером Саша обещал проводить меня от Московской сортировки на железнодорожную станцию Купчино (теперь она называется Проспект Славы). Было уже темно, небо затянуло тучами, а в воздухе стоял туман. Мы шли по Южному шоссе, теперь здесь Проспект Славы, по обе стороны тянулись капустные поля совхоза «Шушары». Вдруг Саша спросил меня: «Ты слышала, спутник запустили?» «Нет, не слышала, — ответила я — расскажи, кто запустил, а то мы с девочками проболтали, а радио выключили». И Саша начал рассказывать, что запустили наши, и там где-то высоко в небе летает наша маленькая звездочка. Мы шли и всматривались в хмурое осеннее небо, а вдруг она блеснет где-то. Так мы дошли до станции Купчино. Народу в поезде было мало, я села к окну и не отрываясь смотрела в небо. Смотрели и другие. По тесовым мосткам мы шли тоже с поднятыми вверх головами, и хотя знали, что увидеть невооруженным глазом это чудо невозможно, нас вела какая-то гордость и радость.

Мои трудовые дела шли нормально, были и радости, и неудачи. С детьми я подружилась сразу, полюбила их, они меня. Ясельки были не очень удобными, спальня и игралка вместе, разбежаться было негде, но зато была большая уличная территория, покрытая травой, кругом клумбы с цветами. Приходилось много сажать деревьев. Как-то попросила Антонина Васильевна меня и Марию Ивановну Михайлову вышить салфетки на детские столики, купила нитки мулине, дала 5 детских простынок и мы, наверное, около 3-х месяцев в тихий час занимались этой работой. Салфетки получились на славу, и родители, и приезжие гости любовались ими. Попросила я Антонину Васильевну купить мне для занятий с детьми 4 больших куклы в кукольный уголок. Куклы

оказались целлулоидными голышами. Мне это не понравилось и я решила их одеть. От оконных штор осталось метра полтора голубого поплину, и я его выпросила для кукол. Больше месяца я шила майки, трусики, носочки, голубые платица, вязала тапки. Уголок получился на славу.

Меня не покидала мечта поступить в институт. Преподаватели из училища советовали идти в медицинский. В поселке открылся при школе заочно-консультационный пункт и я решила получше подготовиться и поступать в 1-й медицинский институт. Врач — эпидемиолог Эммануил Захарович из Тосненской СЭС, приезжавший в ясли с проверкой, сказал что лучше идти в САНГИК, так как в 1-й медицинский поступить очень сложно. Но я не послушалась. На последнем экзамене по химии меня очень заваливали, не знали, что ставить, то ли три, то ли четыре. Поставили три. Но, как потом выяснилось, причина была в другом — в том, что я в войну проживала на оккупированной территории. Многие мои сверстники пострадали тогда.

Пришлось вести большую общественную работу. Вспоминаю, как через два года после моего приезда в Форносово, меня, молодую комсомолку, избрали депутатом поселкового Совета. Шло заседание 1-й сессии этого созыва. Покидает пост председателя поссовета Гуляева Евдокия Прокофьевна. Единственным претендентом на этот пост оказывается Бакунина Евдокия Андреевна, работавшая до этого секретарем исполкома поссовета. Депутаты единогласно поддерживают эту кандидатуру, но она сама отказывается наотрез, на глазах слезы. Долго ее уговаривали Андрей Афанасьевич Кияница, Иван Евдокимович Михайлов и все депутаты. Наконец уговорили, обещали помогать. Так Евдокия Андреевна стала председателем. А утром следующего дня захожу в поссовет, она сидит с красными, опухшими глазами.

— Евдокия Андреевна, что с Вами?

— Проплакала всю ночь, меня Адамка (муж) вначале уговаривал, а под утро уже ругать стал.

— Успокойтесь, все будет хорошо, — сказал кто-то ей.

Потом у меня будет немало общественных нагрузок: депутат поселкового Совета, заседатель Тосненского районного суда, профгруппорг, член жилищно-бытовой комиссии, председатель родительского комитета школы и другие.

Художественная самодеятельность

Добрым словом хочется вспомнить заведующего клубом Векшина Арнольда Михайловича. Я не только стала участницей художественной самодеятельности, но и другом этой семьи. Концерты шли при полном аншлаге, ребяташки пристраивались прямо на полу у сцены, взрослые сидели и стояли у стен и в проходах. Телевизоров тогда ни у кого не было и все спешили в клуб. Тогда и появилась частушка:

*Если в клуб хочешь идти,
Табуретку прихвати,
Ну, а коль идешь семейкой-
Тащи целую скамейку!*

Так заставляли все свободные проходы и вдоль стен. Я участвовала в хоре, читала стихи. Особенно любил Арнольд Михайлович ставить большие пьесы. Помню несколько постановок пьесы А.Н.Островского «Женитьба Бальзаминова». Завком нам дал денег, и Векшин через райком ВЛКСМ организовал туристическую поездку в Новгород. Туристическое движение только зарождалось и мы в поселке были первопроходцами. Невозможно забыть и смотр художественной самодеятельности, проходивший на фабрике «Северное сияние» в Ленинграде. Возили нас тогда на грузовых бортовых машинах. Смотр прошел очень хорошо, и

директор их клуба принес нам духи «Красная Москва» и «Белая сирень» для снятия грима.

*Надежда Сергеевна с сыном
Валерием и мужем
Александром.*

Мы так насмывались, что духи чуть ли не рекой текли. У меня одежда в шкафу целый год пахла «Белой сиренью». На обратном пути мы зашли в булочную на Московском проспекте и не могли понять, почему все люди в магазине смотрят на нас как-то странно, только потом догадались — виноваты духи.

Я решила выйти замуж. Городского Сашу я уже давно оставила, и в 1962 году вышла замуж за другого Сашу, уроженца деревни Кайболово. Появились дети: Валера и Сережа.

Моя семейная жизнь сложилась менее удачно. Муж любил выпить, мой первенец Валера часто болел. Появившийся телевизор тоже отвлекал от клуба, но не забыть тот смотр цеховой самодеятельности, где мы заняли второе место. Помнится, как мне в 50 лет пришлось играть в КВН в новом доме культуры. Это, наверное, был самый большой аншлаг за время его существования. Играли детсад против литейного цеха, женщины против мужчин.

Увидев нас в гримерке, мужчины растерялись, но председатель профкома Цветкова Антонина Михайловна им шепнула, что будут подсуживать. Все прошло настолько удачно, что Андрей Афанасьевич пришел к нам в гримерку и от души благодарил. Обе команды были награждены поездкой в Новгород. А мы целые полгода ходили героями по поселку. Все останавливали нас и хвалили.

Годы шли. Вот уже и пенсия. Но с художественной самодеятельностью не рассталась, участвовала в хоре ветеранов при Форносовском доме культуры. И снова поездки, выступления, конкурсы, награды. Но рано или поздно, все кончается, годы уходят. Мне прошлого не жаль, я его вспоминаю с большой любовью. Я перебираю свои архивы, всматриваюсь в фотографии. Вот и одна из первых почетных грамот за участие в художественной самодеятельности, выданная 7 ноября 1961 года и подписанная Векшиным А.М.

Особо хочется отметить, что там же, при клубе, находилась небольшая библиотека.

Размещалась она также в комнате для репетиций, за сценой, в одном или двух шкафах, и Арнольд Михайлович иногда посылал кого-нибудь из нас отнести книги на дом старым и больным людям. Я иногда носила книги Г. Тиканову, они жили в доме 28 по Круговой улице.

Но не только в клубе собиралась молодежь. Часто по выходным на стадионе, расположенном между улицей Школьной и домом Андрея Афанасьевича Кияницы шли настоящие футбольные баталии. С северной стороны была возвышенность от снятого верхнего грунта на стадионе, где устраивались зрители, а их было больше половины поселка, которые уж очень любили футбол и по выходным всегда спешили на стадион. Восточные ворота находились недалеко от огорода Андрея Афанасьевича, и он каждый раз караулил свою картошку, выбрасывая забитый мяч на футбольное поле. Свою команду поддерживали дружно. Она играла очень хорошо. Стоит вспомнить таких футболистов, как Лева Котинев, Толя Сибает, Гена Беспалов и другие. Играл за нашу команду и старший лейтенант из близлежащей военчасти Юра Вальконин, правнук Ломоносова. Вместе с Левой, стройные, красивые, они могли забить мяч от одних ворот в другие. Юра был также нашим любимцем, весельчаком, балагуром. Он

закончил в Киеве военное училище электроники. У нас он влюбился в учительницу начальных классов Тамару Кудрявцеву, женился на ней, но потом его часть перевели в другое место и они уехали.

Вездесущие мальчишки обычно пристраивались с южной стороны и, когда трогалась машина проигравших гостей, они незаметно сзади цепляли метлу. И здесь иногда происходили целые баталии и чаще побеждали мальчишки. Вечерами молодежь собиралась и играла в волейбол, площадок было несколько за бараками, или просто прогуливались по Новгородской железнодорожной линии, где было сухо и чисто. Не было среди молодежи ни пьянства, ни наркомании, все это появится позже.

На работе у нас тоже произошли изменения: заведующей яслями становится Антонова Прасковья Яковлевна, а Жилкина Антонина Васильевна ушла работать медсестрой в амбулаторию. Вскоре, в 1964 году, ясли и детсад объединят в детский комбинат и передадут в ведение торфопредприятия «Форносово». Заведующей становится Валентина Ивановна Качалова. Мест в деткомбинате не хватало, группы были переполнены.

А где-то в конце 1970-х годов в нашем Бугаевском роду произошло очень важное событие, аукнулось отдаленное эхо войны. Мой двоюродный брат Гаврила, сын тети Анны, служил в кавалерийских войсках где-то в Белоруссии, недалеко от границы. У него была семья: жена и два сына. К началу войны старшему сыну было 3 года, а младшему всего полгодика. Гаврила с первых часов войны вступил в бой, а его семью эвакуировали-прикрепили к каждому по «бессмертничку» и погрузили в вагоны. По дороге поезд разбомбили, кто уцелел шли пешком, но и пешеходов бомбили. И в районе Белгородской области зловеющий металл настиг их. Все трое упали на обочине дороги. А в это время неподалеку в поле

женщина жала рожь. Уже были слышны звуки кононады. Она быстро побежала домой, надо было спасти своих детей, а их шестеро. Вдруг на дороге она услышала детский стон. Стонал трехлетний раненый мальчик, рядом лежали мертвые женщина и грудной ребенок. Она схватила ребенка и побежала в деревню, постучала в один, в другой дом, ей никто не ответил, принесла малыша домой, забрала своих детей и отправилась в укрытие. Немцы заняли деревню, а к вечеру все жители уже знали о найденныше, так его и прозвали. Кто-то зарезал последнюю курицу, уцелевшую после немецкого погрома, несли кто что мог. Мальчика вылечили, выходили и приютили в этой семье. Его маму и братика жители деревни похоронили, а он остался жить под своей фамилией и именем благодаря капсуле-бессмертнику. Кончилась война. Муж вернулся с фронта живым и невредимым. Шли годы. Искали отца Николая-найденныша, но отовсюду шли скудные ответы — «пропал без вести». Николай вырос, пошел служить в армию. Но мечта найти отца не угасала. Командование тоже включилось в поиски, воинская газета «Красная звезда» напечатала большую статью о нем под названием «Найденныш». Но у семьи в роду кроме отца военных не было и заметку никто не прочел.

Приемные родители после армии звали его домой, обещали дом построить, женить.

Но Николай решил вернуться на родину, в Белоруссию и поселился в городе Лиде.

А тем временем на Витебщине проживающая в деревне Дубровки уже пожилая моя тетя Анна продолжает искать своего сына Гаврилу и его жену с детьми. Мои родители к тому времени переехали жить в эту же деревню. Приезжая в отпуск, я тоже помогала тете писать во все инстанции, но ответ был неизменный: «Пропал без вести». У тети Анны было 6 детей.

Гаврила был старший, потом Мария, Шура, Иван, Виктор и

Николай. Сразу после войны Мария уезжает в Бобруйск. В конце сороковых годов Шура уезжает в Лиду. Уходит в армию Иван и тоже уезжает после службы в этот город, за ним Виктор и Николай. Но Николаю городская жизнь не понравилась. Его тянуло в родную деревню Дубровки, работа в поле, охота, рыбалка, белые лилии на озере. Шли годы. Шура, Иван и Виктор обзавелись семьями, детьми, все они долгие годы ходят по одним улицам и им не встретиться. Коля -найденыш работает водителем-дальнобойщиком, его дядя Иван водителем рейсового автобуса и «не было бы счастья, да несчастье помогло». В один день дядя Иван выехал на неисправном автобусе и ГАИ забрало у него талон и документы. Коля-найденыш выехал на неисправной машине и у него тоже забрали документы. Первым отремонтировал свой автобус дядя Иван и поехал в ГАИ. Он назвался дежурному-Томчонок Иван Степанович. Дежурный запомнил только фамилию и отдал документы Томчонка Николая Гавриловича. Иван читает и не верит своим глазам, а потом не мог скрыть своей радости. Переполошенные гаишники разобрались быстро, сажают Ивана в свою машину и едут в гараж к Коле. Вечером на квартире у Коли собралась вся большая семья Томчонков: тетя Шура с 2-мя детьми, дядя Иван с женой и двумя детьми, дядя Виктор с женой и двумя детьми. Проговорили всю ночь. Оказалось, что у Коли в Дубровках бабушка и дядя Николай с женой и детьми. Утром Коля-найденыш и его жена берут отпуск и едут в Дубровки, от станции далеко и они шлют телеграмму: «Встречайте Томчонков». Тетя Анна, получив телеграмму, прибегает к отцу, у него была колхозная лошадь. Поскольку поезда на станцию приходят только ночью, отец запрягает лошадь и в темную осеннюю ночь едет на станцию, находящуюся в 15 км от деревни. В вокзале кроме молодой пары никого не было. Томчонков он знал всех. Проверив все вокруг станции и на

автобусном вокзале, он вернулся назад и сел ждать следующий поезд. Но и следующим поездом никто не приехал. Отец спрашивает молодых людей:

— Вы не слышали, никто не спрашивал, как доехать до Дубровок?

— Мы едем в Дубровки.

После коротких расспросов отец сажает их на лошадь и утром они уже в Дубровках.

— Анна, посмотри, кого я тебе привез! — раздался голос с улицы.

Тетя Анна выбежала посмотреть, кто же это такие. В большом доме тети Анны набралось полно народу. Старожилы хорошо знали Гаврилу, и то, что нашелся его сын, было большим событием. Разговорам не было конца. Эта история не только коснулась нас, но о ней говорила вся Белоруссия.

Когда я прочитала это полученное от мамы письмо, слезы потекли из глаз.

К этому времени в своей работе я стала довольно опытным специалистом. К каждому празднику мне от завкома вручали премии, благодарности, я была занесена в Книгу почета и моя фотография помещалась на Доске почета, я имела звание Ветеран труда, грамоты от районо и облоно (областного отдела народного образования).

Подрастают дети. Начинается строительство нового детского комбината на 280 мест. Я постоянно повышала свою квалификацию и 5 июня 1987 года получила удостоверение дошкольного воспитателя ясельных групп. А в 1988 году мою кандидатуру выдвинули на присвоение высокого звания «воспитатель-методист». Не сразу в ГОРОНО поверили, что я лучший воспитатель в районе. Особенно их смутил высокий процент посещаемости детей в моей группе, и решили, что это старшая медсестра Антонова Прасковья Яковлевна подает

«липовые» сведения в район. Приехала проверка, бедную Антонову довели до слез, но все оказалось правильно. Мои детки росли крепкими и здоровыми. Так в сентябре 1988 года я стала лучшим воспитателем ясельных групп в районе, одной из лучших в области и одной из лучших по РСФСР. Моя персональная зарплата увеличилась на 15 рублей.

В личной жизни тоже произошли изменения. В 1974 году я получила 2-х комнатную квартиру в новом доме, что в значительной степени улучшило материальное положение.

Подрастали дети, учились в школе, я несколько лет возглавляла родительский комитет. В мою бытность председателем родительского комитета произошло знаменательное событие в жизни школы, да и всего поселка. 1 сентября 1978 года открылась новая современная двух-этажная школа, я оказалась свидетелем и участником происходящего.

Старая школа постройки 1948 года очень быстро оказалась мала и неудобна. Поэтому вопрос о строительстве новой стоял давно. Я помню еще в 1959 году мы, депутаты, на каждой сессии поселкового Совета выносили решение о необходимости строительства новой школы. В 70-десятых годах у меня оба сына были школьниками, и на каждом родительском собрании выносилось решение: «в Форносово нужно построить новую школу», но воз не двигался с места. И вот, наконец, в начале 1977 года выносятся решение за подписью первого секретаря обкома партии Романова Г.В. Построить в поселке Форносово новую школу с вводом в эксплуатацию 1 сентября 1978 года. Радости жителей поселка не было конца. Только и слышались разговоры: «А где будут строить? А какая она будет? А когда начнут?»

Время шло. Как-то в начале августа вызывает меня в школу директор Гаранькин Григорий Васильевич. «Ну, думаю, наверно мои сорванцы что-то натворили». Школа была пуста,

учителя в отпуске, Григория Васильевича нашла в учительской.

- Знаете, зачем я Вас вызвал?-спросил он — нашу школу хотят строить в Тосно. Там дети чуть ли не в три смены учатся. Вам нужно написать от имени родителей письмо на имя Романова и потребовательней. Сделать это нужно срочно.

Школьные проблемы я знала хорошо, поэтому письмо написала быстро, примерно следующего содержания: «Начальные классы учатся в неприспособленных 2-х квартирных домах, в классах тесно, темно и холодно. Многие девочки болеют циститами. Физкультурой заниматься негде. Тоже и у старшеклассников. Нет библиотеки, нет помещения для занятий в кружках, уроки физкультуры проходят в общем коридоре. Дети простывают. Поэтому с 1 сентября 1978 года мы отказываемся пускать детей в такую школу.»

Написала все это, а сама ушла на кухню. Прочел муж мою писанину и говорит:

— Ты что, жена, белены объелась? Ты кому это написала? Да знаешь ли ты, кто такой Романов? Завтра же явится КГБ, оставишь мне детей, суши срочно сухари.

Кто такой Романов я краем уха слышала, поэтому немного расстроилась, но мужу виду не подала:

— Вот сейчас пойду к директору школы, если он скажет, что плохо, перепишу, — успокоила я мужа.

Григория Васильевича я встретила в коридоре:

— Написала? Молодец! — и уселся читать в одном из классов. — Ну что ж, замечательно! — сказал он прочитав, и поставил свою подпись. Вслед за ним ставлю свою подпись я.

— Подписи собирать не надо, — сказал он напоследок.

— Ну, что, переписала? — спросил меня муж, как только я появилась на пороге.

— Нет, — ответила я, — Григорий Васильевичу

понравилось.

— Суши сухари, — снова предостерег муж.

— Пусть первым сушит Григорий Васильевич, а я потом — съязвила я мужу.

А Григорий Васильевич тем временем отправился собирать подписи на торфопредприятие, начал с кабинета директора Кияницы Андрея Афанасьевича. Тот прочитал мою писанину и говорит:

— Это еще что за безобразие? Такой важный документ и написан от руки. Анна Яковлевна (его секретарь), срочно перепечатайте это в двух экземплярах!

Телефонов тогда было мало и в конторе была женщина-курьер, ей поручили собрать подписи.

Подписей оказалось более 150, подписывались все — и для нынешних учащихся, и для будущих внуков. Письмо было отправлено Г.В.Романову.

1 сентября 1977 года мы отправили детей в школу. Вот и 1-я четверть кончилась, а о школе ничего не слышно.

— Григорий Васильевич, может нашу школу в Тосно строят? — спрашивали все.

— Нет, не строят, — уверенно отвечал он.

Вот и вторая четверть кончилась. Начался новый год. Дети снова сели за парты, а в поселке все тихо. И вдруг, 7 февраля 1978 года у меня под окнами зашумела, загремела техника, кладут рельсы, монтируют башенный кран, повесили фонари. У меня в квартире хоть иголки собирай. Работа закипела в две смены.

Параллельно стали завозить оборудование. Его завозили вагонами. Как быть? За простой вагонов берется огромный штраф. При школе под руководством Григория Васильевича организуется штаб по разгрузке вагонов, Андрей Афанасьевич

выделяет транспорт. А где брать грузчиков? Решили привлечь ребят. 8 класс трогать нельзя, у них экзамены на носу.

Выбор пал на семиклассников — их было 33 человека (17 девочек и 16 мальчиков). Ребята как на подбор: Рома Романенков, Вадим Наливайко, Коля Панасюк, Валера Трофимов, Витя Драчев и другие. Разгрузка вагонов стала осуществляться без простоев. Теперь встал вопрос: куда девать мебель? Освободили маленькую школу, а 1-й и 3-й классы стали учиться в большой в 3-ю смену.

Вот и учебный год закончился, а у строителей только 1-й этаж смонтирован, и всем становится ясно, что к 1 сентября школу не построить. Тогда строителям на помощь бросают третью бригаду. И вот уже кроют крышу, идут отделочные работы на 2-м этаже. Стали приглашать родителей отмывать классы.

Подошло 31 августа. Старший сын Валера у меня проснулся рано:

— Мама, покорми меня, нам приказ по штабу: заставить мебелью весь второй этаж!

— Вы же не успеете, — сказала я

— Успеем, нам подмога будет!

Младший-первоклассник — вскочил вслед за ним.

— А ты куда? — прикрикнула я, — марш спать, завтра в школу!

— Мы тоже договорились, — сказал он и убежал.

Вслед за ними отправилась и я. В фойе уже собралось несколько родителей. Григория Васильевича срочно вызвали в райком партии подписывать акт о приемке школы.

— Григорий Васильевич, да не подписывайте Вы этот акт, ведь на первом этаже отделочные работы вообще не начинались!

— Они еще и стадион должны построить, — добавила завуч Баранова Ираида Ивановна.

— Хорошо, не буду.

Конечно, мы его обещаниям не поверили, быстро принялись за работу. Нужно было намыть класс, коридоры на 2-м этаже и лестницу. Вот уже и обед прошел, а Григория Васильевича все не было. Больше всего его ждала Ираида Ивановна. Ей, как завучу, надо было повесить объявление, где собираться ребятам в школу.

— Пойду, напишу что-нибудь, сказала она и удалилась. Обратно вернулась быстро.

— Ну, что Вы там написали, — окружили мы ее.

— Написала: сбор у старой школы.

— Вот и хорошо! — сказала я — прощаемся со старой школой и придем в новую.

Григорий Васильевич вернулся только к вечеру.

— Ну, что? — окружили мы его.

— Подписал, а у вас что?

— У нас все намыто, вот только в фойе идут работы вовсю.

Тут вмешался начальник строительства:

— Вторая смена работу закончит, а третью всю поставлю на уборку, пояснил он.

— А красная лента есть? — обратился ко мне Григорий Васильевич.

— Вы мне такого поручения не давали, — заявила я.

— Срочно раздобыть красную ленту и все к ней нужное! — приказал он мне.

— Так магазин вот-вот закроется, — ответила я и быстро выбежала на улицу, шагами перемеряя периметр крыльца, на

ходу пересчитывая их в метры.

— Ура!, — закричала я с порога в магазине, — новую школу приняли, нужна красная лента!

Продащица бросилась к стеллажам, вытащила все ящики на прилавок, все перерыли, а красной ленты нет. Покупаю розовую капроновую, забегаю домой, беру большие портновские ножницы, красивый жостовский поднос и бегу в школу.

— Григорий Васильевич, нет красной ленты, я купила розовую. Сойдет?

— Сойдет, — устало махнул рукой директор.

Он, видимо, так устал за день, что ему было не до чего.

— Постой! — остановил он меня, — завтра речь от родителей скажешь ты. И мой совет — начинай с Центрального Комитета партии и вниз по ступенькам. Но для строителей как можно больше добрых слов.

Так закончилось 31 августа 1978 года.

А утром 1 сентября просыпаемся и глазам своим не верим. Все небо затянуло тучами, ни малейшего просвета, и льет, льет нудный ленинградский дождик. Плиты во дворе школы, так любовно уложенные строителями к торжественной линейке, все мокрые. В фойе уже полно народу. В углу, возле лестницы собрались строители. Трое мужчин в костюмах-начальство — стояли впереди. Я встала рядом. Все ждали Ираиду Ивановну. Она ушла встречать тех ребят, которые прочитали объявление и отправились к старой школе. Долго они себя ждать не заставили. Немного подмокшие, шумной гурьбой ввалились они в фойе, быстро разобрались по классам, зазвучал гимн, торжество началось. Вдруг я слышу шепот строителей у меня за спиной:

— Хорошо же наше начальство, не могли предупредить вчера, что все так торжественно будет. Мы хотя бы одежду

хорошую взяли!

Я оборачиваюсь к ним и говорю:

— Хорошие вы наши, сегодня ваша одежда — ваш талисман. Посмотрите, сколько народу и всем ясно что это вы сегодня наши герои!

Женщины замолчали. Выступлений было много. Все благодарили строителей. С ответным словом выступил начальник стройки. Он поблагодарил за теплые слова, пожелал успехов ученикам и учителям.

После этого звучит команда:

— Вручить цветы!

Ребята по обыкновению окружили своих учителей. И вдруг громкий торжественно-приказной голос Ираиды Ивановны:

— Все цветы строителям!!!

Ребята с одного угла бросились в другой. Получилась небольшая толкучка. Строителей буквально завалили цветами, потому что Ираида Ивановна заранее предупредила ребят, чтобы цветов было как можно больше.

Сзади за мной стояла женщина лет 45-ти, среднего роста, полная, круглолицая. Она держала охапку цветов на весу, боясь прижать их к комбинезону, как-будто испачкает их, а у самой слезы текут по щекам.

После этого была перерезана красная (розовая) лента, и первоклашки зашагали наверх а за ними и все остальные. Взрослые тоже отправились посмотреть это великое чудосветлые классы, новая мебель, по телевизору в каждом классе.

Так 1 сентября 1978 года была открыта новая школа. Она и сегодня является украшением нашего поселка.

О почётном гражданине Г.А. Дзичканце

С этим человеком меня свела судьба, когда ему было уже далеко за шестьдесят.

Высокий, худощавый, приятного сложения, своей выправкой, он выделялся среди остальных. Худощавое, немного продолговатое лицо с небольшими морщинами, ровный нос, светлые, по особому какие-то спокойные глаза, волосы с сединой.

Говорил он всегда тихо, спокойно, без эмоций. «Словно реченька журчит» — можно было сказать о его разговоре. За несколько лет совместного проживания в одной коммунальной квартире, а ни разу не слышала, как он повышал голос.

Он был отличным семьянином. Свою жену, Ольгу Игнатьевну, он провёз по всем фронтам гражданской войны. Он служил в армии Будённого, хорошо знал его. В длинные зимние вечера, когда мы собирались на общей кухне, он часто рассказывал нам, как били «белых», как жили в то время, особенно запомнилось мне о том, как пекли хлеб в полевой кухне.

Держался он всегда с достоинством, требовал уважения к себе, но и к другим относился уважительно. Интересовался всеми новостями в посёлке. Вся их жизнь была подчинена какому-то особому, домостроевскому порядку. В 10 часов-завтрак, в 14 часов-обед. Затем «тихий час». Первым шёл отдыхать Гедеон Алексеевич; Ольга Игнатьевна, убрав со стола и помыв посуду, шла за ним. В 4 часа дня — чай. Первым выходил Гедион Алексеевич, ставил чайник на огонь, готовил всё к чаю, а затем будил жену. Ужинали между 7-8 часами вечера. И ничто не могло нарушить этого уклада жизни. Только раз в неделю отступали они от заведённого порядка, когда их дочери Валерии Гедеоновне, работавшей учительницей, нужно было идти в школу к первому уроку.

Жили они тихо, спокойно, не любили ни шумных перестановок в комнате, ни больших генеральных уборок. В свободное от домашних дел время, он занимался общественной работой в посёлке. Много времени проводил в поссовете, в парторганизации. Часто выступал с лекциями о международном положении, о съездах партии и др. Он много писал в вышестоящие организации что-то требуя, пробивая для посёлка и его людей. Благодаря его хлопотам фornosовской амбулатории была выделена медицинская машина.

Очень поздно до него дошла награда, когда ему было уже за семьдесят. Сохранились все его послужные бумаги и Ольга Игнатьевна послала их в Москву. Награда пришла в начале семидесятых годов. Он был награждён Орденом Красного Знамени, который вручать приехало районное начальство. Геденон Алексеевич к тому времени был серьёзно болен и прикован к постели, сам за наградой явиться не мог. Я помню, как нарядная Ольга Игнатьевна, сияя от счастья, собирала праздничный стол. Им дали другое жильё — две комнаты в трёхкомнатной квартире на первом этаже в доме №23 по Павловскому шоссе.

Вскоре он умер. На похороны пришло поселковое и заводское начальство. Народу было не очень много. Похоронили его тихо, спокойно, как он и жил.

О самом страшном

Приближался новый 1979 год. Настроение у всех было предпраздничное. Люди ездили город, везли обновки, подарки, игрушки, продукты. Зима выдалась морозная и перед новым годом в здании заводууправлении замерзли трубы. Отогревать их отправились опытный работник Александр Степанов и молодой, недавно присланный на завод по распределению инженер Виктор Шамаев. Трубы отогревали паяльными

лампами, а перегородки между кабинетами были деревянными, видимо, попала искра, случился пожар. Дым заметили на чердаке, и Степанов с Шамаевым первыми бросились туда. Пожарная машина пришла вовремя, но беда заключалась в том, что крыша была новая, железная, вода с нее скатывалась, дым не уходил, сорвать крышу тоже не удавалось. На помощь прибыли команды из Тосно, Павловска, Федоровского, а двое людей находились в дыму и огне. Бедная Софья Фоминична бегала в отчаянии вокруг конторы и кричала :

— Степанов, отзовись!

Но все безрезультатно. Я не знаю, что было с Людмилой Григорьевной Шамаевой, у нее на руках была грудная малышка Ирочка, меньше года. На второй день крышу сорвали, нашли два трупа. Конторские работники пытались залезать в окна, спасти документы, но грозные окрики пожарных останавливали их. Архив и документы сгорели, часть рабочих, потеряв сведения о своих хороших заработках, долгие годы будут получать мизерную пенсию.

Гражданская панихида состоялась в клубе, сейчас в этом здании находится музыкальная школа. Прощаться пришел весь поселок. Трагедия была настолько большой, что описать словами ее невозможно. А маленькая Ирочка посещала в ясельках грудничковую группу, где работали медсестра Мария Ивановна Михайлова и нянечка Мария Петровна Пахолкова.

Они окружили Ирочку таким вниманием и заботой, чтобы ни одна слезинка не выкатилась из ее глаз. На одной ручке у нее был диатез, и Мария Ивановна очень заботливо лечила его. Если выдавалась свободная минутка, мы все бежали в группу к Марии Ивановне поразвлечь Ирочку. Потом она перешла в мою группу и я тоже не оставляла ее без внимания. Очень редко, лишь иногда я встречаю ее теперь. Это замечательная мама со своим чадушкой, а у меня сжимается

сердце от этой встречи. Такое же чувство возникает, когда я встречаю Софью Фоминичну. Контора заводууправления разместилась в только что освободившейся школе и находилась там продолжительное время, пока шел ремонт обгоревшего здания. Ремонт был сделан хороший. Шли годы. Трагедия понемногу забывалась. Люди трудились на славу и завод находился в числе лучших предприятий.

А что пожарная?

Пожарная команда располагалась на месте нынешней АТС. Это было здание с гаражом на две пожарные машины, с комнатой отдыха для команды, а с южной стороны пристройка, где жила семья Вербицких. Дежурным был один шофер, который в случае пожара должен был оповестить всю команду. Пожары случались редко и не очень сильные.

Команда проводила большую профилактическую работу. Весной они следили, чтобы не жгли сухую траву, чтобы не были захламлены коридоры, в осеннее время за исправностью электропроводки, так как случалось замыкание проводов. Так сгорела старенькая деревянная амбулатория. Пришлось строить новую, нынешнюю. Зимой, на прогулке, я часто наблюдала с детьми, как пожарная машина ездилa от одного противопожарного водоема к другому, прочищая подъезды и проруби. Водопровод в поселке был не во всех домах и на случай пожара машина заправлялась из водоема. В новогодние праздники пожарные также следили за установленными елками в школе, детском саду, яслях.

Особенно хочется отметить начальников пожарной команды — Николая Куприянова и Нину Наливайко, водителя Василия Кочевина. В дежурной комнате было домино, и наши мужья, побросав на жен все дела, спешили туда отдохнуть и поиграть в любимую игру. А чтобы их оттуда не выгоняли, они вступали в добровольную пожарную дружину, получали за это

три дня дополнительно к отпуску и деньги, заработанные на пожарах. Так однажды горел лес между станцией Новолисино и 40-м км. Больше суток мой Санечка тушил этот пожар, а через неделю Нина Наливайко принесла и вручила мне зарплату — 63 копейки(!) Мужа не было дома и я за него расписалась в ведомости. Нынешние жители, наверное, обратили внимание, что в поселке много лиственных деревьев и совсем нет хвойных. Это тоже работа пожарных. Они запрещали сажать хвойные деревья, так как те сильно горят, а дома и бараки были деревянные и близко расположенные друг к другу. В те годы мы чувствовали себя защищенными в противопожарном отношении, и были уверены, если случится несчастье, они рядом и вовремя придут на помощь. Так были спасены дома № 23, 27 по Павловскому шоссе, некоторые сараи. И сегодня мне хочется добрым словом помянуть людей, стоявших на нашей защите.

Хранители порядка

Первый участковый инспектор на территории поселка появился в 1949 году. Это был Евгений Максимович Лагутин. С ним я познакомилась в первые дни своего приезда. В ясельки ходил его младший сын Женя, и Евгений Максимович часто приводил и забирал его.

Семья у них была большая, а зарплата участкового, даже старшего лейтенанта, совсем маленькая. Жилось им трудно. Но, несмотря на все трудности, это был настоящий «Анискин», только не деревенский, а стройный, выше среднего роста, симпатичный, грамотный человек. Некоторые его недолюбливали, некоторые боялись, некоторые малограмотные верили всяким сплетням, но если случалась беда, все шли к нему. Большую часть суток он проводил у себя в кабинете, где его всегда можно было застать. Я не знаю, оставалось ли тогда какое-нибудь дело нераскрытым, он

хорошо знал людей в поселке, и, как Анискин, угадывал сразу. Домашними делами занималась его жена Мария Васильевна. Денег вечно не хватало, детей, кажется, было пятеро, и ей часто приходилось жить в долг. Иногда она не могла отдать вовремя, это порождало разные толки. Но кто тогда не занимал?

Очень любил Евгений Максимович детей, молодежь. У него в кабинете вечно толпились молодые люди, особенно по субботам и воскресеньям, и Лагутин рассказывал им интересные моменты из своей работы.

С 60-х годов в поселке появляется ДНД(добровольная народная дружина). Брали в нее и девушек, так что и мы стали бывать там частыми гостями, и тоже слушали рассказы Евгения Максимовича. Один из них я помню до сих пор. Это случилось перед Любанью.

Пригородный поезд останавливался на небольшом полустанке. Многие женщины возвращались домой с работы последней электричкой. До ближайшей деревни идти надо было через небольшой лес. Вдруг в этом лесу объявился грабитель. Он с капроновым чулком на лице отнимал сумки, деньги. Несколько раз на место происшествия выезжал наряд милиции, но безуспешно. Решили, что кто-то сообщает. Тогда весь отряд переодевают в женскую одежду, они выходят на полустанке и идут чуть-чуть сзади. Вдруг впереди раздаются женские крики.

Наряд бросился на помощь и преступник был схвачен. Им оказался житель местной деревни, а сведения ему передавала жена, возвращающаяся с последним поездом.

Мы потом долго смеялись над Евгением Максимовичем, рисуя его в разных женских нарядах. Смеялся с нами и он. Подросли дети, упорхнули из родного гнезда. Евгений Максимович вышел на пенсию, но продолжал работать на

разных работах, и очень жаль, что жизнь его оборвалась трагически, разбился на мотоцикле. Мария Васильевна, видимо, привыкла попрошайничать, так и жила. Мне вспоминаются трудные девяностые годы. Встречает она меня и просит в долг три рубля. Я не могла отказать пожилому человеку, тем более, что на этот раз у меня оказался небольшой запас. Я подала ей треху и сказала, что отдавать не надо, но встретив меня месяца через два, она протянула мне этот долг. Я не взяла, сказала, что это подарок. Больше мне с ней встречаться не пришлось.

О Евгении Максимовиче у меня остались хорошие впечатления, хотя кто-нибудь может со мной не согласиться. После Лагутина участковым работал Евгений Федорович Изотов и другие, но я с ними была мало знакома. Только Виктору Михайловичу Свинову тоже хочется сказать большое спасибо. Три раза он выручал меня, когда, уйдя на пенсию, я подрабатывала сторожем в детском саду.

Нашей нынешней полиции хочу пожелать успехов, хотя со времен войны не люблю слово «полиция».

Транспортная артерия

А что же транспорт? На заводе появилась механизация. Рабочих мест стало меньше.

Люди уходили на работу в Ленинград. С железнодорожной станции Новолисино можно было доехать до города. Три раза в день, в основном утром и вечером, ходил пригородный поезд Ленинград-Рогавка, а также один раз в сутки пассажирский поезд Ленинград-Новгород. Такое расписание поездов не всегда устраивало пассажиров, но они приспосабливались. Хуже стало, когда электрифицировали дорогу на Вырицу. Наш поезд стал ходить по маршруту Павловск-Рогавка. В Павловске надо было делать пересадку, а

поезд прозвали «подкидышем».

Большие изменения произошли, когда была электрифицирована дорога Павловск-Новолисино. Были пущены электропоезда Ленинград-Новолисино и железнодорожное сообщение с городом стало регулярным.

А как же добраться до Тосно? Этот путь очень долго оставался самым трудным. С Тосно нас связывает три автомагистрали и немного железнодорожная, но это в былом. Первая автомагистраль (с 1954г.) через Стекольный на Московское шоссе — «бетонка» — стратегического назначения. Гражданский транспорт не пропускали. Вторая через АРЗ, но она была в плачевном состоянии, особенно опасным был мост через реку Винокурку, вогнутый, узкий, разбитый. Третий маршрут — через Косые Мосты, Лисино-Корпус тоже был в плохом состоянии, особенно у деревни Новая, напротив болота Валасу. Поэтому в Тосно иногда приходилось ходить пешком. Выручала станция Новолисино. Один раз в сутки через неё проходила «летучка». Это старый паровозик тащил один пассажирский вагон по маршруту Гатчина-Мга. Утром он шёл на Мгу. Мы садились и ехали до остановки Пустынька, далее до станции Саблино шли пешком, садились в пригородный поезд и ехали в Тосно.

Раз в месяц к «летучке» цепляли вагон-лавку с хорошим товаром, все ходили туда за покупками.

Ни о каких автобусах в то время речи не было. Самое страшное — не ходила машина скорой помощи. В посёлке две грузовые машины: самосвал у Б. Короткова и бортовая у А. Палагина. На этих машинах наши бедные медики и днём и ночью отправляли тяжелобольных в больницу. Вспоминается такой случай: молодой женщине ночью срочно нужна операция. Врач подняла шоферов, надо было сбегать к каждому, но ни у кого не было достаточно бензина. Попутных машин тоже не было. Бензин собрали со всех машин, даже с

пожарной, которая была в посёлке. Женщину спасли.

Но жизнь не стоит на месте. Всё движется к лучшему. В посёлке появляется первый автобус № 317 маршрутом Тосно-Форносово, он ездил по стратегической дороге (бетонке).

Первое время ездили с паспортами, но потом это отменили, а маршрут продлили вначале до д.Фёдоровское, а затем до г. Павловск.

Большие изменения в транспорте произошли с появлением в посёлке в 1960 году асфальтно-бетонного завода. Первой была заасфальтирована дорога Ям-Ижора-Форносово-Косые Мосты-Лисино-Корпус-Строение-Тосно и по ней пустили автобус №332 . Затем асфальтируется дорога Поги-Кайболово-Еглизи-АРЗ-Московское шоссе и по ней пустили автобус №318 до Павловска. Но такое количество автобусов в дальнейшем себя не оправдало, остался один автобус №318, затем обозначенный № 618, он ходит через более населённые пункты и нас устраивает.

Машину скорой помощи можно вызвать из Тосно в любое время.

Нет худа без добра. А сейчас у нас в посёлке с транспортом добро. Нынешнее руководство позаботилось и о том, чтобы в посёлке появилось маршрутное такси. Спасибо им за это.

Теперь мы не заглядываем ни в какие расписания, а подхватываем свои сумочки и отправляемся к магазину, прозванному в народе «стекляшкой», на остановку маршруток.

Машины следуют одна за другой через Фёдоровское, Павловск, Пушкин, до метро Купчино.

Самый вкусный хлеб в поселке Форносово.

А еще поселок запомнился самым вкусным хлебом. Пекарня располагалась на площади, где нынче размещаются

мастерские ЖКХ. Заведовал пекарней Торгоня Николай.

Каждое утро повозка с хлебным ящиком подъезжала к пекарне и отвозила хлеб в магазин.

Огромные буханки по 2 кг и больше продавали на вес. Пекли и белый хлеб. Хлебный аромат разносился по поселку, магазин тоже наполнялся приятным запахом. Гости поселка старались обязательно по буханочке прихватить с собой. Витя Кияница как-то недавно вспомнил, как говорил отец, когда они собирались жить в Форносово: «Не знаю, какая там будет жизнь, но вот хлеб там самый вкусный». Однажды мы с Лидией Ивановной Максимовой по заданию поссовета отправились проверять пекарню. Перевесили буханки, все в норме, и бригадир смены дала Лидии Ивановне буханку, а мне, молоденькой, ничего не дали. Помню, как мне было обидно, буханка мне была и не нужна, просто мне очень хотелось съесть кусочек теплого ароматного хлебушка. Особенно вкусный хлеб пекла Абалуева, ее смена считалась лучшей. В другой смене работала Мария Стеблецова, других не помню.

Время шло, заработали на полную мощность хлебозаводы, нашу пекарню закрыли, хлеб стали возить из города, и такого вкусного хлеба нам теперь не купить. А в бывшей пекарне стали размещать другие цеха. В последние годы там находятся мастерские ЖКХ.

Куда бы пойти, или ещё раз о прекрасном

Когда у тебя появляется свободное время, то хочется пойти в приятное, доброе, ласковое место, где тебе всегда будут рады. Непросто его найти. А вот у нас в поселке Форносово есть такое местечко — это наша поселковая библиотека. Уже с порога слышишь ласковый, приветливый голос её хозяев и видишь, что попал в другой, какой-то чудный, заколдованный мир.

Здесь выставки и краеведческие стенды сразу окружают посетителя, среди них такие как «Посёлок Форносово. Основные вехи», посвящённый истории посёлка и его замечательным людям, «Не стереть с лица земли Победы, что мы в битвах обрели», а еще выставки творчества форносовцев – вышивки, резьбы по дереву, лоскутного шитья, ручного ткачества, фоторабот и др. Кругом чистота, уют. На столах аккуратные стопки газет, журналов, витрина с новыми книгами, чудесные детские издания.

Сама заведующая Форносовской библиотекой, Ермоленко Татьяна Симоновна, замечательный собеседник, краевед, педагог. Ею собран богатейший материал об истории нашего поселка и окружающих мест и замечательных людях. В 2004 году вышла в свет её книга «Страницы истории посёлка Форносово». Татьяна Симоновна имеет за свою работу много грамот, благодарностей, среди которых Благодарность министра культуры РФ, звание «Звезда культуры» – 2010г.» в номинации «Лучший библиотекарь года», она ветеран труда.

Библиотекарь Елена Николаевна Львова – её замечательная помощница. Она всегда поинтересуется вашими запросами, поможет подобрать нужную книгу, кто бы ты ни был, стар или мал. Сюда родители могут без опаски отпускать своих детей, и им всегда помогут найти нужную для урока литературу.

Но больше всего читателям нравятся литературно-музыкальные вечера творческого коллектива «Серебряные струны», которые проводятся в библиотеке. Начались они 22 октября 1992 года, когда в нашей стране отмечалось 100-летие Марины Цветаевой. Ей и был посвящен первый вечер. Потом были вечера, посвящённые поэзии Осипа Мандельштама, Бориса Пастернака, Анны Ахматовой, Сергея Есенина, Булата Окуджавы и других. Вот что написала одна из участниц и слушательниц таких вечеров Галимова Е.М.:

«Приходим мы сюда поэзию послушать и понимаем, станет мир наш лучше, ещё надежды лучик не пропал».

Особенно запомнились вечера нашего тосненского поэта Н.Б.Рачкова. Первая встреча с ним проходила в 1998 году в холодной, нетопленной из-за неработающего парового отопления библиотеке, все сидели в верхней одежде. Но Николай Борисович так вдохновенно читал свои стихи, что на душе у всех было тепло.

Вторая встреча состоялась 23 ноября 2013 года. Стихи читали все: и Николай Борисович и зрители. Тёплая встреча продолжилась за чашкой чая, четыре часа участники не отпускали поэта. Большое спасибо за это ему и организаторам этого поэтического вечера Татьяне Симоновне, Елене Николаевне и директору дома культуры Зуеву Виктору Владимировичу.

На вечерах даётся возможность выступить и местным самодеятельным поэтам. От старшего поколения на одном из них читала свои стихи Торгоня Татьяна Васильевна, от молодёжи Львова Оля и совсем юная шестиклассница Трофимова Оля.

Очень интересный вечер состоялся в 2008 году. Назывался он «Семейная реликвия».

Многие читатели вспоминали свою родовую историю, приносили старинные фотографии и сохранившиеся вещи и предметы их своих семейных архивов. Большого внимания заслуживало выступление Черных Ларисы Викторовны, Петровой Лидии Павловны и др.

Я тоже время от времени перебираю свой семейный архив...

Из семейных реликвий я бережно храню довоенную пожелтевшую фотографию моего свёкра Петра Фёдоровича Трофимова. Рассматриваю снимок человека с добрыми

глазами, приятным открытым лицом и вспоминаю, что мне известно о нём.

Дед Фёдор, отец Петра, до революции имел в деревне Кайболово несколько десятин земли, хороший дом-пятистенник и растил с бабой Катей четверых сыновей: Михаила, Сергея, Бориса и Петра, ставшего в последствии моим свёкром. Революция и гражданская война особо не повлияли на жителей Кайболова. Началась коллективизация, дед Фёдор отдал свои десятины в колхоз, а его сын Пётр стал колхозным председателем. Он ходил по деревне в кожаной куртке, в карманах которой были наган и партбилет. Борис Трофимов работал в торговле и незадолго до войны был осуждён, якобы за растрату. Михаила и Сергея призвали в армию по первой мобилизации. У свёкра, как у председателя, была бронь. Его взяли в ополчение, когда немцы взяли Любань и подошли к Тосно. У него остались жена Антонина и двое детей(младший, Александр, станет потом моим мужем). Жители деревни вырыли за церковью в Мызе себе окопы и первый удар немцев пережили там. Потом началась оккупация. Всё было разгромлено немцами. Начался страшный голод. Как-то сын Михаила ушёл в лес и не вернулся. Его младшая сестра Тамара Михайловна Скрыбина бережно хранит фотографию добротной Куньголовской школы, на фоне которой запечатлён её брат вместе с классом. Только через месяц нашли тело мальчика. Он был расстрелян немцами, так как они запрещали ходить в лес. Потом жителей начали угонять в неметчину. Все Трофимовы попали в Латвию. Особенно трудно пришлось свекрови Антонине Гавриловне. Рядом малые дети Валентин и Александр, нужно скрывать, что муж-коммунист, председатель колхоза. А хозяин, к которому они попали, требовал регистрации в управе. Жизнь им спасла русская надзирательница. Узнав обо всём, она перевела свекровь с детьми к другому хозяину, не требовавшему регистрации

работников. Три брата Трофимовы ушли на войну, и никто не вернулся. Михаил пропал без вести в октябре 1941 года. Мой свёкор пропал без вести в марте 1944 года. О Сергее ходили слухи, что он утонул в Волге. И только благодаря списку в Книге памяти, опубликованному в газете «Тосненский вестник», мы, родственники, узнали, что он умер в госпитале недалеко от Старой Руссы. И указано точное место захоронения. Я бережно храню «Тосненский вестник» от 6 ноября 1996 года с данными Книги памяти. В живых остался только Борис. Он поселился в Эстонии. Ещё у меня хранится медаль свекрови «В память 250-летия Ленинграда» и медаль мужа «50 лет Победы в Великой Отечественной войне». У меня есть сведения только о небольшой части рода Трофимовых. А ведь каждая семья в Кайболове — это отдельная история.

Вот такой вечер состоялся у нас в библиотеке. На нём мы больше узнали друг о друге, о наших семьях, о наших предках и, в конечном счёте — об истории нашей страны и мест, где мы сейчас живём.

В 2010 году работники библиотеки организовали вечер встречи читателей, чьё детство пришлось на годы войны. С какой болью и обидой рассказывали участники о своём потерянном детстве, отнятом войной. Как трудно было вспоминать об этом! Но память об этом должна храниться и передаваться следующим поколениям. Все участники этой встречи написали свои воспоминания и они хранятся теперь в библиотеке.

Первые вечера оформлялись выставками картин художника Олега Попова. А от зажжённых свечей в библиотеке струился добрый свет и тепло. Хочется, чтобы свет библиотечных окон и яркие лучики сердец библиотекарей никогда не гасли. Спасибо, что вы есть.

Корни родовые

Вечер «Семейная реликвия», прошедший в нашей Форносовской библиотеке, пробудил желание вспомнить, что же я знаю о своих предках. Оказалось, что моя память сохранила немало, ведь если не хранишь родовой истории, то, наверное, нет и самого рода.

Мой дед по материнской линии, Иван Бугаев, был потомственным крестьянином, потом служил в царской армии унтер-офицером, вышел в отставку зажиточным человеком, вернулся в родные места и поселился в соседней деревне Кондрашиха Невельского уезда Витебской губернии. Там он купил несколько десятин земли, построил хороший дом, посадил большой сад, на зависть всем соседям — яблони, сливы, вишни.

Женился он на первой красавице тех мест -капризной, своенравной девушке Марии Кавера.

Любовь оказалась очень сильной, сказочной, и они счастливо прожили всю жизнь.

Кроме работы на земле, дедушка очень любил лошадей, и часто приторговывал ими. Его любимым занятием была рыбалка, и он часто брал помощницей на близлежащее озеро Оборотно свою младшую дочь Матрёну, мою будущую маму.

Бабушка Мария вела домашнее хозяйство, работала на земле, а зимой занималась рукоделием, как и все крестьянки. Особенно хочется вспомнить один небольшой случай из её жизни. Неподалёку с озером располагался лес Головно. Чтобы сходить за грибами или за ягодами, жители всех деревень должны были отрабатывать барщину пану из имения Зубарева. Назначался день, все должны были явиться вовремя, а кто опаздывал, секли розгами и это считалось очень большим позором. Опоздала однажды и бабушка. Больше десяти километров бежала она бегом до имения, но не успела. На

крыльце её встретил пан.

«Ну, что, почему опоздала?» — спросил он. «Вот эта штука подвела» — сказала бабушка и похлопала себя по юбке между ног. Такая озорная выходка молодой красивой женщины пану понравилась, и он отпустил её на работу. Позор прошёл мимо.

Шли годы. В колхоз дед вступать не хотел, чем вызвал большое недовольство односельчан, ведь его крепкое хозяйство улучшило бы материально колхоз. В конце концов деду пришлось сдаться. Я его не помню. Бабушка умерла в 1941 году.

Мама вышла замуж в маленькую деревушку Боги, в большую крестьянскую семью Заблоцких. Дед Федот умело вёл хозяйство. А какие он плёл лапти, всей округе на зависть!

Его семья никогда не ходила с цыпками и ободранными жнивьем ногами. В лаптях было легко и удобно. Мама рассказывала, что сплёл он и мне, двухлетней девочке, сказочные игрушечные лапоточки. Отец Сергей — колхозный бригадир. Он занимался моим воспитанием, учил грамоте. Часто брал меня с собой на работу, а если надо было отлучиться на дальние поля, он где-нибудь на току оставлял меня мужчинам. Ну, а те, в свою очередь, не упускали случая научить меня всяким неприличным частушкам, и я их везде распевала. Отец, по-моему не упрекал их за это. Мама Матрёна воспитывала только что родившуюся мою маленькую сестрёнку и ходила в колхоз на работу. Тогда с нами оставался кто-нибудь их бабушек. В семье их было две. Одна — жена дедушки — Домна, другая инвалид от рождения, Анастасия. У неё не действовала рука. Она в основном и нянчила нас, детей из всей большой семьи, за что мы её так старательно дразнили Насткой — сухоручкой, получая за то шлепки от матерей. Умерла она в самое трудное время, после оккупации. Была зима. Четыре женщины, измученные войной, еле вырыли могилу. А весной, когда растаял снег, оказалось, что гроб

виднеется из земли. Пришлось перезахоранивать. Я иногда бываю на том нашем погосте. Вместе с братьями следим за могилками, кладём цветы, конфеты. А год назад попросила братьев поставить крест заново: «Ведь она меня нянчила когда-то».

Вскоре, в 1944 году, умирает и бабушка Домна.

Отец прожил короткую жизнь. Все те годы, что помню, он так и оставался бригадиром. Был в его кармане для охраны пистолет. Потом грянула Финская война. Отца забрали по повестке. Через месяц он вернулся и, к маминому удивлению, привёз нам, детям, мешочек сахара, которого не было в деревне. Там, в далёких краях, он целый месяц пил чай несладкий и копил нам гостинцы. Сразу после возвращения он заболел аппендицитом. Его отвезли в районную больницу. На весь район был один знаменитый хирург Скачевский, но он уехал на семинар на три дня. Операцию сделать было некому и отец умер. Осталась мама с двумя маленькими детьми, мне 2,5 года и сестрёнке Шуре — полгода. Мы уже жили по соседству с бабушкой Домной. Они все помогали маме. А из маленького сундука я часто брала отцовский вязанный шерстяной шлем и старую будённовку. Мама хранила их до оккупации, потом, боясь мести фашистов, уничтожила.

В конце 1940 года мама вышла замуж второй раз. Всё получилось как-то интересно и сказочно. Уговорила её двоюродная сестра. Жить в деревне одной женщине трудно. Работая в тех краях, тётя Анна узнала об одиноком мужчине и, не предупредив его, с мужем Василием и мамой отправляются сватами, но его на месте не оказалось. Местные жители подсказали, что в соседней деревне из дальних краёв к сёстрам вернулся брат, он сирота, жить негде и он согласится. Не раздумывая, наши сваты отправились туда. Всё так и получилось; поздно ночью в нашем доме вместе с мамой появился незнакомый мужчина, которого мы сразу назвали

папой. Все остались довольны. На всю оставшуюся жизнь осталась крепкая дружба между моими родными и новым отцом. Звали его Василий Тарасович Лукьянов. А я низко склоняю голову перед его светлой памятью. С мамой они прожили долго, не считая военной разлуки, которая грянула, как снег на голову. Первое письмо, долгожданный треугольник, мы получили от него спустя две недели после победы. В письме оказалась фотография нашей семьи, сделанная родственником Васей 21 июня 1941 года, а в воскресенье, 22 июня, мама сбегала и принесла уже готовые фотографии, мы тогда ещё и не знали, что уже идёт война.

Все эти годы я её берегла, как зеницу ока, окрестив «Последний мирный день», и вдруг она у меня куда-то исчезла. Буду искать. Писем с фронта было несколько, а поздней осенью ночью явился отец. Он шёл со станции Езерище пешком 12 километров, а так как он у нас до войны прожил мало, то заблудился и прошёл дальше, в деревню Березуха, оттуда вернулся назад, нашёл наш дом и громко застучал в дверь, чем очень напугал маму. Ведь у нас по ночам никто не ходил. Я помню, как сразу забралась к нему на колени и долго не слезала.

Вскоре начались его трудовые будни, об этом я писала ранее.

Заключение

*Ветеран труда – Трофимова
Надежда Сергеевна, 1988 год.*

В очередной раз я выхожу из дома. Но теперь мне не надо спешить на работу. Уже вечер, и не светятся окна в детском саду, в котором я проработала всю свою жизнь. Быстро иду по нашей центральной – Круговой улице. И сегодня, как всегда, по ней гуляет много молодежи – но это уже не мои воспитанники, это совсем новое поколение.

Но вот из подъезда показалась знакомая фигура – один из самых первых моих воспитанников – Сережа Курявин. Годы-то как летят! Сергей работает на нашем торфяном заводе водителем погрузчика. Сегодня он отец

двух взрослых сыновей. Мы соседи по огороду, и Сережа часто помогает мне – откроет парники, польет грядки, если я в отъезде, поправит козырек на погребке. Вот и сейчас поинтересовался, почему сегодня не была на огороде? Не заболела ли?

А в это время быстрым шагом мимо нас проходит Леша Торгоня, замечательный электрик и тоже мой воспитанник. И к нему мне порой приходится обращаться за помощью.

Как-то он ставил мне электрический счетчик и назвал очень низкую сумму оплаты. Я поинтересовалась, почему так.

Он ответил: а что с пенсионеров возьмешь, особенно с Вас, Надежда Сергеевна...

Иду дальше и вижу свет в окне моего старшего внука Славы. Наверное, его жена Таня что-то печет. Они оба трудятся на заводе ФАРТ. Сегодня к ним не пойду — спешу в магазин, пока не закрылся. И на торговой площади, и в магазинах чисто, аккуратно, большой выбор товаров. В поселке торговлей руководит Нелли Ивановна Федорова, она же глава нашего поселения. Всем она пытается помочь. Здесь же трудятся две моих воспитанницы, Катя и Лена.

Сегодня меня обслуживает Лена Галговская. И я вспоминаю ее совсем маленькой. Подвижная, жизнерадостная, тогда она постоянно пачкала свое платье в песочнице, и ее мама Зоя каждый вечер приносила чистое платье, и чумазую дочку переодевала тут же, на детской площадке. Сегодня Лена помогает мне выбрать к чаю конфеты и печенье, и мой путь по нашей Круговой продолжается.

Дохожу до детской площадки. Когда-то здесь стояло маленькое приземистое здание яслей, и я, молодая медсестра, начала свою трудовую жизнь. Помню свои неудачи и свои первые радости. До сих пор не забыла, как из «кораблика» торчал гвоздь, и Саша Пролетко порвал свою новую матроску. А Саша Михайлов оказался с большим синяком под глазом.

Давно его не видела. Окончив военное инженерное училище в Пушкине, побывал во многих местах Советского Союза. Вырастив дочь и двух сыновей, сейчас живет в Санкт-Петербурге.

На детской площадке шумят деревья-великаны. Все они когда-то были посажены мной. Многих из них уже нет, поэтому прошлой осенью по периметру площадки были высажены молодые сосенки — работа главы нашей администрации Михаила Михайловича Попова.

А в администрации работают сразу три мои воспитанницы: две Любы- Жмыкова и Погребенко и Юлия Ковалевская.

Ой, меня кто-то окликнул. Поворачиваюсь и вижу учительницу нашей школы Светлану Алексеевну Дементьеву. Ее мама — Ираида Ивановна Баранова, бывший учитель-методист, всю жизнь проработала в школе, получала награды. Светлана пришла на смену маме.

А вот, улыбается, увидев меня, один из первых моих воспитанников — Коля Дрогайцев.

Значит, еще одна остановка в этой моей прогулке.

Дети мои, дети! Сколько же вас в нашем поселке, а сколько живет сейчас в других краях...

Люди, оставившие заметный след в истории Форносово

Руководитель и человек. (О Фёodore Ивановиче Ерохине)

Федор Иванович Ерохин

В любом месте, будь то город, посёлок или вовсе небольшая деревенька есть люди, составляющие так называемый «золотой человеческий фонд», Личности, всей своей жизнью оставившие неповторимый след — в профессии, гражданской позиции, в человеческих сердцах. Их немного таких, чей авторитет был непререкаем и благодарной память.

Одним из них был Фёдор Иванович Ерохин (1935-2013), бывший директор торфопредприятия «Форносово». На заре создания этого производства, директора менялись очень часто, пока его не возглавил Андрей Афанасьевич Кияница, он-то и остался в памяти главным, первым директором, возглавляя предприятие 36 лет, до выхода на пенсию. А вторым директором по праву считается Фёдор Иванович, возглавивший торфопредприятие в очень сложный период, переживший с ним все трудности переходного периода от социалистического производства к акционерному обществу, благодаря чему предприятие до сих пор успешно работает в торфяной отрасли.

Его жизненный путь- этапы большого труда становления

личности молодого паренька из небольшого посёлка, до большого руководителя.

Фёдор Иванович Ерохин родился в посёлке Весёлый, Хомутовского района Курской области. Когда началась война, ему было 7 лет. Отец ушёл на фронт и не вернулся – пропал без вести в битве за Сталинград. Маленький Федя помогал своей маме по хозяйству, как мог.

Жили трудно, голодно. В их доме поселились немцы.

После освобождения территории от врагов, возобновились занятия в школе, которая находилась в другом селе, за несколько километров. Фёдор мечтал поступить в мореходную школу в Благовещенске. Но судьба распорядилась иначе. После окончания 7-го класса он на товарном поезде, который видел впервые в жизни, надев отцовский пиджак и взяв кусок сала с хлебом, едет в Ленинград. Жить было негде. Ночевал на скамейке на Марсовом поле. Его мама, читая письмо от сына, плакала, что сын спит на каком-то поле. А сын сдал экзамены в мореходную школу на «хорошо» и «отлично», но его не взяли. На это место прошёл с тройками сынок какого-то начальника.

Возвращаться домой не хотелось, да и стыдно было. Провожали-то всем селом. Так он и попал в ремесленное училище. Выучился на слесаря. В 17 лет, после окончания ремесленного училища, работал монтажником на стройке. Отслужив в армии, в 1958 году пошёл работать слесарем на торфопредприятие «Заплюское», где освоив несколько профессий – машиниста погрузочного крана, диспетчера транспортного отдела, инженера по технике безопасности движения, начальника перегрузки-возглавил транспортный отдел.

Без отрыва от производства закончил Северо-Западный заочный политехнический институт в Ленинграде. В 1973 году

переведён на должность заместителя директора торфопредприятия «Шувалово». С 1978 года он как высококвалифицированный специалист был назначен директором торфопредприятия «Ломоносовское», где работал до 1986 года, до назначения на должность заместителя генерального директора объединения «Ленторф».

В 1988 году трудовым коллективом торфопредприятия «Форносово» Фёдор Иванович Ерохин был избран генеральным директором. Впервые выбирали директора по конкурсу. Из пяти предложенных кандидатур большинством голосов прошёл Ерохин. Так судьба привела его в Форносово, где и прошли двадцать лет его жизни. Накопленный опыт он умело применял в работе. Коллектив торфорпредприятия «Форносово» под руководством Ф.И.Ерохина стабильно занимал высокие места в соревновании между предприятиями объединения.

Торфорпредприятие производило добычу кускового торфа, выпускало ряд фасованных грунтов и удобрений для садоводов и сельского хозяйства, поставляло торф на экспорт.

Более 50 лет отдал Фёдор Иванович торфяной промышленности, её развитию и совершенствованию. И это не просто слова. Об этом говорят его многочисленные награды: медаль «За достигнутые успехи в развитии народного хозяйства»(1982), «За доблестный труд» ,(1985), медаль ордена «За заслуги перед Отечеством 2-й степени»(2000), знак «Трудовая слава» 3-й степени(2001), знак «Шахтёрская слава» 2-й степени(2004), знак «За развитие Ленинградской области»(2004). Ф.И.Ерохин неоднократно награждался грамотами и благодарностями Правительства Ленинградской области, администрации МО «Тосненский район», администрации Форносовского городского поселения.

Наряду с успешной трудовой деятельностью, Фёдор Иванович всегда активно участвовал в общественной жизни.

Избирался секретарём партбюро, был членом Плюсского РК КПСС, председателем районного комитета партгосконтроля. Неоднократно избирался депутатом Ломоносовского и Тосненского Советов народных депутатов.

*Федор Иванович с женой
Светланой Афанасьевной*

В 2005 году Ф.И.Ерохин был избран председателем Совета депутатов Форносовского городского поселения 1-го созыва, являясь главой поселения. Человек государственного мышления, он был в курсе всех событий в стране, возглавив совет депутатов, он проштудировал ФЗ 131, чтобы грамотно составить устав поселения, как правильно действовать в современных условиях. Внёс большой вклад в

осуществление газификации посёлка, стараниями его и главы администрации Форносовского городского поселения Г.П.Журавлёвой посёлок Форносово вошёл в программу газификации. В посёлке в 2007 году были построены две модульные газовые котельные, решившие «больной» вопрос с отоплением и горячим водоснабжением. Внёс большой вклад в упорядочение градостроительной документации посёлка, составлении плана квартальной застройки микрорайона «посёлок у Семафора».

Фёдор Иванович обладал удивительной способностью легко сходитьсся с людьми, был общительный, доброжелательный, отзывчивый, жизнелюбивый человек, щедрый на добрые дела. Он всегда был готов оказать

посильную помощь жителям посёлка, общеобразовательной и детской музыкальной школам, дому культуры, библиотеке.

С первых дней жизни в посёлке, Фёдор Иванович помогал общественной ветеранской организации, а затем стал её членом. Благодаря ему была отремонтирована ветеранская комната в доме культуры, ставшая местом общения пожилых людей. Неоднократно помогал находить спонсоров для проведения ветеранских праздников.

Он всегда был вместе с народом: на митингах, торжественных мероприятиях, поселковых субботниках и сходах. При встрече на улице, каждый житель мог с ним поговорить о своих личных проблемах. А проблемы он умел решать.

Все эти качества, снискали Фёдору Ивановичу заслуженный авторитет, уважение и любовь всех, с кем ему приходилось работать и общаться. Он был верным и внимательным другом, прекрасным семьянином, заботливым сыном, отцом и дедом. Его заботы, любви и энергии хватало на всё и на всех.

22 июня 2009 года жизнь Фёдора Ивановича Ерохина трагически оборвалась. Много сил и душевного тепла отдал этот Человек людям. Он ушёл, оставив в сердцах благодарную память.

*(В статье использованы воспоминания Петровой
Светланы Афанасьевны-жены Ф.И.Ерохина и материалы
статьи Сивовой Антонины Фёдоровны «От человека
остаются дела»)*

Человек-памятник (о Михаиле Фёдоровиче Шаронове)

*Готовность к смерти — тоже ведь оружие,
И ты его однажды примени.
Мужчины умирают, если нужно,
И потому живут в веках они.*

Б. Пастернак

Каждому, приезжающему в посёлок Форносово, хорошо виден этот памятник. На высоком пьедестале, устремлённая ввысь бронзовая фигура лётчика, жестом руки будто зовущего в небо. Это чистое небо он дарит нам, живущим на этой земле.

22 июня 2007 года.

Памятник этот свидетельствует о тех далёких временах, когда наша страна сражалась с немецкими захватчиками. Здесь, где мы сейчас живём, зимой 1944 года шли жестокие бои по снятию блокады города Ленинграда. 17 января 1944 года над территорией, где сейчас находится посёлок Форносово, совершил подвиг лётчик 191 истребительного полка старший лейтенант Михаил Фёдорович Шаронов. Он

направил горящий самолёт на вражескую автоколонну и уничтожил её. За этот подвиг Шаронов посмертно удостоен звания Героя Советского Союза.

Война окончилась, но земля ещё долго отдавала свои

тайны. Так, в начале 50-х годов, следопыты Новолисинской восьмилетней школы нашли у железнодорожного разъезда в посёлке Форносово обломки советского самолёта и обгоревшие документы лётчика. Они принадлежали Михаилу Фёдоровичу Шаронову. Началась переписка с родственниками лётчика, его однополчанами, так стало известно о жизни Михаила Фёдоровича и его подвиге.

Родился 2 октября 1914 году в деревне Попышево Вачского района Горьковской области (ныне Нижегородской). Семья Шароновых была большая, многодетная. Татьяна Алексеевна и Фёдор Миронович растили пятерых сыновей: Ивана, Михаила, Александра, Алексея, Константина и дочь Татьяну. От своих родителей дети получили хорошие трудовые навыки. В 1922 году семья переехала в Городищи. Хозяйство семьи было бедное, безлошадное, поэтому старшие сыновья-Иван и Михаил рано познали всю тяжесть крестьянского труда. Мать всегда ставила их в пример, они в 12-13 лет так умели жать рожь, что она не успевала за ними вязать снопы.

Миша окончил семь классов Новосельской средней школы, а затем, в 1934 году Павловский индустриальный техникум. В эти годы проявился характер Михаила. Если старший брат Иван бросил учёбу и пошёл работать, то Михаил упорно продолжал учиться. Учился он очень хорошо, особенно любил физику и математику, занимался спортом.

После техникума работал мастером на заводе «Труд» в рабочем посёлке Вача, техником по строительству в артели «Красная заря». Проработав два года на заводе, был избран секретарём комсомольской организации, членом райкома комсомола.

Рабочие любили своего мастера. Это был правдивый и честный человек, хороший товарищ. Он старался успеть всюду, находил время и для своих увлечений: чтения книг и спорта.

*Михаил Федорович
Шаронов.*

С детства Михаил вынашивал мечту стать лётчиком, любимым его героем был Валерий Чкалов. В 1936 году Шаронов призван в Советскую Армию и направлен в военную школу г.Чугуева Харьковской области, которую окончил в январе 1940 года.

Исполнилась его мечта, он стал лётчиком. Работал в Кировограде в Украине.

Самым счастливым временем для семьи Шароновых было лето 1940 года, когда собралась вся семья. После продолжительной службы (с 1933г.) приехал с Тихоокеанского флота старший сын Иван- мичман сверхсрочной службы, приехал Михаил- военный лётчик; находилась в кругу родных и Татьяна, поступившая в медицинский институт г.Харькова, и Александр, призывавшийся служить в бронетанковую часть.

Сильные и красивые, они излучали уверенность, были весёлые и счастливые.

Но всё разрушил июнь 1941 года. Три сына и дочь Шароновых стали защитниками нашей Родины на земле, в небесах и на море.

Свой боевой счёт старший лейтенант Михаил Шаронов открыл в небе Одессы, он становится командиром эскадрильи, затем его перебрасывают на Северный Кавказ.

Как-то пятёрка советских «ястребков» во главе с командиром эскадрильи прикрывала боевые действия штурмовиков. Всё шло хорошо... И вдруг на подходе девять «мессершмиттов». Раздумывать некогда. Решение принято

мгновенно: «Атаковать!» В итоге пять сбитых вражеских машин, а остальные четыре, истратив боеприпасы, ретировались.

За мастерское ведение боя командир эскадрильи М.Ф.Шаронов был награждён орденом Красного Знамени. С мая 1942 по июнь 1943 года Шаронов учился на ускоренных курсах военной Академии, окончил командно-штурмовой факультет и был направлен в 191 истребительный полк, сражающийся под Ленинградом. Умный, высокоэрудированный офицер сразу пришёлся по душе лётчикам эскадрильи, которую он возглавлял.

Михаил Шаронов среди однополчан.

В то же время он не стеснялся учиться у своих боевых товарищей и скоро стал признанным асом, мастером ведения воздушного боя и атак наземных коммуникаций, грозным

бойцом и опытным командиром.

Летчики возглавляемой им эскадрильи ежедневно по 3-4 раза вылетали на боевые задания. И это не смотря на плохую погоду и короткий зимний день. А погода в те дни будто ополчилась против авиаторов: облака висели низко, почти над деревьями, не утихали метели. В таких условиях не каждый пилот мог вылетать на задание.

17 января 1944 года с 12 часов 55 минут до 13 часов 40 минут звено под командованием Шаронова штурмовало вражеские артбатареи на северных окраинах Дудергофа, подорвало 2 склада с боеприпасами, штурмовало автоколонну с войсками.

В тот же день с 14 часов 20 минут до 15 часов звено Шаронова штурмовало на восточной окраине Павловска скопление вражеских автомашин, среди которых находилось три танка. В результате были разбиты 5 автомашин с солдатами и боеприпасами и легковая машина.

Третий вылет в этот день оказался для М.Ф.Шаронова последним. Он вёл звено на выполнение боевого задания. В районе Новолисино-Аннолово-разъезд Стекольный двигалась колонна из 20 машин противника. Советские лётчики снизились до 300 м и атаковали колонну, делая по 2-3 атаки. От зенитного снаряда прямым попаданием самолёт Шаронова загорелся.

На горящем самолёте не дотянуть до своих, Шаронов передал командование группой своему заместителю. Объятый пламенем самолёт терял высоту...

Вот как описывали в письме родителям Шаронова однополчане последние минуты жизни своего командира: «Как верный сын Родины, член нашей партии Ленина-Сталина, верный традициям доблести русского офицера, Ваш сын Миша принял решение: дотянуть на свою территорию невозможно,

выпрыгнуть здесь на парашюте значит отдать себя на поругание немцам. Нет! Не быть этому, мстить врагу всем, чем можно, мстить за всех и за себя! И тут же как герой Родины, наш любимый командир направил свой горящий самолёт-истребитель в скопление немецких солдат и офицеров. Последовал сильный взрыв, самолёт Миши взорвался, а сам он отдал свою жизнь до конца, так же, как капитан Гастелло. Михаил Фёдорович, наш любимый командир ушёл от нас, но вместе с этим отправил на тот свет большую группу солдат и офицеров и уничтожил несколько автомашин с зенитными установками.

Дорогие родители, отец и мать нашего любимого товарища Шаронова, в тот же час, как вернулись лётчики с задания и доложили о случившемся, была собрана вся эскадрилья истребителей, все были извещены о героической потере своего командира. Все, как один, сказали одно: «Отомстим до конца, отомстим за гибель нашего командира!», лица приняли вид ещё более суровый, каждый хотел в это время плакать, но плакать не мог, потому что ненависть к врагу была настолько великой, что хотелось отомстить, и мстить до тех пор, пока будет хоть один немец с оужием против нашей Родины. Ваш сын героически отдал свою жизнь. 19 января 1944 года поступок товарища Шаронова повторил его подчинённый, лётчик младший лейтенант Сазыкин отдал свою жизнь также героически, как наш командир.

За проявленное геройство Ваш сын представлен к высшей награде- званию «Героя Советского Союза» и будет зачислен навечно в списки нашей части, его имя эскадрилья будет носить всегда с гордостью.»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 февраля 1944 года старшему лейтенанту, Михаилу Фёдоровичу Шаронову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Так окончилась земная жизнь героя, но память о нём останется навсегда.

Подвиг Шаронова описан в книгах: Герои Ленинградского неба. Лениздат, 1984г.; Иноземцев И.Г. Тараны в северном небе. М., Воениздат, 1981г.

Имя Шаронова носила пионерская дружина Форносовской школы, а также им названа одна из новых улиц посёлка Форносово.

9 мая 1974 года на митинге был установлен памятный камень с мемориальной доской об увековечивании памяти лётчика — Героя Советского Союза Михаила Фёдоровича Шаронова.

А 9 мая 1979 года состоялось торжественное открытие памятника лётчику-истребителю М.Ф.Шаронову, повторившему подвиг Николая Гастелло. Заслуженный скульптор, лауреат Государственной премии РСФСР Б. Плёткин и архитектор В.Литвяков создали впечатляющий монумент. В создании памятника герою были привлечены денежные средства местного Совета, торфопредприятия «Форносово», совхоза «Фёдоровское», ДРСУ-3, жителей посёлка.

На открытие приезжали бывшие однополчане М.Ф.Шаронова — И.Т.Тушев, В.В.Митрохин, А.Е.Резвый, а также брат героя Константин Фёдорович Шаронов и его племянница Надежда.

С тех пор каждое 9 мая, когда вся страна отмечает великий день — День Победы приходят к памятнику ветераны Великой Отечественной войны, представители организаций и жители посёлка с детьми, чтобы почтить память тех, кто отдал жизнь за то, чтобы наше небо всегда было мирным.

Жительница посёлка Н.И.Чуркина написала к этому торжественному дню стихи,искренние и сердечные строки которых проникнуты гордостью за героя-лётчика, память о котором сохраняют форносовцы:

*Земля! Земля! Как много ты страдала!
Как много горя ты в себе таишь.
Ты сыновьям для счастья жизнь давала,
Но...многих нет... И ты о том скорбишь.*

*Твой сын не раз взлетал в родное небо,
Чтоб защитить от нечисти тебя.
И знаешь ты, что он жестоким не был-
Стрелять его заставила война.*

*Война! Она зажгла в сердцах пожары мщенья,
Сплотила воедино весь народ.
Да, было тяжело, но небыло сомненья,
Что этот путь к победе приведёт:*

*Хрипит мотор, изранена машина!
И до своих уже не дотянуть,
А там, внизу, фашистская лавина...
Никто теперь не преградит ей путь.*

*«Ну, что ж»,- сказал он.- «Прожил хоть и мало,
Но долг я свой исполню до конца!»
И врезался в колонну!
Только пламя благословило подвиг молодца!*

*Склоним же головы, земляне,
Пред светлой памятью людей,
Чья жизнь горела, словно пламя,
Во имя счастья на земле!*

Оглавление

Как родилась эта книга.....	3
Почетные граждане поселка Форносово.....	5
Ольга Константиновна Алексеева.....	5
Евдокия Прокофьевна Гуляева.....	7
Гедеон Алексеевич Дзичканец.....	9
Андрей Афанасьевич Кияница.....	13
Евдокия Ивановна Кузьменко.....	17
Антонина Федоровна Сивова.....	19
Нина Ивановна Сырникова.....	24
Воспоминания жителей поселка Форносово, родившихся до 9 мая 1945 года.....	29
Адамяк Зинаида Петровна: «До настоящего времени меня преследует страх войны...».....	29
Баранова Ираида Ивановна: «О послевоенном детстве и любимой профессии».....	33
Бобкова Нина Алексеевна : «Мне жить помогают песни»....	39
Ильина Раиса Кирилловна: «Моя трудовая молодость».....	48
Лучкова Нина Фёдоровна: «Согревает сердце любовь и забота близких».....	50
Матвеева Валентина Николаевна: «Моё богатство — дружная, заботливая семья».....	55
Носкова Зоя Алексеевна: «Ни от одного дня моей жизни не отрекусь...».....	61
Прохорчева Римма Михайловна: « Несчастья закалили меня».....	67
Пожарская Татьяна: «Четыре истории из жизни моей семьи».....	99
Сивова Антонина Фёдоровна: «О том, что считаю важным».....	110
Солодилова Антонина Ивановна: «Всегда трудилась на совесть».....	124
Тимош Виталий Гаврилович: «Воспоминания о прошлом».....	130

Трофимова Надежда Сергеевна:

«Всё, что сердцу дорого, припоминаю...».....147

Люди, оставившие заметный след

в истории Форносово.....211

Руководитель и человек

(О Фёдоре Ивановиче Ерохине).....211

Человек-памятник

(о Михаиле Фёдоровиче Шаронове).....216

Форносовская поселковая библиотека
открыта в августе 1966 года.

С 1978 года входит в централизованную библиотечную
систему Тосненского района.

Открыта для читателей:

с 12 до 19 часов
в субботу с 11 до 18 часов
последний четверг месяца — санитарный день.

Телефон: (813 61) 63-182

Электронная почта: knigatosno24@yandex.ru

Выходные дни:

воскресенье
понедельник.

Отпечатано в Муниципальном образовательном автономном учреждении
«Центр информационных технологий»

187000, Ленинградская область, г. Тосно, ул. Чехова, д. 8;

тел./факс: (813 61) 22-573

Электронная почта: tsn@lokos.net

www.tsn.lokos.net

Тираж: 150 шт.

Поездка в Югровскую глорию, 2013 год

Творческая встреча с поэтом Николаем Рарковым
2013 год

*«О войне от первого лица»: встреча участников проекта
Война. Победа. Память. 2014 год*

Участники акции Бессмертный полк 9 мая 2014 год